РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МАИ-ИЮНЬ

"НАУКА"
МОСКВА - 1995

СОДЕРЖАНИЕ

Е.В. Урысон (Москва). Фундаментальные способности человека и наивная "анатомия" ... 3
В.Ю. Апресян (Москва). *Для и'ради:* сходства и различия ... 17
А.Е. Кибрик, Е.А. Богданова (Москва). *Сам* как оператор коррекции ожиданий адресата ... 28
Л.А. Сергиевская (Рязань). Модальность сложного предложения с императивной семантикой в современном русском языке ... 48
В.З. Санников (Москва). Каламбур как семантический феномен ... 56
Е.А. Иванчикова (Москва). "Подросток": повествование с лирическим рассказчиком ... 70
А.Д. Швейцер (Москва). История американского варианта английского языка: дискуссионные проблемы ... 77
М.Е. Алексеев (Москва). К реконструкции общедагестанской именной морфологии ... 92
В.Б. Иванов (Москва). Границы слова и инкапсуляция в персидском, таджикском и дари ... 102
А. А. Керимова (Москва). Об основных процессах развития современного таджикского литературного языка ... 118

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

М.М. Маковский (Москва). Компендиум славянской и индоевропейской этимологии (к двадцатилетию выхода в свет первого выпуска "Этимологического словаря славянских языков") ... 127

РЕЦЕНЗИИ

Г.А. Климов (Москва). *P.Lekmann.* Historical linguistics. Third edition ... 142
В.А. Плунгян (Москва). *A. Martinet.* Memoires d'un linguiste: Vivre les langues ... 145
Г.Ц. Пюрбеев (Москва). *У.-Ж.Ш. Дондуков.* Словообразование монгольских языков ... 148
А.В. Суперанская (Москва). *Л.П. Калакуцкая.* Фамилии. Имена. Отчества. Написание и склонение ... 150

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки ... 153

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Ю.Д. Апресян, А.В. Бондарко, В.Г. Гак, В.З. Демьянков, В.М. Живое, А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская, Ю.Н. Караулив, А.Е. Кибрик, Г.А. Климов (отв. секретарь), *Т.М. Николаева, Ю.В. Откупщиков, В.В. Петров, В.М. Солнцев, И.И. Толстой* (главный редактор), *О.И. Трубачев* (зам. главного редактора), *А.М. Щербак*

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2.
Институт русского языка, редакция журнала "Вопросы языкознания"

тел. 201-74-42

Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

© Российская академия наук,
Отделение литературы и языка РАН, 1995 г.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1995

© 1995 г. Е.В. УРЫСОН

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА И НАИВНАЯ "АНАТОМИЯ"*

Объект данного исследования - русские существительные, обозначающие некоторые фундаментальные способности человека; ср. *слух* - "способность слышать", *зрение* - "способность видеть", *память* - "способность запоминать, помнить и вспоминать", *ум, разум, рассудок, интеллект* - "способность думать и понимать", *воображение, фантазия* - "способность создавать мысленные образы" и др. Мы рассмотрим также слово *душа* в его основном значении и квазисинонимичную ему лексему[1] *сердце* - эти понятия имеют непосредственное отношение к фундаментальным способностям человека. Как будет показано ниже, эти существительные обладают одной, весьма яркой, особенностью поведения (тем самым, образуя лексикографический тип; см. [Апресян 1990]). Эту особенность мы объясняем спецификой их семантики, а именно - тем, что толкования данных слов обладают совершенно особой организацией. Цель предлагаемой работы - описать этот тип организации лексического значения. Мы начнем с квазисинонимов *душа* и *сердце,* а затем рассмотрим остальные слова из выбранного класса.

1. Душа и сердце имеют много общего[2]. Во-первых, они представляются находящимися где-то внутри человека, в его теле, а именно - в груди. Во-вторых, с ними связано представление о каких-то особенных, происходящих внутри них, процессах; ср. *Что же происходило тогда в его душе?, В сердце рождалась любовь.* Эти процессы ассоциируются с какими-то особыми функциями, которые выполняют душа и сердце. Тем самым, душа и сердце сближаются с обычными человеческими органами - легкими, печенью, мозгом и т.д., которые тоже находятся внутри человеческого тела и выполняют особые функции, обеспечивающие его жизнедеятельность. Однако душу - в отличие от, например, селезенки или желудка - нельзя увидеть ни при каких обстоятельствах: это не материальный, а представляемый орган. Тем не менее душа, подобно некоторым материальным органам, может болеть; ср. *Душа болит* - говоря так, имеют в виду специфическое физическое ощущение, локализованное в груди.

Автор докладывал предлагаемую работу на семинаре по логическому анализу и синтезу текстов (руководитель - Ю.Д. Апресян) в ИППИ РАН. Кроме того, описание многих рассматриваемых ниже слов обсуждалось на рабочих семинарах сектора теоретической семантики Института русского языка РАН (руководитель сектора - Ю.Д. Апресян), а лексикографическое описание синонимических рядов *душа* и *сердце, ум, разум, рассудок* и *интеллект* обсуждалось также на семинаре по логическому анализу естественного языка (руководитель - Н.Д. Арутюнова) в Институте языкознания РАН. Автор благодарит сотрудников сектора теоретической семантики и всех коллег, принимавших участие в дискуссиях. Особую благодарность автор приносит Ю.Д. Апресяну.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, инициативный проект 93-06-11050.

[1] В соответствии со словоупотреблением, сложившимся в Московской семантической школе, мы называем лексемой слово, рассматриваемое в одном из его (нескольких) значений.

[2] Предлагаемое описание этих лексем в большой степени опирается на работы А. Вежбицкой (см.. в частности, [Wierzbicka 1990; Wierzbicka 1992]), а также на словарную статью "Сердце" Л.Н. Иорданской в [ТКС 19841.

Такое высказывание часто сопровождается особым жестом - говорящий прижимает руки к груди, к тому месту, где он ощущает боль и где как бы находится душа. Такое высказывание может иметь и переносный смысл, ср. *Душа болит за него. Сердце* (как представляемый орган) тоже может болеть, но лишь в таком, переносном смысле; ср. *Сердце щемит: как она там одна!*

Каковы функции этих представляемых органов? В самом первом приближении можно говорить, что душа и сердце - это органы чувств. Душа и сердце являются также органами предчувствий, т.е. теми органами, с помощью которых человек может интуитивно постигать то, что произойдет в будущем, а также то, что было в прошлом или происходит в настоящий момент. Ср. *Я душой чувствую, что он вернется (что он был там; что он жив); Мне верится, что ты жив и отыщешься. Это мне подсказывает мое любящее сердце, и я доверяюсь его голосу* (Б. Пастернак. Доктор Живаго). Но эти представляемые органы имеют каждый еще и свои особые функции. Душа - это орган внутренней жизни человека, т.е. всего того, что не связано непосредственно ни с физиологией, ни с деятельностью интеллекта. Это средоточие внутреннего мира человека, его истинных чувств и желаний, т.е. того, что жизненно важно для данной личности. Ср. *В душе она хотела уйти; В глубине души он уже понимал, что им придется расстаться; Его душа была полна сомнений.* Невозможно **В душе он хотел спать, *В душе она хотела чаю* - непосредственные физиологические потребности никак не ассоциируются с *душой.* Однако нормально *В душе он хотел одного - напиться и заснуть,* потому что здесь речь идет скорее о желании забыться, нежели о желании удовлетворить физиологические потребности как таковые. Плохо **Его душа была полна научных планов; *В глубине души он уже понимал, что в данной системе аксиом эта теорема недоказуема.* Ср. однако *В глубине души он уже понимал, что теорема недоказуема* - речь идет о чем-то, что является жизненно важным для субъекта, затрагивает его чувства.

Душа занимает совершенно уникальное место в человеке, в системе его "составных частей". Она отождествляется с личностью человека, с его внутренним "я", с его сущностью. Ср. *Какая высокая (низкая, мелкая) душа* Это самое ценное, что есть у человека, причем как с точки зрения наивной "анатомии", так и с точки зрения этики.

С первой точки зрения человек состоит из двух частей - души и тела, причем душа не материальна и не связана ни с каким человеческим органом. Она мыслится как некое невидимое средоточие жизни в человеке - это то, что, находясь внутри тела, делает человека живым. Чисто "анатомическое" представление о душе сохранилось в устойчивых выражениях *в чем душа держится, душу вытрясти* (из кого); ср. *Неизвестно, в чем душа держится, а все тянулся, жил* (И. Бунин. Сверчок)[3].

С точки зрения этики душа является носителем некоего этического идеала, которому должна соответствовать, причем это соответствие ценится больше всех материальных благ. Поэтому душа может становиться объектом особой заботы человека, осознающего ее ценность. Ср. *Человеческий облик потерять страшно, Антон. Запачкать душу, ожесточиться* (А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом). Душа не всегда соответствует предъявляемым ей высоким требованиям, однако под влиянием жизненных обстоятельств она может в той или иной степени приближаться к идеалу. Ср. *Душа не выстрадает счастья, I Но может выстрадать себя* (Ф.И. Тютчев. "Когда на то нет Божьего согласья"). Человек может прилагать сознательные усилия

[3] Душа как орган жизни связана в первую очередь с дыханием; ср. *Он испустил последний вздох - душа отлетела от тела.* В современном языке сохранилось представление о связи души с другими процессами, локализованными в верхней части тела человека (но не с деятельностью сердца). Например, *Душа не принимает* (не могу есть или пить, часто - об алкогольных напитках). Ср. также примеры из прозы начала века: *Ел он страсть сколько: и колбасу, и бомбы шоколадные, и крендели, и слоенки - чего только его душа захочет* (И. Бунин. Ида); *Мучительно хочется чаю, - пожаловалась Рассудина. -Душа горит* (А.П. Чехов. Три года). В словаре В. Даля (статья "Душа") приводятся еще такие выражения: *На душе мутит, С души тянет* - тошнит; *С души скинуло* - вырвало; *Душа меру знает* - о количестве того, что человек может съесть или выпить.

к тому, чтобы его душа соответствовала высоким этическим требованиям: *Не позволяй душе лениться J Чтоб воду в ступе не толочь, I Душа обязана трудиться I И день и ночь, и день и ночь* (Н. Заболоцкий. "Не позволяй душе лениться").

Этический и анатомический взгляды на душу тесно переплетаются. Бесплотная душа противопоставляется материальному телу, которое, сближая человека с животным миром, само по себе не представляет никакой этической ценности. Ср. *Ты любишь только мое тело, а не душу! - горько сказала однажды Катя* (И. Бунин. Митина любовь).

Несмотря на свою совершенно уникальную роль, душа все же может ощущаться как один из многих органов человека. Ср. *Если могли промерзнуть кости, мог промерзнуть и отупеть мозг, могла промерзнуть и душа* (В. Шаламов. Плотники)[4].

Душа - то единственное в человеке, что является объектом особого философского размышления. С религиозной точки зрения душа связывает человека с высшим духовным началом - это тот орган, с помощью которого человек ощущает мистический, потусторонний мир. Ср. *Душа тянулась к Богу*. Тем самым еще более повышается ценность и души, и сознательных усилий человека, направленных на усовершенствование своей личности, ср. *спасать душу*. С этой же точки зрения смерти и распаду подвержено только материальное тело, а душа бессмертна. Она не зависит от тела и может существовать вне его. Подобно другим духовным сущностям душа обладает способностью передвигаться. Ср. *Он говорит, что когда человек умирает, его душа улетает из тела; В индийской религиозной философии возникло учение о переселении душ.*

"Религиозный" аспект души как и все то, что является предметом веры, не предполагает единства взглядов. Поэтому одинаковы осмысленны следующие, противоречащие друг другу высказывания: *Но наука доказала, I Что душа не существует* (детские стихи; пример заимствован из книги [Wierzbicka 1992]) и *Бог - в небе, в непостижимой высоте и силе, в том непонятном синем, что вверху над нами, безгранично далеко от земли; это вошло в меня с самых первых дней моих, равно как и то, что, невзирая на смерть, у каждого из нас есть где-то в груди душа и что душа эта бессмертна* (И. Бунин. Жизнь Арсеньева).

В отличие от души, сердце представляется лишь органом чувств и связанных с ними желаний человека, но не его внутренней жизни в целом. Ср. *Ее сердце было полно страха {злобы, любви, ненависти, радости); В сердце рождалась обида (зависть); Он хотел этого всем сердцем*. Невозможно **Ее сердце было полно сомнений*, **В глубине сердца он уже понимал, что им придется расстаться,* потому что сомнения и понимание чего-л. не являются чувствами. Чувства, органом которых является сердце, в гораздо большей степени, нежели чувства, ассоциируемые с душой, представляются не зависящими от конкретных внешних обстоятельств: они возникают как бы сами по себе, причем в их возникновении и развитии мала роль интеллектуальной оценки. Поэтому плохо **В сердце рождалось удивление (огорчение),* **В сердце рождался испуг:* удивление, огорчение, испуг предполагают, что существует нечто конкретное, что удивляет, огорчает или пугает субъекта. Невозможно также **В сердце рождалась боязнь показаться смешным:* боязнь выглядеть не так, как нужно, - это чувство, в котором велика доля интеллектуальной оценки. Тем самым, сердце связано с наиболее природной, стихийной частью внутреннего мира человека. С другой стороны, сердце связано с наиболее интимной стороной личности - это орган любви к человеку противоположного пола. Ср. *Ее сердце еще не знало любви, Он таил это чувство в глубине сердца.*

В отличие от души, сердце связано с материальным органом - с центральным органом кровообращения, находящимся в левой стороне груди. Представляемый орган эмоциональной жизни наделяется свойствами этого материального сердца. Сердце как

[4] Противоположной точки зрения придерживается А. Вежбицка [Wierzbicka 1992].

вместилище чувств ассоциируется с кровью, ср. *При этой мысли у меня сердце обливается кровью, Эти стихи написаны кровью сердца.* У органа чувств как бы есть определенное место, ср. *Положа руку на сердце, я его не люблю; Горькая нежность поднялась к сердцу мастера* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Ср. также следующие примеры, где сливаются два значения этого слова: *Пустое сердце бьется ровно, I В руке не дрогнул пистолет* (М.Ю. Лермонтов. Смерть Поэта); *Мое ничтожное сердце рвалось из-под шерстяной гимнастерки: меня! меня! меня назначь*[4]. (А. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ).

Ограничимся этим, эскизным описанием лексем *душа* и *сердце* - оно вполне достаточно для того, чтобы сделать ряд существенных выводов[5].

В соответствии с той обыденной картиной мира, в основе которой лежат всем известные начатки естественных наук, внутри человеческого тела имеются разные - материальные - органы и с ними ассоциируются различные, тоже материальные, процессы, протекающие внутри человеческого тела. Что касается чувств и желаний человека, то это особая сфера, которая может лишь косвенно связываться с анатомией и физиологией.

С точки зрения наивной картины мира, представленной в русском языке, человек устроен совершенно иначе. Во-первых, внутри человеческого тела имеются подобные органам, но нематериальные сущности, которые нельзя увидеть ни при каких обстоятельствах. Такие сущности можно назвать представляемыми органами (пример такого органа - душа). Во-вторых, психические процессы, подобно материальным, связаны с определенными органами внутри тела. Эти органы могут быть представляемыми или материальными (пример такого материального органа - сердце).

Иными словами, наивная "анатомия" отличается от привычных нам представлений о человеке как минимум в двух пунктах. Это, во-первых, перечень органов, и. во-вторых, их функции. В перечень органов наивной "анатомии" могут входить органы двух типов: нематериальные, представляемые органы и обычные, материальные органы, которым приписываются особые функции, имеющие отношение к психике человека. Пример органа второго типа - сердце: реальному органу кровообращения приписывается функция органа чувств.

Теперь сделаем еще один шаг. Рассмотрим следующие примеры: *У него совершенно нет души, У него нет сердца; Если у него есть сердце, он приедет.* В этих контекстах слова *душа* и *сердце* обозначают не представляемый орган, а скорее ту способность (точнее - некоторые из тех способностей), которую данный орган воплощает. В самом общем виде это способность сострадать, отзывчивость. Естественно считать, что в этих примерах представлены особые значения слов *душа* и *сердце.* Иными словами, мы имеем здесь дело с многозначностью "представляемый орган" - "соответствующая способность". (Именно такую полисемию усматривает в слове *сердце* [Словарь Ушакова].)

Отметим этот тип многозначности. Дело в том, что большинство других существительных, обозначающих фундаментальные способности человека, демонстрируют

- Мы отвлеклись, в частности, от того, что душа и сердце человека представляются не только как место неких особых процессов, но и как своего рода вместилища чувств, т.е. как нечто само по себе статичное. Ср. *Ее душа пуста, Ее сердце никем не занято {пусто}, Его душу (его сердце) переполняла радость.* При этом сильные, неподвластные человеку чувства как бы приходят в душу и в сердце извне. Ср. *Душу (сердце) охватила печаль; В душу закрадывался страх; В сердце его заполз страх и отчаяние* (М. Булгаков. Белая гвардия). Однако с душой ассоциируются все процессы, создающие внутреннюю жизнь человека. В частности, с душой, но не с сердцем связано представление о внутренней речи. ср. *В душе он умолял ее остаться* (связь души с внутренней речью отмечается, в частности, А. Вежбицкой, см. [Wierzbicka 1990]). Ср. также *Я говорю сейчас словами теми. I Что только раз рождаются в душе* (А. Ахматова. Вечерняя комната). Процессы, происходящие в сердце, связаны в основном с возникновением, зарождением того или иного чувства, ср. *В сердце рождалась любовь, Надежда вспыхнула в сердце Иуды* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Подробнее о лексемах *душа* и *сердце* смотри наше описание этих квазисинонимов в [Синонимический словарь 1994].

совершенно иной тип организации подобной семантики. Начнем наш анализ со слова *ум* в его основном значении.

2. Является ли ум представляемым органом, подобным душе и сердцу? На первый взгляд кажется, что нет: ум - это некоторая способность, а именно — способность думать и понимать. Ср. *Он совсем ума лишился* (лишился способности); *На это у него ума не хватит; Природа наделила ее и умом, и красотой; Меня смущала ее спокойная деловитость, ум, то, что всегда во всем права была она* (Б. Зайцев. Изгнание).

Однако в некоторых контекстах слово *ум* обозначает не способность, а нечто иное. Ср. *Умом Россию не понять* - как *увидеть {своими) глазами, услышать {своими) ушами; Ее ум ничем не занят* - как *Ее душа пуста; Странная мысль мелькнула в его уме* - как *В сердце рождалась любовь.* Как интерпретировать подобные высказывания?

На наш взгляд, ум предстает здесь как орган мышления. Следующие примеры подтверждают наше предположение: *Кто меня враждебной властью I Из ничтожества воззвал, I Душу мне наполнил страстью, I Ум сомненьем взволновал* (А.С. Пушкин, "Дар напрасный, дар случайный"); *Цели нет передо мною, I Сердце, пусто, празден ум* (А.С. Пушкин. "Дар напрасный, дар случайный"). (Возможно, эти примеры несколько отклоняются от современной нормы, но это свидетельствует лишь о том, что в поэтическом языке 19 века представление об уме как органе было более обычным, нежели теперь.)

Ум имеет определенную локализацию. Он представляется находящимся где-то в верхней части головы человека, в области лба и висков. Говоря, что кто-то лишился ума (или *повредился в уме),* говорящий может постучать себя согнутым указательным пальцем по середине лба или же как бы вкручивать прямой указательный палец в висок. Последний жест имеет специальное название: *покрутить пальцем около виска.* Оба жеста могут употребляться без всяких слов как замена соответствующих высказываний. Наличие локализации - еще одно свидетельство в пользу того, что ум может представляться как некий орган.

Есть глубокое различие между умом как органом с одной стороны и душой и сердцем — с другой: с умом не ассоциируются никакие физические (в частности, болевые) ощущения. Возможно благодаря этому слово *ум* воспринимается прежде всего как обозначение способности. Все же ум подобно обычным человеческим органам, может мыслиться как вместилище чего-либо; ср. *держать в уме; Странное подозрение возникло в его уме.* Правда, ум (даже как вместилище) не представляется чем-то достаточно компактным, имеющим четкие границы. Это отделяет ум от обычных органов. (Отметим, что душа мыслится как нечто, хотя и невидимое, но вполне четко очерченное; поэтому следующее высказывание совершенно нормально: *Он душу младую в объятиях нес* (М.Ю. Лермонтов, Демон).)

Итак, с умом связывается двойственное представление: это и некоторая способность, и представляемый орган, ее воплощающий[6]. Можно сказать, что в этом слове на фоне значения способности просвечивает значение органа. Может быть, мы имеем дело с разными значениями слова *ум!* Положительный ответ на этот вопрос дает совершенно антиинтуитивное описание. Естественно истолковать слово *ум* в данном его значении так (упрощенно): *ум* ~ "способность человека думать и понимать или нечто представляемое, подобное органу, с помощью которого человек думает и понимает".

Сосредоточимся на этом толковании. Оно имеет следующую схему: "способность человека [что-то делать] или нечто представляемое, подобное органу [с помощью

[6] Наше описание лексемы *ум* отличается не только от общепринятых описаний, но и от анализа А. Вежбицкой, которая не усматривает в семантике этого слова представления о некоем органе. В этом, по мнению А. Вежбицкой. состоит различие между русск. *ум* и англ. *mind* - английское существительное обозначает представляемый орган, сближаясь тем самым с русским словом *душа* (см. [Wierzbicka 1992]).

которого человек это делает]"'. Что представляет собой элемент "или" в этом толковании?

Компонент "или" здесь - это не логическая дизъюнкция, а русский союз *или* в его центральном значении. В соответствии с описанием В.З. Санникова [Санников 1989], союз *или* выражает неопределенность, неточное знание. А именно (с некоторым упрощением): X *или Y* ~ "возможно X, возможно Y" [Санников 1989: 104]. Возвращаясь к нашему случаю, *ум* - это "возможно способность, возможно орган". Тем самым, значение слова *ум* диффузно, неопределенно[8]. В конкретном высказывании реализуется та часть значения лексемы, которая семантически согласуется с контекстом[9]. По-видимому, есть и такие случаи, когда можно говорить о реализации любого компонента значения, ср. *Меня поразил его ум.*

Существенно, что рассматриваемые компоненты значения неравноправны: значение органа находится где-то на заднем плане лексемы. Поэтому гиперонимом к данному слову является слово *способность;* ср. *Ум - это способность человека думать,* но невозможно **Ум - это такой орган, он находится где-то в голове.* Как отразить это неравноправие компонентов в толковании?

Говоря, что гиперонимом к слову *ум* является слово *способность,* мы просто констатируем тот факт, что современный носитель русского языка таким образом представляет ум. Соответствующую информацию мы предлагаем непосредственно вписать в толкование в виде специального компонента: "желая объяснить, что такое ум, мы говорим, что это способность думать и понимать". Итак, огрубленное толкование слова *ум* (в данном его значении) выглядит так: *ум* ~ "способность человека думать и понимать или представляемый орган, с помощью которого человек думает и понимает; желая объяснить, что такое ум, мы говорим, что это способность".

Обратим внимание на то, что последний компонент толкования имеет совершенно особый статус: он отражает только языковое сознание носителей языка, но не их языковое поведение. Иными словами, мы имеем дело с достаточно экзотической ситуацией, когда языковое сознание носителей языка расходится с их языковым поведением. Вопрос о причинах такого несоответствия будет обсуждаться ниже. Сейчас сосредоточимся на основной части схемы толкования.

Специального комментария заслуживает еще один ее компонент, а именно - "способность". В контекстах типа *способность человека думать и понимать* существительное *способность* - это, очевидно, синтаксический дериват от краткого прилагательного *способен,* или, на языке лексических функций И.А. Мельчука (см. [Мельчук 1974], *способность* = S_0 *(способен).* Ср. естественное перифразирование: *Человек способен думать и понимать - Человек обладает способностью думать и понимать.* Тем самым, значение данной лексемы *способность* совпадает (с точностью до категориальной семантики) со значением краткого прилагательного *способен.* Рассматриваемая лексема *способность* находится отнюдь не на периферии языка. Примеры: *Способность насекомых воспринимать такие колебания была доказана экспериментально; Некоторые настолько втягивались в зубрежку, что утрачивали всякую способность отвечать "своими словами"* (Мамин-Сибиряк, пример из [БАС]); *Радостное известие обладает способностью распространяться с удивительной быстротой* (пример из [БАС]). Рассмотрим теперь предикат *способен.* Он, очевидно, обозначает т.н. устойчивое состояние (по классификации Е.В. Падучевой (см. [Падучева 1985: 221]). Но тогда лексема *способность* как синтаксический дериват от *спосо-*

[7] В дальнейшем для краткости будем последний компонент схемы обозначать просто: "представляемый орган".

[8] Этим слово *ум* отличается от слов с включительно-дизъюнктивной организацией значения, описанных Ю.Д. Апресяном (см. [Апресян 1974: 84]). Последние тоже содержат в своем толковании компонент "или", но он представляет собой логическую дизъюнкцию.

[9] О семантическом согласовании см. [Апресян 1974: 74].

бен тоже обозначает устойчивое состояние. Это важно помнить потому, что слово *способность* неоднозначно. Одно из других его значений представлено, например, в высказывании *Он напрягал все свои способности.* Ясно, что *способности* в этом примере - это не "устойчивое состояние", а нечто совершенно иное. (Такое значение слова *способность* будет рассматриваться ниже).

Мы проанализировали схему толкования слова *ум* в его основном значении. Наша гипотеза состоит в том, что существительные, обозначающие фундаментальные способности человека, обладают той же диффузной организацией значения, что и данная лексема *ум,* причем практически во всех случаях языковое поведение носителей языка расходится с их языковым сознанием. Иными словами, мы полагаем, что толкования рассматриваемых лексем организованы по следующей схеме:

X - "способность человека P или представляемый орган, благодаря которому человек способен P; желая объяснить, что такое X, мы говорим, что это способность".

Проверим эту гипотезу. Ограничимся сначала основной частью схемы.

3. *Разум* и *рассудок* - ближайшие синонимы лексемы *ум.* Поведение их тоже двойственно: в одних контекстах *разум* и *рассудок* выступают как обозначение способности, в других - как обозначение некоего органа. Ср. *Я лишаюсь разума (рассудка), когда начинаю об этом думать* (лишаюсь способности, ср. *Я лишаюсь способности вообще что-либо понимать, когда пытаюсь в этом разобраться);* но *Ее разум (рассудок) не выдержал этого* - как *Сердце* [реальный орган] *не выдержало; Мой разум (рассудок) отказывается это понимать* - как *Желудок отказывается принимать такую пищу.* Эту двойственность лексем *разум* и *рассудок* мы объясняем тем, что их значения диффузны: в толковании каждой лексемы совмещаются компоненты "способность" и "орган"[10].

4. Слово *память* в его основном значении, подобно лексемам *ум, разум* и *рассудок,* всеми толковыми словарями толкуется как "способность": *память* ~ "способность человека запоминать, помнить и вспоминать". Исключение представляет собой [ТКС 1984], где эта лексема толкуется следующим образом: *память X-а на Z [память Пети на лица]* - "специальное устройство внутри организма *X-а,* воплощающее способность *X-а* запоминать, помнить и вспоминать Z". Толкование из [ТКС 1984] дает семантическое объяснение "нелогичной" сочетаемости лексемы *память.* Действительно, в большинстве сочетаний *память* предстает как обозначение чего-то функционирующего, некоего воображаемого устройства, некоего представляемого органа; ср. *перегружать память, развивать (тренировать) память, хранить(ся) в памяти, оставаться в памяти, откладываться в памяти, отпечатываться (запечатлеваться) в памяти, врезаться в память, изглаживаться из памяти, стираться в памяти, возникать (всплывать) в памяти, перебирать в памяти, вычеркивать из памяти, Память слабеет.*

Существенно, что этот воображаемый орган в ряде отношений напоминает вместилище (ср. *откладывать в памяти, хранить в памяти),* что увеличивает сходство памяти с некоторыми обычными человеческими органами (которые тоже могут быть полыми, ср., например, желудок, легкие). Есть еще некоторые особенности, которые сближают память с обычными органами. Это, во-первых, представление о том, что память можно напрягать, подобно, например, мышце; ср. *усилие памяти, напрягать память.* Во-вторых, это представление (отчасти противоречащее первому) о том, что память может функционировать независимо от воли субъекта. Ср. *В памяти непрошено возникают (всплывают) образы далекого прошлого; Не в меру услужливая память разворачивала картины прошлого* и т.п.

[10] Синонимы *ум, разум* и *рассудок* описывают разные аспекты данной способности (органа). Тонкие семантические различия между этими синонимами, а также отличие этих трех лексем от лексемы *интеллект* подробно описаны нами в [Синонимический словарь 1994].

С памятью связывается и представление о локализации, впрочем, не столь четко выраженное, как в случае души и ума; все же мы знаем, что память находится где-то в голове[11]. Правда, с памятью не связываются никакие физические, в частности - болевые, ощущения, а именно они в первую очередь свидетельствуют о "невыдуманности", реальности органа. (Вспомним, что душа как раз может болеть.) В целом лексема *память* очень напоминает обозначения обычных органов, и это прекрасно отражает словарная статья в [ТКС 1984].

Тем не менее обсуждаемое толкование лексемы *память* не совсем удовлетворительно: в некоторых сочетаниях это слово предстает как обозначение не органа, а способности; ср. *терять память (Он теряет память), лишаться памяти. Память возвращается (Временами память возвращалась к ней, но потом она опять все забывала).* При этом, некоторые примеры не допускают вполне однозначной интерпретации, ср. *Меня удивила ее память.* С нашей точки зрения, значение лексемы *память* диффузно, и его организация соответствует предложенной выше схеме. Интересно, что большинство толковых словарей с одной стороны и [ТКС 1984] с другой отразили в своих толкованиях разные аспекты значения этой лексемы.

5. Слово *совесть*[12] в самом первом приближении можно истолковать так: "способность человека оценивать с нравственной точки зрения свои действия, мысли и чувства и глубоко переживать, если они не соответствуют нравственным нормам, вследствие чего менять свои действия, мысли и чувства так, чтобы они этим нормам соответствовали".

С совестью связывается весьма яркое представление о чем-то, что функционирует внутри человека: совесть активно действует независимо от воли субъекта; ср. *Совесть подсказывает, Совесть велит, Совесть заставляет. Совесть не пускает, Совесть мучит, Совесть не дает спать по ночам;* ср. также *разбудить совесть, Совесть проснулась (заговорила)* (в ком) и т.д. Правда, совесть не мыслится ни как вместилище, ни как нечто компактное. Представление о локализации совести не очень четко - она помещается где-то рядом с душой (во всяком случае, не в голове). Тем не менее, в целом совесть очень напоминает человеческий орган. Правда, этот орган коренным образом отличается от других, реальных или представляемых органов: совесть необходима не столько для жизнедеятельности самого субъекта, сколько для нормального существования окружающих его людей.

В целом, слово *совесть* вполне аналогично лексемам, рассматривавшимся выше: обозначая определенную человеческую способность, оно предстает и как обозначение органа. Мы объясняем это тем, что значение лексемы *совесть* диффузно: '"способность... или представляемый орган...".

6. Близкие синонимы *воображение* и *фантазия* обозначают способность человека создавать мысленные образы[13]. Оказывается, что в этих синонимах тоже просвечивает представление о некоей "вещи", которая определенным образом функционирует внутри человека, причем часто независимо от его воли. Ср. следующие примеры: *Воображение создает все новые и новые образы, Воображение рисует другую жизнь, Воображение работает; Фантазия работает, Фантазия создает причудливые образы;* ср. также *будоражить воображение, подхлестывать воображение, стимулировать воображение; плод воображения, плод фантазии; необузданная фантазия.*

В лексеме *воображение* представление о такой "вещи" просвечивает в несколько большей степени. Ср. следующие примеры из художественной литературы: *Когда*

[11] На более точную локализацию памяти указывает особый жест, который называется "хлопнуть себя по голове (по лбу)". Такой жест обычно сопровождает высказывания типа *Ключи забыла'., Совсем забыл, что у нее сегодня день рождения'.* - говорящий как бы "хватается за память". (Благодарим за это замечание Г.Е. Крейдлина).

[12] Эта лексема под несколько иным углом зрения рассматривается также в работе [Апресян 1995].

[13] Тонкие семантические различия между синонимами *воображение* и *фантазия* описаны нами в [Словарь 1994].

воображение уставало и работа задерживалась, он подхлестывал их \мысли\ рисунками на полях (Б. Пастернак. Доктор Живаго); *Он спрашивал, и за каждым Лариным ответом у него падало сердце, словно он летел в пропасть. Его израненное воображение не поспевало за новыми открытиями* (Б. Пастернак. Доктор Живаго) [обратим внимание на *израненное воображение* - о воображении здесь говорится так, как говорят о части тела]; *Скрипки I еще по Старой памяти волнуют I Мое воображение* (И. Бродский. Элегия). Аналогичный пример со словом *фантазия* с точки зрения современного русского языка выглядит существенно более натянутым; ср. *Чувствуешь, что она, наконец, устает, истощается в вечном напряжении, эта* неистощимая *фантазия* (Ф.М. Достоевский. Белые ночи [выделено Достоевским]).

Все же даже в слове *воображение* представление о чем-то подобном органу просвечивает в относительно небольшой степени. Действительно, ни с ним, ни с его синонимом не связываются представления о вместилище (возможно, правда, *в воображении)* или о компактности. Представление о локализации воображения и фантазии довольно нечетко - мы знаем, что они находятся где-то в голове (возможно - там же, где и ум), но, разумеется, не в груди. Ни с воображением, ни с фантазией не связываются никакие физические ощущения.

Тем не менее, на наш взгляд, полные толкования лексем *воображение* и *фантазия* должны отражать тот факт, что во многих контекстах эти слова, подобно другим обозначениям фундаментальных способностей человека, выступают как обозначения чего-то подобного органу. Мы предлагаем толковать эти лексемы в соответствии с предложенной выше схемой "способность... или представляемый орган...".

7. До сих пор мы анализировали существительные, отражающие психическую деятельность человека. Рассмотрим теперь две лексемы, отражающие восприятие: *слух* и *зрение.*

Лексема *слух* безусловно обозначает способность слышать. Соответствующее толкование адекватно описывает поведение этого слова в большинстве привычных нам контекстов; ср. *орган слуха; Она теряет слух, После болезни слух долго не восстанавливался, У мальчика понижен слух.*

Однако в более ограниченном круге контекстов слово *слух* обозначает не способность, а что-то как бы предметное: слух предстает как нечто, подобное внутреннему органу, с помощью которого человек воспринимает звуки. Ср. *Жадным слухом ловили каждый звук унылой песни* (А. Печерский, пример из [БАС]); *Волнуемый воспоминаниями, я забылся - Вдруг что-то похожее на песню поразило мой слух* (М.Ю. Лермонтов. Тамань); *До чрезвычайно обострившегося слуха фининспектора вдруг донеслась отчетливая милицейская трель* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Приведенные примеры носят книжный характер, но тем не менее абсолютно стандартны. Можно привести менее стандартные, но еще более яркие примеры: *Митя, весь дрожа, впился в темному и глазами, и слухом* (И. Бунин. Митина любовь); *Но равнодушно и спокойно I Руками я замкнула слух* (А. Ахматова. "Мне голос был. Он звал утешно...").

Интуитивно ясно, что во всех приведенных примерах мы имеем дело не с разными лексемами, а с одним и тем же значением слова *слух.* В соответствии с нашей гипотезой это значение диффузно: "способность... или представляемый орган...".

Представление об органе в слове *слух* выражено в гораздо меньшей степени, чем, например, в лексеме *память* или даже в лексеме *ум.* Дело в том, что слух не мыслится ни как вместилище, ни даже как нечто компактное. Он не ассоциируется ни с какими физическими, в частности - болевыми, ощущениями (ср., впрочем, переносные выражения *ласкать {терзать) слух).* Правда, мы можем достаточно определенно судить о локализации слуха: у человека есть реальный, материальный орган восприятия звуков - уши, и слух помещается где-то в самой их глубине.

Лексема *слух* как обозначение органа отмечена стилистически - это принадлежность исключительно книжной речи. На наш взгляд, "стилистическое неравноправие"

компонентов значения свидетельствует о глубинном семантическом процессе: слово *слух* постепенно утрачивает часть своего диффузного значения, а именно - компонент "представляемый орган...". Отодвигаясь на задний план лексемы, он реализуется лишь в стилистически отмеченных»контекстах. Наша гипотеза подтверждается данными языка А.С. Пушкина. Ср. следующие примеры, свидетельствующие о том, что еще в его поэзии слово *слух* как обозначение органа было вполне обычным: *Так точно старый инвалид I Охотно клонит слух прилежный I Рассказам юных усачей* (А.С. Пушкин. Евгений Онегин); ср. также сочетание *шум в слухе* (как *шум (звон) в ушах): Приподнялася грудь, ланиты I Мгновенным пламенем покрыты, I Дыханье замерло в устах, /Ив слухе шум, и блеск в очах* (А.С. Пушкин. Евгений Онегин).

8. Лексема *зрение* бесспорно обозначает способность видеть; ср. *орган зрения, Он теряет зрение, Зрение постепенно восстанавливается.* Есть ли в семантике этой лексемы представление о чем-то подобном органу? В пользу этого предположения можно привести очень мало фактов. Это словосочетания *физиология зрения* (ср. *Он изучает физиологию зрения каких-то рыб)* и *воспринимать зрением* (ср. *Насекомые воспринимают такую информацию зрением).* Действительно, термин *физиология* предполагает функционирование некоторого органа, а его в данном случае может обозначать только слово *зрение.* Сочетание *воспринимать зрением* интерпретируется естественным образом лишь в том случае, если согласиться, что слово *зрение* в этом контексте обозначает нечто вроде органа. Ср. также следующий, устаревший пример: *Не утаится Град от зрения людского I Стоя на горней высоте* (Ф.И. Тютчев. 11 мая 1869). Показательны также сочетания *боковое зрение* и *внутреннее зрение:* они Могут вести себя как обозначения органов. Ср. *Боковым зрением он увидел нож, уже занесенный для удара; Каким-то внутренним зрением он увидел, что она ждет его* [ср. *увидел глазами].*

Правомерно ли делать какие-либо выводы о слове на основании такого небольшого числа контекстов? В данном случае - да, поскольку сочетаемость лексемы *зрение* хорошо согласуется с реконструируемой системой. Поэтому мы полагаем, что в семантике лексемы *зрение* в определенной степени просвечивает представление о чем-то подобном органу.

Правда, представление об органе в лексеме *зрение* выражено в очень слабой степени: неслучайно оно закреплено за столь небольшим количеством полусвободных сочетаний. Зрение не мыслится ни как вместилище, ни как нечто компактное. Оно безусловно не ассоциируется ни с какими физическими ощущениями. Локализовано зрение, скорее всего, где-то внутри глаз, возможно - за глазами. Впрочем, судить об этом мы можем лишь потому, что у нас есть реальный орган зрения - глаза и ясно, что зрение связано с ними теснейшим образом.

9. В следующих трех лексемах представление об органе выражено в очень незначительной степени - как бы едва мерцает. Это слово *воля* и два малоупотребительных гиперонима - *способности* (ср. *слух, зрение, память и другие способности человека)* и *чувства* (ср. *органы чувств).*

Воля - это способность человека добиваться осуществления поставленных перед собой целей[14]. В семантике этой лексемы намечено и представление о некоей "невидимой вещи". Действительно, *волю* можно *напрягать,* ср. *напряжением воли {сделал что-л.), усилие воли.* В [Словарь Ушакова] дается такой пример на слово *воля: Деятельность воли не зависит от внешних условий.* Высказывания этого типа подтверждают нашу гипотезу.

Лексема *способности* подобно своим гипонимам обозначает "устойчивое состояние": *способности* ~ S_0 *{способен воспринимать, думать, понимать, помнить).* Однако значение этого гиперонима не исчерпывается подобным толкованием. Действительно,

[1] Слово *ноля* рассматривается также в работе [Апресян 1995].

способности можно *напрягать,* ср. *Он напрягал все свои способности, но не мог уловить никакой закономерности в этом хаосе.* Подобные высказывания можно интерпретировать естественным образом, если признать, что данная лексема *способности* обозначает и нечто вроде органа. В соответствии с нашей гипотезой гипероним *способности* имеет такое же диффузное значение, что и его гипонимы, а именно: *способности* ~ "способность воспринимать, думать, понимать, помнить или нечто представляемое, подобное органу, благодаря которому человек обладает этой способностью". Напомним, что компонент "способность" в толковании - это семантическое представление лексемы *способность 1*, которая представляет собой синтаксический дериват от краткого прилагательного *способен* (т.е. S_0 *(способен)).* Тем самым, рассматриваемая лексема *способность 2* толкуется через лексему *способность 1* по предложенной выше схеме.

Чувства - это родовое слово для лексем *зрение, слух, вкус, осязание* и *обоняние.* Подобно своим гипонимам *слух* и *зрение,* данная лексема может обозначать и нечто функционирующее, нечто подобное органу; ср. *Все его чувства были напряжены до предела; У людей никогда не действуют одновременно с полной напряженностью все пять человеческих чувств* (В. Шаламов. Хлеб). В соответствии с нашим описанием гипероним *чувства* обладает таким же диффузным значением, что и его гипонимы *слух* и *зрение.*

Что касается остальных его гипонимов - *обоняние, осязание* и *вкус,* - то в них представление о чем-то подобном органу как будто отсутствует; тем не менее и эти лексемы подравниваются под данный лексикографический тип. Ср. *В это время обоняние мое уловило запах дыма.* (В.К. Арсеньев. Дерсу Узала; пример из [БАС]). *Осязание участвует в восприятии организмом величины, формы и характера поверхности предметов внешнего мира* (Энциклопедический словарь. Т. 1-2. М., БСЭ, 1954; статья "Осязание"). Пример, аналогичный последнему, можно сконструировать и для слова *вкус.*

10. Разбирая отдельные лексемы, мы видели, что представление о некоем органе может быть выражено в семантике слова в большей или меньшей степени. Рассмотрим более систематично, чем это обусловлено. Данный вопрос тесно связан с типологией представляемых органов.

С одной стороны, представление об органе тем ярче, чем больше сочетаний, допускающих только "анатомическую" интерпретацию, образует данная лексема. Именно поэтому с лексемой *память* связывается весьма яркое представление об органе, а в лексеме *ум* это представление выражено гораздо слабее.

С другой стороны, представляемый орган тем реальней, чем больше похож он на обычный, материальный орган. Выше мы выявили, в чем заключается это сходство, для каждого представляемого органа. Приведем теперь список этих черт: 1) функция; 2) физические, в частности - болевые, ощущения; 3) возможность мыслиться как вместилище; 4) компактность; 5) относительно точная локализация; 6) функционирование независимо от воли субъекта; 7) контролируемость субъектом[15].

Оказывается, что один из представляемых органов обладает всеми признаками обычного, материального органа. Это душа. Уникальность этого органа обусловлена еще и тем, что он совмещает в себе признаки, несовместимые в обычных органах - контролируемость и неконтролируемость субъектом (ср. признаки (6) и (7)). Действительно, с одной стороны, душа живет своей, совершенно особой жизнью, вообще говоря, неподвластной воле субъекта; ср. *Думала - увижу его и обрадуюсь, а в душе не осталось ничего, кроме горечи.* С другой стороны, жизнь души может отчасти контролироваться человеком; ср. *Не позволяй душе лениться.*

[15] Отметим, что с точки зрения обычной анатомии признаки (6) и (7) едва ли сонместимы друг с другом: большинство обычных внутренних органов в норме функционирует независимо от воли субъекта (ср. желудок, печень) и лишь некоторые, специфические органы в норме функционируют не сами по себе, а подчиняясь воле человека (ср. мышцы). Но для представляемых органов это не так (ср.. например, *память).*

На другом полюсе находятся воля, способности и чувства ("способность воспринимать") - с видимыми, материальными органами их роднят лишь две черты: наличие особой функции и контролируемость субъектом (ср. *напрягать волю {способности, чувства)).* Волю, способности и чувства можно сравнить с обычными мышцами, которые, кстати, по относительной простоте устройства и по характеру функционирования тоже образуют особый класс органов.

Остальные представляемые органы находятся между этими двумя полюсами. Зрение и слух примыкая к последнему, нижнему полюсу, все же имеют чуть больше сходства с обычными органами, поскольку характеризуются довольно точной локализацией. При этом слух представляется похожим на оргач больше, нежели зрение. — главным образом, потому, что лексема *слух* образует гораздо больше сочетаний, которые допускают только "анатомическую" интерпретацию. Еще ближе к обычным органам воображение - с обычными органами его сближают не только признаки "локализация" и "контролируемость", но и признак "функционирование независимо от воли субъекта". Далее по степени приближения к обычным органам следуют ум, разум, рассудок; совесть; память[16].

Типология представляемых органов - это лишь фрагмент наивной "анатомии" человека. Полное ее описание включает в себя иерархию реальных и представляемых органов (ср. совершенно уникальную роль души), а также выявление их взаимосвязей (так, разум и рассудок призваны контролировать сердце как орган чувств; совесть контролирует и направляет желания человека и все с ними связанное: деятельность интеллекта, в частности - выбор цели, деятельность воображения и др.). Такое описание наивной анатомии выходит далеко за рамки предлагаемой работы. Ограничимся общей характеристикой той картины мира, которая отражается в рассматриваемой группе слов.

Эта картина поражает прежде всего своей простотой и логичностью. В соответствии с ней психические процессы (включая восприятие) вполне аналогичны материальным процессам внутри человеческого тела: всякая способность человека - это функция какого-то органа, причем набор функций каждого органа достаточно невелик. Например, если человек может запоминать, помнить и вспоминать, то значит, внутри него есть невидимый орган, который и обеспечивает данную способность. С этой точки зрения понятно, почему в некоторых случаях представляемый орган "дублирует" реальный, видимый орган, ср. слух и уши. Действительно, уши могут быть и совершенно глухого человека и, следовательно, есть что-то еще, благодаря чему человек обладает способностью слышать - это невидимый внутренний орган - слух.

Попытаемся теперь ответить на один принципиальный вопрос: что отражает эта наивная анатомия? Иными словами, что отражают предлагаемые толкования выбранных слов? Какая языковая реальность стоит за обсуждаемой схемой диффузного значения лексемы?

Можно думать, что представление об органе как о "воплощении" той или иной фундаментальной способности человека - это одна из стершихся метафор, лежащих в основе нашей обыденной понятийной системы. Такой подход полностью лежит в русле работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff -Johnson 1980J, объясняющей многие фундаментальные особенности человеческой речи. Ср. хотя бы приводимую в [Lakoff - Johnson 1980] интерпретацию высказываний типа *My mind just isn't operating today* (букв. "У меня ум просто не работает сегодня") - это проявление метафоры *MIND IS A MACHINE* (букв. "Ум - это устройство").

[16] Предлагаемая типология ориентирована на выявление сходства представляемого органа с обычными, материальными органами. Для решения других задач можно вводить другие признаки и на основании их выделять другие классы. Например, душа, совесть, разум и рассудок ассоциируются с речью (причем, душа - с внутренней речью, ср. *В душе он умолял ее остаться;* ср. также *голос совести (разума, рассудка)).* А память и воображение ассоциируются с образами *(В памяти всплывают образы. Воображение создает все новые и новые образы).*

Альтернативное решение состоит в том, что наивная анатомия, в том виде, как она здесь выявлена, представляет собой фрагмент некоей первобытной картины мира, некоего действительно примитивного представления об устройстве человека. Мы предпочитаем второе решение. Аргументируем свой выбор.

В рамках первого подхода приходится признать, что слово *душа* не является обозначением чего-то "настоящего" (пусть даже недоступного обычному зрению) - это всего лишь проявление одной из фундаментальных метафор. Такая интерпретация души безусловно противоречит тому, что, как известно, думали о ней на протяжении очень длительного времени носители целого ряда естественных языков. Кроме того, можно привести некоторые другие факты языка, которые вряд ли можно описать с точки зрения метафоры, но которые естественно интерпретируются в рамках второго подхода.

Первый пример - лексема *обезножить,* имеющая значение "лишиться способности ходить при наличии ног". В очень упрощенном виде корень *ног-* (в форме *нож-)* в этом слове обозначает не определенную часть тела человека (как, например, в слове *ноги),* а функцию этой части тела. Другой пример - устойчивые выражения *потерять голову (от счастья), (У него) головы нет на плечах,* которые указывают на утрату или отсутствие способности понимать, соображать. Лексема *голова* в этих выражениях тоже обозначает не часть тела, а функцию, способность этой части тела. Аналогичным образом устроены высказывания типа *Он теряет пальцы* (например, о пианисте) - здесь речь идет не о пальцах как таковых, а об их подвижности, силе и т.п. Ср. также *Она теряет глаза* - речь идет о зрении, но не о глазах как таковых. Эти примеры подтверждают, что та или иная способность человека может мыслиться как функция какой-то части его тела (в данных случаях - видимой). На наш взгляд, в этой группе примеров сохраняются следы выявленного выше примитивного представления об устройстве человека.

Как бы ни была логична наивная анатомия, она, конечно, не присутствует в сознании современного носителя языка: мы *знаем,* что человек устроен иначе. Можно привести и чисто языковые данные, свидетельствующие о постепенном разрушении этого фрагмента наивной картины мира.

Слово *интеллект* - ближайший синоним рассматривавшихся лексем *ум, разум* и *рассудок.* Однако представление об органе в слове *интеллект* вряд ли выражено хоть сколько-нибудь отчетливо. Мы объясняем это тем, что *интеллект* - это не исконное русское слово, а относительно недавнее заимствование. Когда оно осваивалось языком, примитивное представление об устройстве человека уже было достаточно разрушено, и новое слово не могло освоиться по древнейшему типу. Аналогичным образом обстоит дело с относительно недавним заимствованием *фантазия* - представление об органе в этой лексеме гораздо слабее, нежели в ее исконном синониме *воображение.*

Теперь можно естественным образом объяснить то экзотическое несоответствие языкового поведения и языкового сознания, которое наблюдается при анализе данной группы слов. Дело в том, что вполне единообразная сочетаемость этих лексем обусловлена какими-то древнейшими представлениями об устройстве человека. Но эти примитивные представления практически вытеснены из сознания современного носителя языка более поздними знаниями анатомии, физиологии и психологии. Разрушение первоначальной картины мира и приводит к тому, что более гибкое языковое сознание говорящих перестает соответствовать их более консервативному языковому поведению.

Этими же причинами объясняется и диффузность лексического значения рассматриваемых слов. Действительно, теоретически во всех этих случаях могла бы иметь место обычная полисемия. Что же препятствует вычленению из данного диффузного значения полноценного, самостоятельного значения органа? Это, очевидно, современное обыденное, так называемое научное, или, точнее - школьное знание, бла-

годаря которому в сознании говорящих практически отсутствует представление о нематериальных органах - его можно лишь реконструировать на основании языкового поведения носителей языка. Исключение представляет собой душа. В языке сохраняется устойчивое предсхавление о ней как о чем-то нематериальном, но тем не менее "настоящем".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян Ю.Д. 1974-Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М, 1974.

Апресян Ю.Д. 1990 - Лексикографический портрет глагола *выйти II* Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М, 1990.

Апресян Ю.Д. 1995 - Образ человека по данным языка: попытка системного описания//ВЯ. 1995. № 1.

БАС - Словарь современного русского литературного языка. Т. I - 17. М. - Л., 1948 - 1965.

Мельчук И.А. 1974 - Опыт теории лингвистических моделей "СМЫСЛ ⇔ ТЕКСТ". Семантика. Синтаксис. М., 1974.

Пидучева ЕВ. 1985. - Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.

Санников В.З. 1989 - Русские сочинительные конструкции. Синтаксис. Семантика. Прагматика. М., 1989.

Синонимический словарь 1994. - Новый объяснительный синонимический словарь русского языка. Проспект / Научный руководитель Ю.Д. Апресян. М., 1994.

Словарь Ушакова - Толковый словарь русского языка. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1-^. М., 1935 - 1940.

ТКС 1984 - И.А. Мельчук, А.К. Жолковский. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 14. Вена, 1984.

LakoffG., Johnson M. 1980. - Metaphors we live by. Chicago, 1980.

Wierzbicka A. 1980. - *Dusa* (= soul), *toska (*~ yearning), *sud'ba (*- fate): three key concepts in Russian language and Russian culture // Metody formalne w opisie jezykow slowiariskich / Pod red. Z. Saloniego. Bialystok, 1990.

Wierzbicka A. 1992. - Semantics, culture, and cognition: Universal human concepts in culture-specific configuration. N.Y., 1992.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1995

© 1995 г. В.Ю. АПРЕСЯН

ДЛЯ И *РАДИ:* СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ*

0. ВВЕДЕНИЕ

Идея о взаимосвязанности различных языковых свойств слова, в частности, о выводимости его синтаксических, сочетаемостных, коммуникативных и прочих свойств из его семантики, многократно высказывалась как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. Существуют "объяснительные" описания большого количества лексем, т.е. описания, мотивирующие синтаксические, сочетаемостные, коммуникативные и прочие свойства лексем их семантикой. Однако такого рода анализу подвергались не все разряды слов. В частности, почти не существует описаний предлогов, выполненных в объяснительном ключе. За исключением работ [Левин 1956; Леонтьева и Никитина 1964; Кобзарева и Лахути 1971] и особенно [Иомдин 1991], описание предлогов (в том числе и лексикографическое) обычно ограничивалось перечислением их синтаксических функций или описанием условий употребления (см., например [Попова 1956; Финкель 1962; Астафьева 1974; Reiter 1975; Гзгзян 1989]).

В настоящей статье делается попытка предложить такое описание предлогов, которое бы имело не только дескриптивную, но и объяснительную силу.

Для анализа были взяты два предлога - *для* и *ради,* рассматриваемые в своем основном значении, в котором они квазисинонимичны; ср. *делать что-л. для {ради) благополучия семьи.* Тем самым из рассмотрения выпадают такие значения *для,* как "функция предмета" *(кастрюля для супа),* "предназначение предмета какому-то лицу" *(подарок для Пети),* "указание на лицо, по отношению к которому верно некоторое утверждение" *(Для студента-первокурсника эта задача слишком сложна),* а также архаичное причинное значение *(Царь для радости такой I Отпустил всех трех домой* (А.С. Пушкин). Равным образом, не рассматриваются такие значения *ради,* как "во имя кого-либо или чего-либо" *(ради всего святого)* и "по причине, из-за" *(обобрать дитя простоты его ради* - МАС).

У ради (но не у для) есть еще одно не выделяемое словарями значение, реализующееся в точно таком же лексическом контексте, что и основное значение, а именно, в сочетании с предметным именем: "чтобы получить нечто". Поэтому предложения с предметными именами могут иметь по две разных интерпретации. Ср. *Он сделал все это ради Марии* - либо "чтобы сделать Марии хорошо", либо "чтобы получить Марию".

Значение "чтобы получить X" тоже исключается из рассмотрения.

Рассматриваемые значения *для* и *ради* объединяют в себе два различаемых в

В процессе работы над этой статьей я имела возможность использовать, помимо своих собственных материалов, машинный корпус текстов Сектора теоретической семантики Института русского языка РАН. Пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность сотрудникам Сектора за предоставленную возможность. Я также благодарна Ю.Д. Апресяну и М.Я. Гловинской прпщгт^штш тент пянипй гтат1.и, иугер--никам семинара в ИППИ РАН, где она была доложена, за цею ые крЙгиЪ&кйе заОечания. После того, йак эта работа была закончена, мне стало известно, что работа ш похожую тему написана И.Б. Левонтиней. Однако у меня не было случая ознакомиться с ней, и все вози ож}«>)« совпадения в трактовке-для и *ради* объясняются исключительно сходством фактического материал *i.-,,* ,,... ,. . •.-.•-,.. *'

БАС'е и МАС'е значения, а именно, "в интересах кого-либо" *(Я сделал это для (ради) своей жены)* и "с целью достичь чего-либо" *{Я сделал это для {ради) ее спокойствия).* Представляется, что разница в интерпретации между этими двуми употреблениями предсказуема и мотивирована исключительно контекстом, а именно, характером именной группы, управляемой предлогом. Если именная группа образуется словом X со значением лица, то предлог интерпретируется как "чтобы X-у было хорошо". Если именная группа образуется словом или фразой Р со значением ситуации, то предлог интерпретируется как "чтобы Р имело место". Эти интерпретации находятся в отношениях дополнительной дистрибуции; иначе говоря, смысл "чтобы Р было хорошо" невозможен, в силу естественных семантических причин, если именная группа обозначает ситуацию, а смысл "чтобы X имел место" исключается, если X обозначает лицо.

Оставляя в стороне вопрос о том, представлены ли здесь два разных значения или одно, мы, в целях компактности изложения, будем оперировать одним дизъюнктивно устроенным толкованием вида "чтобы X-у было хорошо или чтобы Р имело место", покрывающим оба круга употреблений. Такое решение тем более оправданно, что в существенных для нас аспектах эти два круга употреблений никак не различаются.

В этом своем основном значении предлоги семантически близки. В контекстах типа (1) они взаимозаменимы, а их смысловая разница размыта и трудноопределима:

(1а) *Я остаюсь здесь только ради Софьи Александровны, для ее спокойствия* (А. Рыбаков. Дети Арбата).

(16) *Но дело в том, что не изгнанник возвращается — возвращается писатель, прервавший свои труды ради того, что он считает важней* — (Г. Владимов. Русская мысль, 2-е июня 1994 года, с. 1).

(1в) *Я только знаю, что ничего не сделаю ни для своей славы, ни для своего счастья. Это должно явиться само, как солнце* (М. Цветаева, письмо к М.С. Фельдштейну, 20-е сентября 1913).

Однако *для* и *ради* обладают столь разными сочетаемостными и коммуникативными характеристиками, что разумно предположить существование глубоких семантических различий между этими предлогами. В работе предлагается семантический анализ обоих предлогов, объясняющий различия их прочих свойств.

Работа построена следующим образом: сначала обсуждаются сочетаемостные и коммуникативные различия *Оля и ради* (раздел 1), затем описывается их семантика и дается толкование (раздел 2), а в последнем, третьем разделе предлагается семантическое обоснование этих сочетаемостных и коммуникативных различий.

1. СОЧЕТАЕМОСТНЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ СВОЙСТВА *ДЛЯ* И *РАДИ*

Предлоги *для* и *ради* по-разному сочетаются с некоторыми разрядами семантически активных слов, в частности, с квантором общности *все* и с модальными словами долженствования и возможности.

1.1. Сочетаемость *для кради* с квантором общности *все.*

Для того, чтобы адекватно описать сочетаемость рассматриваемых предлогов с квантором *все,* необходимо сперва составить некоторое представление о нем самом. Поэтому сделаем небольшое отступление.

1.1.1. Глобальное и ограничительное *все.*

Рассмотрим следующий пример:

(2) *Он ест все в этом ресторане.*

Эта фраза может в зависимости от просодии и актуального членении, иметь, по крайней мере, две интерпретации.

Первая интерпретация, которую мы назовем глобальной, возникает, когда на слово *все* падает главное фразовое ударение и когда оно, таким образом, становится ремой. Фраза *Он ест 'все в этом ресторане* значит примерно следующее: "Из той еды, что подают в этом ресторане, он ест всю".

Вторая интерпретация, которую мы назовем ограничительной, возникает, когда квантор *все* просодически никак не выделен и главное фразовое ударение падает на именную группу *в этом ресторане.* При такой просодии *все* попадает в тему, а ремой становится *в этом ресторане.* Фраза *Он ест все в этом 'ресторане* значит примерно следующее: "Всю еду, которую он в принципе ест, он ест только в этом ресторане".

Приведем еще один пример, где граница в интерпретациях *все* видна еще отчетливее.

(3) *Он прочел все в юношеские годы.*

При контрастном ударении на *все* интерпретация получается следующая: "В юношеские годы он прочел все книги, какие только возможно". При просодически невыделенном *все,* интерпретация такова: "Все книги, что он прочел, он прочел именно в юношеские годы".

Нам представляется, что различие между глобальной и органичительной интерпретацией связано не с различием лексических значений *все,* а с различием его семантических сфер действия в этих высказываниях[1]. Глобальная интерпретация возникает, когда квантор находится в сфере действия обстоятельства (точнее говоря, детерминанта, ср. *В этом ресторане он ест все),* а ограничительная - когда обстоятельство находится в сфере действия квантора. Однако в данной работе мы не имеем возможности рассмотреть это явление подробно. Укажем лишь основные проявления указанного различия.

а) *Все* глобальное и *все* ограничительное различаются синтаксическими свойствами. Глобальное *все* не нуждается в синтаксическом распространении, ср.

(4а) *Он 'все ест* ~ "Он ест любую еду".

Ограничительное *все* употребляется обычно при наличии синтаксического распространения; ср. возможность (46) и невозможность (4в):

(46) *Все, что он ест, полезно.*

(4в) *"Он все 'ест.*

Фразы типа (4в) в ограничительном значении могут быть правильны только при возможности специфических прагматических импликаций. Так, фраза *Он все ломает* может иметь ограничительную интерпретацию "Он ломает, все что ему попадается под руку".

Все глобальное и *все* ограничительное различаются также набором конструкций, в которых они могут употребляться. Это касается, в частности, конструкций с прилагательным в винительном и творительном падежах при дополнении; ср. следующую пару примеров:

(5а) *Он ест все горячее.*

(56) *Он ест все горячим.*

Фраза (5а) может соответствовать обоим *все* - как глобальному, так и ограничительному. В первом случае фраза будет интерпретироваться как "Он ест все горячие продукты", во втором - как "Все продукты, которые он ест, он ест в горячем состоянии". Фраза (56) допускает только ограничительную интерпретацию "Все продукты, которые он ест, он ест в горячем состоянии".

Фраза (56) синтаксически устроена следующим образом: *все* является дополнением к глаголу *есть,* а прилагательное *горячим* - копредикативным членом. Фраза (5а) отвечает двум синтаксическим структурам: при ограничительной интерпретации синтаксические связи такие же, как в (56), при глобальной - *все* является дополнением к глаголу *есть,* а *горячее* - определением к *все.*

б) Глобальное и ограничительное *все* различаются своими коммуникативными свойствами. Глобальное *все* может входить либо в контрастную тему, либо в рему, ср.

(ба) *"Все едят только 'свиньи (все* - контрастная тема).

(бб) *Великан съедал 'все, что ему приносили (все* - рема).

О понятии сферы действия см. [Богуславский 1985].

Образуя рему, глобальное *все* не сочетается с другими рематизирующими элементами, например, рематизирующими частицами и наречиями типа *только, исключительно* и т.п.; ср. неправильность.

(7) **Он читает 'все 'только по-английски.*

В противоположность этому, ограничительное *все,* как правило, входит в тему, притом неконтрастную. Оно не может быть самостоятельной ремой и поэтому свободно сочетается с рематизирующими частицами и наречиями типа *только, исключительно* и т.п.

(8а) *Он ест все молча {все* - тема).

(86) **Он ест молча 'все {все* - рема).

(8в) *Он читает все 'только по-английски.*

1.1.2. Сочетаемость предлогов *для* и *ради* с глобальным и ограничительным *все.*

Различие между глобальным и ограничительным *все* проявляется и в сочетаниях с предлогами *для* и *ради.*

Рассмотрим два контрастных примера.

(9а) *Этот магазин делает все для покупателей.*

(96) *Этот магазин делает все ради покупателей.*

Фраза (9а) может значить либо "Этот магазин делает для покупателей все, что возможно, все, что от магазина обычно ожидается", либо "Все, что этот магазин делает, делается для привлечения покупателей".

Фраза (96) может значить только "Все, что этот магазин делает, делается ради привлечения покупателей".

Таким образом, в предложении (9а) возможны оба *все* - *все* глобальное (первая интерпретация) и *все* ограничительное (вторая интерпретация). В предложении (96) возможно только ограничительное *все.*

Следовательно, в (9а) ремой может быть либо *все,* либо *для покупателей.* В (96) ремой может быть только *ради покупателей.*

Рассмотрим еще одну пару примеров.

(10а) *Он приготовил все для операции.*

(106) *Он приготовил все ради операции.*

Примеры (10а) и (106) иллюстрируют то же различие: в предложении с предлогом *для* возможны оба *все.* в предложении с *ради* - только ограничительное *все.* Соответственно различаются и интерпретации этих двух фраз. Фраза (10а) может значить либо "Из того, что надо было приготовить для операции, он приготовил все", либо "Все, что он приготовил, было приготовлено для операции". Фраза (106) может значить только "Все, что он приготовил, было приготовлено ради операции". Аналогично, различается и возможное актуальное членение этих предложений. В (Юа) *все* может быть как частью темы, так и самостоятельной ремой; в (106) *все* может быть только частью темы.

Нельзя утверждать, однако, что предлог *ради* абсолютно не сочетается с глобальным *все.* Рассмотрим, например, такие фразы:

(11а) *Он делает все для нее.*

(116) *Он делает все ради нее.*

И (11а), и (116) допускают обе интерпретации *все* - и глобальную, и ограничительную. Ср. "Он делает для (ради) нее все, что только возможно" (глобальное *все)* и "Все, что он делает, он делает для (ради) нее" (ограничительное *все).*

Обобщим сказанное в этом разделе. Предлоги *для* и *ради* по-разному сочетаются с глобальным и ограничительным *все. Для* сочетается с обоими *все* в любых контекстах. *Ради* же беспрепятственно сочетается только с ограничительным *все,* а с глобальным *все* сочетается в ограниченном круге контекстов. Ниже мы предложим объяснение этого феномена.

Перейдем теперь к сочетаемости *для* и *ради* с разными модальными словами.

1.2. Сочетаемость *для* и *ради* с модальными словами.

Мы начнем этот раздел с обсуждения сочетаемости интересующих нас предлогов с модальностью долженствования. Нисколько не претендуя на полноту описания, мы сочли, однако, необходимым для наших целей выделить внутри модальности долженствования четыре типа.

1.2.1. Типы модальности долженствования.

Для нас будет релевантно различие между модальностью долга, модальностью объективной необходимости, модальностью вынужденности и модальностью принуждения.

Модальность долга, в противоположность модальности объективной необходимости, модальности вынужденности и модальности принуждения, предполагает субъективную необходимость какого-либо действия, когда оно является императивом для агенса только по мнению говорящего. Семантическую основу модальности долга можно схематически выразить следующим образом: "Я считаю, что X должен (X-у нужно, надо, необходимо) сделать P". Приведем примеры:

(12а) *Я должен дописать диссертацию.*

(126) *Пете необходимо поехать на дану.*

(12в) *Перед уходом мне нужно покормить кур.*

(12г) *Надо помочь ребятам наколоть дрова.*

Модальность объективной необходимости предполагает, как это видно из названия, внешнюю, объективную необходимость какого-либо действия, необходимость, заключенную во внешних обстоятельствах, а не во мнении говорящего. Семантическую основу модальности объективной необходимости можно схематически выразить следующим образом: "Чтобы достичь P, необходим (обязателен, нужен, требуется) X". Приведем примеры:

(13а) *Чтобы получить водительские права, надо сдать экзамен.*

(136) *Для завершения диссертации мне требуется два месяца.*

Модальность вынужденности описывает действия, совершаемые под напором внешних обстоятельств; действия, совершаемые не потому, что агенс этого хотел, но потому, что он не мог добиться своей цели другими средствами. Семантическую основу модальности вынужденности можно схематически выразить следующим образом: "X был вынужден (X-у пришлось, X должен был) сделать P". Приведем примеры:

(14а) *- Почему ты так поздно пришел? - Мне надо было (пришлось) зайти к врачу.*

(146) *Петр был вынужден отказаться от своей поездки, так как он не сумел вовремя получить паспорт.*

Модальность принуждения описывает действия, совершаемые агенсом по воле другого лица и против его собственной воли. Семантическую основу модальности принуждения можно схематически выразить следующим образом: "X-а вынудили (заставили, принудили) сделать P". Приведем примеры:

(15а) *Петра вынудили отказаться от поездки.*

(156) *Ее заставили подписать ложные показания.*

В отличие от модальностей долга и объективной необходимости, модальность вынужденности всегда "фактивна", а именно, может описывать только факты (уже произошедшие события), либо такие события в будущем, которые не могут не произойти. Что касается модальности принуждения, то она фактивна, если выражается глаголом в форме СОВ. Сравним следующие пять примеров:

(16а) *Ему надо было зайти к врачу, но он не успел.*

(166) *Для поддержания здоровья ему необходимо регулярно принимать лекарства, но он этого не делает.*

(16в) **Ему пришлось зайти к врачу, но он не успел.*

(16г) *'Ему приходилось заходить к врачу, но он не успевал.*

(16д) **Его заставили подписать показания, но он этого не сделал.*

Примеры (16а) и (166), где несовершившееся событие (несовершаемое действие) упоминается в контексте модальностей долга и объективной необходимости, нормативны, в то время как примеры (16в)-(16д) аномальны. Необходимо добавить, что пример (16а) может быть интерпретирован и как содержащий модальность вынужденности, если модальный компонент интерпретируется как "пришлось". В таком случае он является аномальным. Отметим также, что такие слова, как *должен, нужно, надо, необходимо* могут образовывать модальности вынужденности только в контексте прошедшего времени.

1.2.2. Сочетаемость *для* и *ради* с модальностью долженствования.

Для свободно сочетается со всеми четырьмя подтипами модальности долженствования. Ср. следующие примеры:

(17а) *Для ее спокойствия нужно прекратить эти встречи* (модальность долга).

(176) *Лара хорошо училась не из отвлеченной тяги к знаниям, а потому что для освобождения от платы за учение надо было быть хорошей ученицей, а для этого требовалось хорошо учиться* (Б. Пастернак. Доктор Живаго; модальность объективной необходимости).

(17в) *Для завершения переговоров я был вынужден вернуться в Москву* (модальность вынужденности).

(17г) *Больного, для его же пользы, заставили принять лекарство* (модальность принуждения).

Ради может сочетаться с модальностью долга и с модальностью вынужденности, но не с модальностями объективной необходимости и принуждения. Ср. следующие примеры:

(18а) *Ради ее спокойствия я должен прекратить эти встречи* (модальность долга).

(186) *Ради ее спокойствия мне пришлось прекратить эти встречи* (модальность вынужденности).

(18в) *'Однако Сталин хочет управлять с помощью страха - это нужно ради укрепления его единоличной власти* (модальность объективной необходимости).

(18г) **Ради спокойствия матери его заставили прекратить эти встречи* (модальность принуждения).

Несовместимость *ради* с модальностью объективной необходимости интересным образом влияет на взаимодействие этого предлога с отрицанием в контексте модальных слов.

Рассмотрим два примера.

(19а) *Не надо жертвовать профессиональными интересами для сохранения хороших отношений в семье.*

(196) *Не надо жертвовать профессиональными интересами ради сохранения хороших отношений в семье.*

Фраза (19а) может значить либо "Для сохранения хороших отношений в семье не требуется жертвовать профессиональными интересами" (импликация: "можно сохранить их и другим способом"), либо "Не рекомендуется, не должно жертвовать профессиональными интересами для сохранения хороших отношений в семье". Первая интерпретация получается, когда в сферу действия отрицания попадает *надо,* а вторая - когда в сферу действия отрицания попадает глагольная группа *жертвовать профессиональными интересами.*

Фраза (196) может иметь только вторую интерпретацию, а именно, "Не рекомендуется, не должно жертвовать профессиональными интересами для сохранения хороших отношений в семье". Иначе говоря, в контексте *ради* модальное слово *надо* в сферу действия отрицания попадать не может.

Это синтаксическое различие коррелирует с различием в актуальном членении. Фраза (196) может члениться только одним способом: тема - *Не надо жертвовать профессиональными интересами;* рема - *ради сохранения хороших отношений в семье.* Фраза (19а) может члениться либо так же, либо следующим образом: тема - *жертвовать профессиональными интересами для сохранения хороших отношений в семье;* рема - *не надо.*

1.2.3. Сочетаемость *для* и *ради* с модальностью возможности.

Рассмотрим теперь сочетаемость обоих предлогов с модальностью возможности. Сравним следующие два примера:

(20а) *Для прекращения забастовки можно пойти на компромиссы.*

(206) *Ради прекращения забастовки можно пойти на компромиссы.*

Как мы видим, и (20а), и (206) абсолютно нормативны. Однако интерпретации этих двух фраз различны.

Среди возможных интерпретаций (20а) есть и такая: "компромисс является одним из возможных средств прекращения забастовки". Фраза (20а) могла бы быть продолжена следующим образом: *Для прекращения забастовки можно пойти на компромиссы, а можно использовать и другие средства.*

Фраза (206) таким образом продолжена быть не может, ср. неправильность **Ради прекращения забастовки можно пойти на компромиссы, а можно использовать и другие средства.* Дело в том, что (206) имеет совершенно другой смысл, нежели (20а). Фраза (206) значит примерно следующее: "Компромисс является допустимым средством прекращения забастовки" (импликация: "прекратить забастовку столь важно, что для достижения этой цели можно пойти и на такую серьезную уступку, как компромисс; в других обстоятельствах компромисс не был бы оправдан"). Фразу (206) было бы естественно продолжить так: *Ради -прекращения забастовки можно пойти даже на компромиссы, т.к. прекратить забастовку очень важно; если бы не это обстоятельство, компромисс не был бы оправдан.*

Фраза (20а) при контрастном ударении на слове *можно* может иметь ту же интерпретацию, что и (206), однако для (206) возможна только одна интерпретация.

Перейдем теперь к описанию семантических свойств *для* и *ради,* чтобы затем предложить объяснение вышеописанных различий.

2. СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА *ДЛЯ* И *РАДИ*

Сравним два примера:

(21а) *Петр приехал в Воронеж для того, чтобы ухаживать за своей матерью.*

(216) *Петр приехал в Воронеж ради того, чтобы ухаживать за своей матерью.*

И (21а), и (216) являются абсолютно правильными фразами, однако они обозначают достаточно разные ситуации. Фраза (21а) значит лишь, что для достижения цели ухаживания за матерью Петр приехал в Воронеж; эта фраза не содержит никакой оценки этого поступка и его цели ни со стороны говорящего, ни со стороны самого агенса. Фраза же (216) прагматически очень богата. Она содержит следующие импликации: (1) говорящий оценивает приезд в Воронеж в имеющих место обстоятельствах как жертву со стороны агенса (например, потому что этот приезд был трудноосуществим или неприятен); (2) агенс оценивает ухаживание за матерью как очень важную цель, оправдывающую приносимую для ее достижения жертву.

Таким образом, в (21а) приезд рассматривается как целесообразное действие для достижения цели; в (216) он рассматривается как жертва для достижения цели. *Для* предполагает целесообразное поведение со стороны агенса, а *ради* - жертвенное. Цель в *для* никак не оценивается с точки зрения ее важности или желательности ее достижения для агенса; цель в *ради* очень важна и достойна для своего

достижения всяческих жертв со стороны агенса. Примеры (22а) и (226) отчетливо демонстрируют эту разницу:

(22а) *Он постарался выяснить хотя бы последнее [где он - Степа - находится] и для этого разлепил слипшиеся веки левого глаза* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

(226) *'ОН постарался выяснить хотя бы последнее и ради этого разлепил слипшиеся веки левого глаза.*

Фраза (226) семантически аномальна по двум причинам: (1) прозаическая цель выяснения своего местонахождения не может служить поводом для серьезных жертв, тем более, что она легкоосуществима; (2) действие разлепления век не может считаться жертвой, даже если бы оно совершалось для достижения какой-нибудь более серьезной цели. В то же время фраза (22а) абсолютно нормальна, так как описываемая в ней ситуация целесообразного действия не вступает ни в какие противоречия с семантикой *для.*

Для *ради* естествен контекст жертвенности, ср.

(23а) *Оставь меня, вычеркни из жизни, отрекись ради детей, ради себя* (А. Рыбаков, Дети Арбата).

(236) *Не жертвуйте лицом ради положения* (Б. Пастернак. Из речи на первом съезде писателей).

В то же время *для,* с его семантикой целесообразности, звучало бы в подобном контексте неуместно,ср.

(23в) *'Оставь меня, вычеркни из жизни, отрекись для детей, для себя.*

Теперь рассмотрим смысловой компонент "жертва", входящий в состав значения предлога *ради.* Предложим следующее рабочее определение:

Жертва - это "действие, совершаемое, чтобы добиться чего-то очень важного и желательного для агенса или чтобы сделать хорошо кому-то очень важному и любимому агенсом; это действие (а) требует больших моральных или физических усилий от агенса; (б) обычно ведет к каким-то потерям для агенса; (в) не является обычным, нормативным средством достижения подобных целей; (г) совершается тогда, когда, по мнению агенса, оно необходимо, так как все остальные возможные средства достижения цели были испробованы и оказались неэффективными; (д) агенс не обязан совершать это действие - он совершает его добровольно".

В этом определении для нас особенно важны следующие компоненты: (в) "это действие не является обычным, нормативным средством достижения подобных целей" и (д) "агенс не обязан совершать это действие - он совершает его добровольно". Эти два компонента являются пресуппозициями *ради,* но ни в каком виде не входят в значение *для.*

Следующее семантическое различие между *для* и *ради* иллюстрируется в примерах (24а) и (246).

(24а) *Нынешнее правительство ведет эту войну не только для сохранения единства страны, но и для достижения собственных политических целей.*

(246) *'Нынешнее правительство ведет эту войну не только ради сохранения единства страны, но и ради достижения собственных политических целей.*

Фраза (24а) правильна. Фраза (246) сомнительна. Причина этого лежит в следующем семантическом различии между предлогами: *ради,* в отличие от *для,* содержит указание на то, что е д и н с т в е н н о й причиной действий агенса является стремление добиться своей цели; никакой дополнительной мотивации его действия иметь не могут. Поэтому нельзя *"делать Р не только ради Y, но и ради* Z. Возможно однако, *делать Р не только для Y, но и для Z.*

Из-за наличия компонента "единственная причина *"ради* не сочетается с наречиями со значением частичности, типа *частично, в том числе и* и т.п.: эти наречия указы-

вают на то, что действие, о котором идет речь, имеет больше одной мотивации. Ср. странность.

(25а) *"Я сделал это частично (в том числе и) ради того, чтобы повеселиться (а частично ради пользы дела).*

На первый взгляд, фразы типа (256) могли бы служить контрпримером:

(256) *Я сделал это не только ради спокойствия твоей матери, но и ради своего спокойствия.*

Однако в (256) мы имеем не множественные мотивировки, а одну - чье-то спокойствие, включающую в себя более мелкие - спокойствие отдельных лиц. Поэтому фраза (256) правильна. Во фразе же (25а) две отдельные мотивировки нельзя свести к одной, более общей, поэтому (25а) неправильна.

Отметим еще два, не столь релевантных для наших целей, но существенных различия между *для и ради.* Рассмотрим следующую пару предложений:

(26а) *Джон ездил в Калифорнию для того, чтобы отдать детей в колледж.*

(266) Джон ездил в Калифорнию ради того, чтобы отдать детей в колледж.

(26а) имеет только одну возможную интерпретацию: Джон ездил в Калифорнию, потому что колледж находится в Калифорнии, и для того, чтобы отдать туда детей, надо было туда с ними поехать. Иными словами, действием "поездка в Калифорнию" н а п р я м у ю достигается цель "отдать детей в колледж".

(266) имеет две возможные интерпретации: первая аналогична интерпретации (26а), а вторая может быть сформулирована следующим образом: Джон ездил в Калифорнию, потому что эта поездка каким-то образом давала ему возможность отдать детей в колледж (не обязательно находящийся в Калифорнии); например, он ездил в Калифорнию, чтобы заработать денег на образование детей. Иными словами, действием "поездка в Калифорнию" к о с в е н н ы м о б р а з о м достигается цель "отдать детей в колледж".

Ср. также (27а):

(27а) *Ради того, чтобы как-нибудь завязать разговор [о разгадке сущности вещей, то есть жизненно важный для героя], я временно примирюсь с вашим отказом* (В. Набоков. Ultima Thule).

Примирение с отказом является к о с в е н н ы м средством завязывания разговора; п р я м ы м, н е п о с р е д с т в е н н ы м способом завязать разговор было бы начать говорить о чем-то, ср.

(276) *Для того, чтобы как-нибудь завязать разговор, он стал расспрашивать ее о здоровье тетушки.*

Суммируем семантические различия между *для* и *ради* в следующих толкованиях:

X P для Q/Y = "X делает P, потому что хочет, чтобы было *Q*[2] и считает, что P ведет к наступлению Q, или потому что хочет принести Y-у[3] пользу и считает, что P приносит У-у пользу"[4].

X P ради QIY =

п р е с у п п о з и ц и и :

(а) X очень хочет, чтобы было Q или чтобы Y-у было хорошо^ ;

(б) P выходит за пределы нормы того, что обычно делается в подобных обстоятельствах, чтобы достичь цели Q или чтобы сделать Y-у хорошо;

(в) X не обязан делать P;

(г) выполняя P, X несет какие-то потери;

(д) X считает, что достижение его цели Q стоит совершаемых для этого усилий и действий P;

[2] В том случае, если Q - ситуация.

[1] В том случае, если Y - лицо.

Ср. толкование польского слова *eel* "цель" в [Grochowski 1980, с. 78]: *X делает A е той целью, чтобы было B* ~ "X хочет, чтобы было B, и X предвидит, что действие A приведет к тому, что будет B, и это все является причиной того, что X делает A".

• Для краткости мы не будем повторять второй член дизъюнкции в других компонентах толкования.

(е) X считает, что никакими другими средствами невозможно достичь его цели Q;

(ж) стремление достичь Q является единственной причиной, по которой X совершает P;

а с е е.р ци я: "X делает P, потому что хочет, чтобы было Q[6] и считает, что P каким-то образом способствует наступлению (3,или потому что хочет принести Y-у[7] пользу и считает, что P каким-то образом этому способствует".

3. СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОТИВАЦИЯ РАЗЛИЧИЙ В ЯЗЫКОВЫХ СВОЙСТВАХ *ДЛЯ* И *РАДИ*

В этом разделе предлагается семантическое обоснование обсуждавшихся выше различий между *для* и *ради.*

3.1. Различная сочетаемость *для* и *ради* с квантором общности.

Как было сказано выше, *для* может сочетаться как с глобальным, так и с ограничительным *все* в любых контекстах; *ради* в определенных контекстах не может сочетаться с глобальным *все,* что влечет за собой обсуждавшиеся выше коммуникативные различия. Напомним интересующие нас контексты. Это примеры (96) *Этот магазин делает все ради покупателей* и (106) *Он приготовил все ради операции.*

Как видно из толкования *ради,* этот предлог (но не предлог *для)* содержит пресуппозицию "P выходит за пределы нормы того, что обычно делается в подобных обстоятельствах, чтобы достичь цели Q". Этот компонент можно перифразировать следующим образом: "все, входящее в норму, уже было совершено агенсом и оказалось недостаточным; поэтому он совершает выходящее за пределы нормы действие P, чтобы достичь своей цели Q". Таким образом, компонент "все, входящее в пределы нормы" входит в пресуппозицию ряди.

В предложении (9а) речь явно идет о норме, о нормальных требованиях покупателей и говорится, что магазин выполняет все нормальные требования (в том случае, если *все* интерпретируется как глобальные); для (96) такая интерпретация невозможна, так как предлог *ради* подразумевает, что все в пределах нормы уже выполнено.

То же самое верно для пары предложений (10а) и (106). Действия по подготовке к операции - это некие рутинные, обычные, "нормальные" действия. В предложении (10а) говорится (в том случае если *все* интерпретируется как глобальные), что все такие нормальные, необходимые приготовления были сделаны. Для предложения с *ради* такая интерпретация невозможна, потому что, как было сказано, предлог *ради* подразумевает, что все в пределах нормы уже выполнено.

Вытекающие из этого коммуникативные следствия (невозможность попадания квантора *все* во фразах (96) и (106) в рему) объясняются, таким образом, тем, что в этих фразах может быть употреблено только ограничительное *все,* не поддающееся рематизации.

Актуальное членение во фразах (96) и (106) имеет также и независимые, чисто коммуникативные основания. Дело в том, что позиция ремы в этих фразах занята именной группой с предлогом *ради (ради покупателей, ради операции).* Перенести эту именную группу в тему оказывается, в силу прагматических причин, невозможным, ср. странность: *-Ради покупателей этот магазин делает все* и *"Ради операции он приготовил все.* Таким образом, позиция ремы оказывается занятой, и квантор *все* туда попадать не может.

3.2. Различная сочетаемость *для* и *ради* с модальными словами.

Первое различие, а именно, тот факт, что *ради,* в отличие от *для,* не сочетается с модальностями принуждения и объективной необходимости, является следствием некоторых семантических обстоятельств.

С модальностью принуждения *ради* не сочетается по следующей причине: *ради* (но

[6] В том случае, если Q - ситуация.

В том случае, если Y - лицо.

не *для)* содержит пресуппозицию добровольности действий агенса (ср. пресуппозицию (в) в определении *ради* - "Х не обязан делать Р"). В то же время модальность принуждения предполагает, что действия агенса совершаются не по его воле.. Таким образом, при появлении *ради* в таких контекстах как *X-а вынудили (заставили) сделать Р* возникает семантическая аномалия: семантика модальности принуждения вступает в противоречие с пресуппозицией добровольности.

С модальностью объективной необходимости *ради* не сочетается по следующей причине: *ради* описывает ситуацию принесения жертвы, а не ситуацию достижения цели путем обычных, рутинных средств. В то же время, модальность объективной необходимости предполагает именно совершение некоторых необходимых, целесообразных, рутинных действий для достижения какой-то цели, ср. *Для получения водительских прав надо сдать экзамен; Для приготовления пирога требуются дрожжи.* В подобных ситуациях возможность жертвы немыслима и, следовательно, *ради,* с его семантикой жертвенности, неуместно.

С модальностью долга предлог ради сочетается, как это было отмечено, свободно. Это связано с тем, что модальность долга выражает личное мнение говорящего по поводу обязательности действий агенса. Таким образом, выполнение или невыполнение этих действий оставляется на усмотрение агенса, что не противоречит идее добровольной жертвы, содержащейся *в ради.*

Модальность вынужденности также не противоречит семантике *ради.* Напротив, эта модальность описывает ситуацию, когда агенс под напором обстоятельств решается пойти на какое-то крайнее средство, чтобы достигнуть своей цели. *Ради* описывает похожую ситуацию — ситуацию принесения жертвы - и поэтому сочетается с модальностью вынужденности свободно.

Второе различие, а именно, разные интерпретации модального слова *можно* в контексте *для и ради* объясняются следующим: *ради,* в отличие от *для,* содержит пресуппозицию "Х считает, что никакими другими средствами невозможно достичь Q". Вернемся к примерам (20а) и (206): *Для прекращения забастовки можно пойти на компромиссы vs. Ради прекращения забастовки можно пойти на компромиссы.* (206) не может интерпретироваться как "компромисс является одним из возможных средств прекращения забастовки", так как *ради* предполагает, что имеется только одно возможное средство достижения цели. Таким образом, *можно* не может пониматься в контексте *ради* как "одна из возможностей", но только как "допустимо". С другой стороны, в контексте *для,* не имеющего пресуппозиции единственности, такого ограничения на интерпретацию *можно* нет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Астафьева Н.И. 1974 - Предлоги в русском языке и особенности их употребления. Минск, 1974.

Богуславский И.М. 1985 - Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов, М., 1985.

Гзгзян Д.М. 1989 - Функция предлога в составе семантической структуры высказывания. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.

ИомдинЛЛ. 1991 - Словарная статья предлога ПО//Семиотика и информатика, М., 1991. Вып. 32.

Кобзареви Т.Ю., Лахути Д.Г. 1971 - О структуре денотативного значения предлогов // Семантическая структура слова: психолингвистические исследования. М., 1971.

Левин В.Д. 1956 - О значении предлога *кроме* в современном русском литературном языке // Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию. Сб. статей. М., 1956.

Леонтьева Н.Н., Никитина СЕ. 1964 - Опыт описания семантики предлогов // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1964. Вып. 8.

Попова Л.Н. 1956 - Предлоги, выражающие причинные отношения в современном русском литературном языке, и их синонимия. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Л., 19J6.

Финкель А.М. 1962 - Производные причинные предлоги в современном русском литературном языке. Их возникновение, развитие, значение, употребление. Харьков, 1962.

Grocfwwski M. 1980- Pojecie celu: Studia semantyczne. Wroclaw, Warszawa, Krakow, Gdansk, 1980.

Reiter N. 1975 - Die Semantik deutscher und russischer Prapositionen. Wiesbaden, Berlin, 1975.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1995

© 1995 г. А.Е. КИБРИК, Е.А. БОГДАНОВА

САМ КАК ОПЕРАТОР КОРРЕКЦИИ ОЖИДАНИЙ АДРЕСАТА*

0. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Лексема *сам* принадлежит к так называемым дискурсивным лексическим элементам, интерес к которым в последнее время неуклонно растет (см., например, [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993]). Специфика этих элементов состоит в их семантике, не поддающейся эксплицитному толкованию обычными средствами[1]. Причина "неуловимости" их значений кроется в их функциональной природе. Эти элементы участвуют не столько в построении денотативного слоя смысла высказывания, сколько в "привязывании" этого смысла к ситуации акта речи. Многие из этих элементов являются сигналами, облегчающими адресату речи правильное согласование смысла текущего высказывания с имеющимися у него знаниями или перестройку активированных знаний в соответствии с информацией, содержащейся в текущем высказывании.

В настоящей работе предлагается функциональное, когнитивно ориентированное описание употребления лексемы *сам* (и ее производных) в различных синтаксических контекстах.

Лексема *сам* характеризуется богатством частных значений, выделяемых в толковых словарях (см., например, [БАС 1962]), однако системные связи между ними и противопоставляющие их формальные средства обычно не отмечаются.

Ниже выделяются следующие основные употребления лексемы *сам:*

а. Приименное *сам:* *сам* находится в составе именной группы, являясь определителем при ее вершине. Например:

(1) На другой день в манеже мы спрашивали уже, жив ли еще бедный поручик, как *[сам* он] явился между нами (А.С. Пушкин. Выстрел).

(2) Ах, обмануть меня не трудно!..
[Я *сам]* обманываться рад!.. (А.С. Пушкин).

Примечательно, что прииименное *сам* обладает нетривиальными формальными свойствами, на которые удивительным образом обычно не обращается внимание. А именно, его значение зависит от его позиции по отношению к вершине (препозитивной/постпозитивной) и от просодии именной группы. Рассмотрим примеры:

(3) а. *[*Сам* директор] иногда звонит ему.
б. [Директор *\сам]* иногда звонит ему.
в. Иногда ему звонит [ˡ ош директор] // [*директор ! /ˡ *сам].*

В (3а) *сам* находится в препозиции к вершине *директор* и не имеет на себе ударе-

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, код 10940.

[1] Ср., например: "В прииименных связях *сам,* как слово, подчеркивающее и выделяющее, имеет значение лексически почти неуловимое, лишь приблизительно соотносящееся с частицами *именно* и *даже, даже и,* иногда приближающееся к союзу *также и,* а во многих случаях лексическим сопоставлением вообще не поддается" [Тагамлицкая 1969: 440].

ния[2], в (36) *сам* следует за вершиной и является ударным[2]. Интуитивно очевидно при этом, что *сам* в этих предложениях отличается по смыслу. (3в) демонстрирует, что изменение порядка слов (передвижение *сам* в постпозицию к вершине) приводит к неграмматичному предложению независимо от ударности/безударности *сам.*

б. *Сам* в составе составного рефлексива. Русские предложения с возвратным местоимением *{себя, себе* и т.д.) часто содержат лексему *сам:*

(4) Любовь слепа и, не доверяя *самой себе,* торопливо хватается за всякую опору (А.С. Пушкин. Арап Петра Великого).

(5) И, глухую затаив развязку,
Сам себя я вызвал на турнир;
С *самого себя* срываю маску
И презрительный лелею мир (О.Э. Мандельштам).

Получаемые таким образом составные рефлексивы довольно разнообразны. Сравним, например, (6а), не содержащее лексемы *сам,* и (6 б-г). Возникает вопрос, имеются ли различия в составных рефлексивах такого типа:

(6) а. Он надеется на *себя.*
б. Он надеется *сам* на *себя.*
в.Он надеется на *самого себя.*
г. Он надеется на *себя самого.*

Из примера видно, что мы - по крайней мере на поверхности — имеем дело с тремя типами составных рефлексивов, парадигма которых приводится ниже.

	1	2	3
Родит.	*сам себя*	*самого себя*	*себя самого*
Дат.	*сам себе*	*самому себе*	*себе самому*
Винит.	*сам себя*	*самого себя*	*себя самого*
Твор.	*сам собой*	*самим собой*	*собой самим*
Предл.	*сам о себе*	*о самом себе*	*о себе самом*

В составном рефлексиве 1-го типа *сам* копирует именительный падеж контролера рефлексивизации (подлежащего), то есть является его определителем и находится с возвратным местоимением в разных именных группах, *сам* во 2-ом и 3-ем типах копирует падеж возвратного местоимения, т.е. находится с ним в одной именной группе. Тип 2 и 3 отличаются взаимной позицией *сам* и возвратного местоимения. Одна из целей работы - объяснить существующую разницу между составными рефлексивами трех типов.

в. Безвершинное *сам:* в некоторых высказываниях *сам* не имеет при себе определяемого имени, например, в выражении *сами с усами.* Как соотносится безвершинное и приименное употребление лексемы *сам?*

г. Инкорпорированное *сам:* в русском языке имеется довольно много сложных слов, содержащих в качестве компонента лексему *сам.* Эти слова весьма разнообразны по семантике, например: *самовар, самоцель, самонадеянность* и т.п. Можно ли описать значения такого рода слов, опираясь на семантику лексемы *сам* в самостоятельном употреблении?

д. **Адъективная деривация лексемы *сам:*** лексема *самый.* Сохраняет ли дериват исходную семантику мотивирующего слова?

[2] Неакцентуированность слова обозначается значком [2], противопоставительный акцент обозначается восклицательным знаком, контрастивный акцент обозначается двумя восклицательными знаками. В фигурных скобках даются авторские замечания к цитируемым примерам.

В статье делается попытка описать весь указанный круг явлений не атомарно, поэлементно, а исходя из приименного употребления лексемы *сам* как исходного. Зная функции лексемы *сам* в исходном синтаксическом контексте, все остальные случаи мы можем описать как регулярную модификацию этих функций. Регулярность модификаций, если это подтверждается эмпирическим материалом, служит дополнительным аргументом правильности анализа исходных функций лексемы *сам.*

Поэтому сперва в статье предлагается толкование базовых значений лексемы *сам* и их анализ в различных синтаксических диагностических контекстах, позволяющих эти значения разграничить, а затем описываются производные употребления лексемы *сам.*

1. БАЗОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСЕМЫ *САМ*

1.1. Постпозитивное *сам.* Для постпозитивного употребления лексемы *сам* представляется возможным выделить следующие значения: *сам* добавляющее, *сам* контрастивное и *сам* самостоятельное.

а. **Добавляющее** *сам* (далее самДОБ) несет на себе противопоставительный акцент (!). Неформально значение "*X* !сам" (где *X*- вершинное имя) может быть описано как "ТАКЖЕ И А"'.

(7) Напрасно графиня... хотела противуставить ей {любви Ибрагима} увещания дружбы и советы благоразумия, она *[сама* {и она также, она тоже) ослабевала. (А.С. Пушкин. Арап Петра Великого).

Попытаемся теперь формализовать это толкование, используя предложение (7). Из предыдущего изложения его адресат узнает, что Ибрагим любит графиню, то есть во фрейме ситуации *P* (любовь) субъектом является *Y* (Ибрагим). Далее, до появления этого предложения адресат не знает ничего позитивного о чувствах графини; напротив, он разделяет убежденность Ибрагима в том, что графиня по своему положению и просто из-за принадлежности к белой расе не может полюбить арапа. Адресат предполагает, таким образом, что графиня *(X)* не является субъектом ситуации *P* (любовь). Предложение (7) корректирует этот фрейм ситуации и утверждает, в частности, что *X* (графиня), вопреки ожиданиям, является, как и *Y* (Ибрагим) субъектом ситуации *P* (любовь).

Дадим теперь формальное толкование самДОБ. Оно состоит из двух частей. В первой части формулируются условия уместности самДОБ (предположения говорящего о некоторых ожиданиях адресата в данной точке дискурса), во второй - инструкция по коррекции этих ожиданий.

СамДОБ:

«Состояние ожиданий адресата: 'Имеется несколько потенциальных участников (с ролью i) ситуации *P;* из знаний адресата о свойствах X-а следует, что X не является участником (с ролью i) ситуации P'»

«Инструкция адресату о коррекции ожиданий: 'X входит в множество участников P'»

Наиболее отчетливо наличие команды коррекции видно на примерах вопросно-ответных диалогов. Допустим, мы имеем двух участников диалога - *A* и *B.* Предположим, *A* задает *B* какой-то вопрос, имея некоторые знания о ситуации *P. B,* анализируя вопрос А, приходит к выводу о том, что *A* опирался на частично недостоверные знания о *P.* В таком случае, естественным ответом на вопрос *A* будет некое утверждение, исправляющее соответствующий слот фрейма ситуации *P*[3]. Исходя из

[3] Заметим, что прямой ответ на вопрос в таком случае будет восприниматься как согласие с активированными или долговременными знаниями адресата или просто как нежелание ввязываться в дальнейшую дискуссию.

такого понимания текущей дискурсивной ситуации, мы можем легко объяснить появление самДОБ в диалоге (8):

(8) А: - Может, Петров знает, что произошло той ночью?
В: - Петров *\сам* тогда напился.

А и В, по-видимому, обладают некоторой общей информацией о какой-то вечеринке, происходившей "той ночью". Вероятно, *В* не в состоянии вспомнить, чем же она окончилась, то есть является участником ситуации *Р* (опьянеть настолько, что не знать/не помнить, что происходило той ночью). Далее, из вопроса *А* следует, что, по его оценке свойств Петрова, Петров не входит в состав участников ситуации *Р* и может помнить, что произошло той ночью. В качестве ответа на данный вопрос *В* корректирует фрейм ситуации *Р* и предлагает *А* добавить к множеству пьяных той ночью также и Петрова.

Приведем еще несколько примеров употребления самДОБ:

(9) Прости, я *\сам* теперь знаком со светом (М.Ю. Лермонтов).

(10) Того и гляди, что на пьяного натолкнешься, аль и {тебя} *[самого* на смех пьяным напоят (А.С. Пушкин. Арап Петра Великого).

В предложении (9) автор исходит из того, что адресат считает, что, в отличие от него (или, скорее, от нее) говорящий *(X)* со светом не знаком (не *Р(X));* смысл употребления *сам* в данном контексте состоит в добавлении *X* к множеству лиц, знакомых со светом *(Р).* В (10) в качестве *Р* мы имеем "быть пьяным", утверждается возможное добавление адресата к участникам этой ситуации.

Два других постпозитивных *сам'а* акцентуируются контрастивно. Кроме того, как будет показано далее, они имеют много общих синтаксических свойств, что позволяет нам объединить их в одну группу.

б. Контрастивное *сам* (в дальнейшем самКОНТР) может быть условно определено как "ИМЕННО *X*":

(11) А: - А сказывал он вам имя этого повесы?
В: - Нет, ваше сиятельство, не сказывал... Уж не вы ли?..
А: - Я *\\сам* {ср.: именно я}, - отвечал граф с видом чрезвычайно расстроенным... (А.С. Пушкин. Выстрел).

В данном контексте *сам* имеет на себе контрастивное ударение. Попытаемся проанализировать диалог (11). Рассказчик *(В)* знает от Сильвио о происшедшей с ним истории (оскорбление, незавершенная дуэль), но имя противника Сильвио ему неизвестно. В принципе им может оказаться любой человек, Удовлетворяющий ряду характеристик (мужчина, довольно молодой, красивый, знатный и т.п.). Вообще говоря, под все эти характеристики собеседник рассказчика - граф - подходит, однако рассказчик не склонен предположить, что это именно он - слишком маловероятным ему кажется такое совпадение, да и любезное обхождение графа не выдает в нем бывшего "повесы". Короче говоря, задавая свой вопрос *(Уж не вы ли?),* рассказчик хотя и допускает, что граф может оказаться тем Х-ом, но тем не менее считает это малоправдоподобным. Граф же в своем ответе утверждает, что как раз он-то и являлся главным действующим лицом той давней истории. Заметим, что предположение рассказчика о малой вероятности того, что граф и был противником Сильвио, находит свое выражение в форме вопроса (так называемый *не... ли*-вопрос).

Теперь мы можем сформулировать толкование самКОНТР:

«Состояние ожиданий адресата: 'А' входит в число потенциальных кандидатов на роль участника ситуации *Р,* но является среди них наименее правдоподобным'»

«Инструкция адресату о коррекции ожиданий: 'Именно *X* и только он является участником события Р'»

Приведем еще несколько примеров употребления самКОНТР:

(12) Министр *Псам* поехал на переговоры.

(13) Но Марья Гавриловна *\\сама* в беспрестанном бреду высказывала свою тайну (А.С. Пушкин. Метель).

В предложении (12) множество потенциальных кандидатов состоит, видимо, из ряда сотрудников соответствующего министерства - заместителей министра, начальников отделов и т.п. "Знания о мире" слушающего включают, вероятно, информацию о том, что на переговоры обычно ездят менее значительные персоны, чем министр. В принципе поездка министра тоже возможна, но. маловероятна ("только в крайнем случае"). Говорящий предполагает наличие такой типовой "картины мира" у адресата и корректирует ее применительно к актуальной ситуации.

В примере (13) ситуацией *Р* является "раскрытие секрета о попытке тайного венчания". Потенциальными кандидатами на роль субъекта могут быть все посвященные лица - горничная, священник, свидетели, кучер, а также и сами жених с невестой, но они, как наиболее заинтересованные в сохранении тайны, наименее вероятные участники ситуации *Р. Сам* в (13) акцентирует внимание адресата на том, что наименее вероятный претендент (Марья Гавриловна) как раз и оказался "предателем".

в. Самостоятельное *сам* (далее самСАМОСТ) примерно соответствует выражению *"X* САМОСТОЯТЕЛЬНО". Говоря неформально, "самостоятельное" совершение X-ом какого-либо действия обычно предполагает намерение (willing) *X-а* и его способность совершить это действие без посторонней помощи. Рассмотрим пример (14):

(14) Придя, {Воланд} был встречен домработницей Груней, которая объяснила, ..что если визитер желает видеть Степана Богдановича, то пусть идет к нему в спальню *\\сам* (М.А. Булгаков).

С точки зрения Груни, Воланд исходит из такого типового положения вещей *Р,* что гость, которого встречает домработница, может рассчитывать на помощь с ее стороны в поиске хозяина и сопровождение в незнакомой квартире. Объяснение Груни заключается в том, что Воланду следует самостоятельно действовать в конкретной ситуации *Р.*

В (15) мы видим другой тип "самостоятельности" - отсутствие внешней каузации. Швейцар, пропустивший в ресторан человека в одних кальсонах, оправдывается перед метрдотелем. Он сознает, что допустил ошибку, и заявляет, что не нуждается во внешней каузации (т.е. объяснении метрдотеля), чтобы понять *(Р)* все последствия своих действий.

(15) Что же я могу поделать? Я *\\сам* понимаю, на веранде дамы сидят... (М.А. Булгаков).

Теперь мы можем описать значение самСАМОСТ:

«Состояние ожиданий адресата: 'Без внешней каузации или помощи Л' скорее всего не станет участником события *Р'*»

«Инструкция адресату о коррекции ожиданий: 'А' и только А является контролером и участником события Р'»

Дальнейшие примеры показывают, впрочем, что границу между "каузацией" и "помощью" можно провести далеко не всегда. Рассмотрим, например, (16):

(16) Но иностранец ничуть не обиделся и превесело рассмеялся. - Бывал, бывал, и не раз! {в лечебнице для душевнобольных) - вскричал он, смеясь, но не сводя несмеющегося глаза с поэта... Жаль только, что я не удосужился спросить у профессора, что такое шизофрения. Так что вы уж *\\сами* узнайте это у него, Иван Николаевич! (М.А. Булгаков).

Действительно, реакцией на какие представления Воланда о знаниях Ивана является его предложение, чтобы Иван самостоятельно совершил действие *Р* (узнать, что

такое шизофрения)? С одной стороны, на мнение Ивана о возможном получении данного знания от Воланда (как побывавшего в лечебнице), то есть на возможную каузацию *P* Воландом. С другой стороны, на представление о возможном посредничестве или помощи Воланда при общении Ивана с профессором. Таким образом, трудно четко разграничить "помощь" и "каузацию": к примеру, чем является "спаивание" в (17) - каузацией или помощью в достижении состояния *P* "быть пьяным"?

(17) - Зачем ты напоил Петрова?
- Петров *Псам* тогда напился.

Заметим, что иной раз трудно провести границу между самКОНТР и самСАМОСТ. В предложении (18) возможно двоякое толкование *сам.* "Знания о мире" подсказывают нам, что обычно девушка менее заинтересована в свидании (или старается это изобразить), чем молодой человек, поэтому из двоих возможных "назначающих свидание" Лиза менее вероятна, чем Алексей. Тем не менее Лиза заявляет Алексею, что субъектом ситуации "назначение свидания" будет именно она, в противоречии с его "знаниями о мире". С другой стороны, реплика Лизы может означать ее протест против "помощи" (случайных встреч) или "каузации" (просьбы, уговоры) Алексеем их свиданий.

(18) Дай мне слово не искать других со мной свиданий, кроме тех, которые я *Псама* назначу (А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка).

1.2. Препозитивное *сам.* Среди значений препозитивного *сам* выделяются *сам* неожидаемое и *сам* дискурсивное.

а. *Сам* неожидаемое (в дальнейшем самНЕОЖ) не акцентуируется: значение выражения *"сам X"* может быть неформально названо "ДАЖЕ *X".*

Рассмотрим пример (19):

(19) Как все вчера гуляли! *^Сам* Петров (ср.: даже Петров} напился.

Знания говорящего и адресата о Петрове, по-видимому, включают информацию о том, что Петров трезвенник и напиться *(P)* никак не может ("Уж кто-кто, а Петров не напьется"). Утверждение говорящего состоит в том, что вопреки ожиданию Петров-таки стал участником ситуации *P.*

Опишем теперь значение самНЕОЖ более формально:

«Состояние ожиданий адресата: 'X имеет такую оценочную характеристику МАКС, что его участие в событии *P* не ожидается'»

«Инструкция адресату о коррекции ожиданий: 'Событие *P* имеет место при участии Ж-а'»

Заметим, что оценочная характеристика МАКС может вычисляться коммуникантами в каждом конкретном случае по разным качествам. В примере (19) этим качеством было отсутствие склонности Петрова к алкоголю.

В (20) оценочная характеристика связана с представлениями о судьбе, состоящими в том, что ее "функции" более глобальны и важны, чем просто встреча двух людей *(P).* Судьбе, по мнению рассказчика, не свойственно заниматься такими мелочами, и ее участие вРне ожидается[4]:

(20) Иван узнал, что гость его и тайная жена уже в первые дни своей связи пришли к заключению, что столкнула их на углу Тверской и переулка *^сама* судьба и что созданы они друг для друга навек (М.А. Булгаков).

Интересно сравнить (21) и (12).

(12) Министр *\\сам* поехал на переговоры. (самКОНТР)
(21) *^Сам* министр поехал на переговоры. (самНЕОЖ)

[4] Заметим, на эту роль больше подошел бы "случай": поэтому, кстати, невозможно заменить в (21) *...сама судьба...* на *...сам случай...*

Разница здесь состоит в том, как оценивается мнение адресата о вероятности участия *X* в событии *P:* если в (12) поездка министра на переговоры является хотя и маловероятной, но возможной ("бесконечно малой"), то в (21) эта вероятность практически равна нулю.

б. *Сам* дискурсивное (далее самДИСК), как следует из названия, стоит несколько особняком: оно не всегда может быть реализовано в пределах одного предложения и действует скорее на уровне текста. СамДИСК акцентуируется противопоставительно и может быть сопоставлено с другой дискурсивной единицей - частицей *же:* *\самX* = *"X* ЖЕ".

(22) Бухгалтер обомлел, съежился и сделал такой вид, как будто и самое (самНЕОЖ) слово "Варьете" он слышит впервые, а *\сам* [он] подумал: "Ну и ну!.." (М.А. Булгаков).

В (22) речь идет о бухгалтере "Варьете", который является своего рода гипертемой этого отрывка. Темы же на протяжении этого предложения меняются: сначала речь идет о бухгалтере как личности ("бухгалтер обомлел"), затем о его виде ("такой вид, как будто...") и затем снова о его внутренних переживаниях («подумал: "Ну и ну!"»)[5].

Для самДИСК знаниями адресата являются дискурсивные ожидания:

«Состояние дискурсивных ожиданий адресата: 'Текущим тоником дискурса скорее всего является У»

«Инструкция адресату о коррекции дискурсивных ожиданий: 'Верни на роль топика гипертему - X'»

В примере (23) гипертемой является "тонкий - внешний вид". Проследим последовательно смену топиков в этом отрывке. Сначала речь идет о внешнем виде тонкого вообще, затем в качестве топика выступает лицо тонкого *(Y)* - некая детализация гипертемы, и в конце дискурсивное *сам* отмечает возврат на роль топика гипертемы "тонкий - внешний вид". Заметим, что маркирование с помощью самДИСК других тоников ("толстый") и даже текущего топика *Y* ("лицо") невозможно.

(23) Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. *\Сам* он съежился, сгорбился, побагровел (А.П. Чехов).
* .... *\Сам* толстый съежился...
* .... *\Само* лицо его...

Похожую ситуацию мы имеем в (24). Поскольку внешнее сходство между двумя людьми обычно основывается на чертах лица, то говорящий, видимо, ставит знак равенства между сходством и одинаковыми лицами. Таким образом, в качестве гипертемы здесь выступает сложная единица "сходство/лицо". Текущими топиками могут быть названы "тональность облика", "возраст" и т.д. Затем происходит возврат к гипертеме "сходство/лицо" и утверждается отсутствие в данном случае связи между ее компонентами.

(24) Самым интересным был... юноша, чем-то действительно напоминавший Федора Константиновича: он напоминал его не чертами лица, ... но тональностью всего облика Федора Константиновича, ... Он был лет на пять моложе Федора Константиновича и, что касается */самого* лица, то ... сходства, может быть, и не существовало никакого... (В.В. Набоков. Дар).

[5] Заметим, что разграничение Вежбицкой IWierzbicka 1980: 169-170] в с: толкованиях челопека "тела" и "души" вполне соотносится с излагаемым материалом. Видимо, следует предположить, что в (22) *сам* маркирует возвращение к гипертеме "бухгалтер - душа" после текущей темы "бухгалтер -тело (внешний вид)".

Еще один пример. В (25) гипертемои, видимо, является Стела , текущим топиком- "маг":

(25) Вчера Степа... прибежал к финдиректору с написанным уже черновиком договора, тут же велел его переписать и выдать деньги. И маг этот смылся, и никто его не видел, кроме *[самого* Степы (М.А. Булгаков).

1.3. Ядро базовых значений

Таким образом, мы рассмотрели базовые значения лексемы *сам.* Эти значения имеют много общего. Все они относятся к одной и той же дискурсивной задаче говорящего:

Сфокусировать внимание адресата на том, что говорящий знает, что информация об Л'-е в текущем сообщении противоречит ожиданиям (знаниям) адресата и что в знания об Л'-е необходимо внести соответствующее исправление.

Более того, лексема *сам* ориентирована на весьма конкретный вид знаний адресата об Л'-е и основанных на них ожиданиях, а именно она появляется в ситуации, когда участие Л-а в ситуации *Р* имеет низкую/нулевую вероятностную оценку, которая основана на том, что на шкале значений некоторой качественной характеристики *(q) X* имеет предельное (максимальное/минимальное) значение. При этом коррекции подлежит не позиция Л-а на шкале качества, а вероятностная импликация о неучастии Л-а в ситуации *Р.*

Более формальная запись инварианта толкований лексемы *сам* может быть представлена следующим образом:

«Состояние знаний адресата:

'ЛГ имеет невысокую/кулевую вероятностную оценку его вхождения в потенциальное множество *Q* участников события *Р,* т.к. среди потенциальных членов множества <2 он имеет предельный максимальный/минимальный ранг (МАКС) по некоторому качеству д'»

«Инструкция адресату о коррекции знаний:

'Измени импликативное знание об Л'-е относительно его участия в событии *Р: X* участвует в событии Р'»

2. СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ЛЕКСЕМЫ *САМ* В РАЗНЫХ ЗНАЧЕНИЯХ

Выше было продемонстрировано существование различных базовых значений лексемы *сам.* В данном разделе рассматривается сочетаемость этих значений с различными диагностическими синтаксическими контекстами, помогающими разграничить выделенные значения. А именно, будут изучены следующие синтаксические аспекты поведения базовых значений лексемы *сам:* совместимость именной группы, содержащей лексему *сам* (сам-ИГ), с различными синтаксическими позициями, *сам-ИГ* в сфере действия стативного предиката, дискурсивная автономность *сам-ИГ,* отделимость лексемы *сам* от вершины, способность сам-ИГ занимать неначальную позицию в предложении, способность лексемы *сам* выступать в контексте снятой утвердительности, ее сочетаемость с одушевленностью/неодушевленностью вершины и способность к безвершинному употреблению. По каждому свойству будут составлены соответствующие иерархии совместимости с базовыми значениями лексемы *сам.*

2.1. Синтаксическая позиция сам-ИГ

Рассмотрим следующие основные синтаксические позиции *сам-ИГ:* подлежащее в именительном падеже, подлежащее в дательном падеже, (фрагментарно) подлежащее в родительном падеже, прямое дополнение и косвенное дополнение. В соответствии с вариантом известной иерархии синтаксических отношений

подл, им > подл. дат. > подл. род. > прям. доп. > косв. доп.

предполагается, что если *сам-WT* с фиксированным базовым значением лексемы *сам* сочетается с некоторым синтаксическим отношением, то она сочетается и с более высокими по иерархии синтаксическими отношениями.

а. СамДОБ сочетается с любой синтаксической позицией:

(26) - Вообразите, приятно ли будет первосвященнику в праздничную ночь получить подобный подарок?
- Не только не приятно, - улыбнувшись, ответил гость, - но я полагаю, прокуратор, что это вызовет очень большой скандал.
- И я *[сам* того же мнения (М.А. Булгаков). {Подл. им.)

(27) - Раз ты мне не хочешь ничего рассказывать, спрошу у Петрова.
- *Петрову [самому* лучше молчать. (Подл, дат.)

(28) - Может, Петров знает, что произошло той ночью?
- *Петрова \самого* там не было. (Подл. род.}

(29) Ты нарочно под ногами путаешься? - зверея, закричал Иван. - Я *тебя [самого* предам в руки милиции! (М.А. Булгаков). {Прям. дои.)

(30) Все время тасовать войска, читать доносы и ябеды, из которых к тому же половина написана *на тебя [самого* (М.А. Булгаков). {Косв. доп.}

(31) Как же не взволноваться? *Уменя [самого* поджилки затряслись! (М.А. Булгаков). {Косв. доп.)

б. **СамКОНТР** сочетается только с подлежащными ИГ:

(32) Несчастный поэт! Но *вы [[сами,* голубчик, во всем виноваты (М.А. Булгаков). {Подл, им.)

(33) *Министру [[самому* надо поехать на переговоры. {Подл, дат.)

(34) - Но его необходимо поймать! - уже моляще воскликнул Иван.
- Хорошо-с, но ! *[самому-то*** зачем бегать? (М.А. Булгаков). {Подл. дат.)

(35) * *Министра [[самого* послали на переговоры, {только !самДОБ.) {Прям, доп.)

(36) * Переговоры сорвались *из-за министра [[самого.* {Косв. доп.)

в. Сочетаемость самСАМОСТ аналогична сочетаемости самКОНТР: она ограничена ИГ в позиции подлежащего.

(37) - ... Впрочем, я надеюсь, *вы [[сами* в этом убедитесь. Так вот-с: мессир холост, как *вы,* конечно, *[[сами* понимаете. Но нужна хозяйка, - Коровьев развел руками, - согласитесь Нсялш[6], без хозяйки... (М.А. Булгаков). {Подл, им.)

(38) - ... Я сегодня вечером разнесла всю его квартиру.
- А зачем же было *[[самой-то°* трудиться? - спросил Воланд (М.А. Булгаков). {Подл, дат.)

(39) * *Министра [[самого* послали на переговоры, {только !самДОБ) {Прям. доп.)

(40) * Теорема была доказана *Петровым [[самим.* {Косв. доп.)

г. СамНЕОЖ сочетается с ИГ в любой синтаксической позиции; возможно даже употребление *сам* в позиции сказуемого.

(41) *^Сам президент* принял участие в переговорах. {Подл, им.}

(42) *^Самому пострадавшему* не хотелось доводить дело до суда. {Подл. дат.)

(43) Он едва *^самого меня* не свел с ума, доказывая мне, что меня нету! (М.А. Булгаков). {Прям, доп.)

(44) Теперь полетит весть от меня, да не наместнику в Антиохию и не в Рим, а прямо на Капрею, *^самому императору,* весть о том, как вы заведомых мятежников в Ершалаиме прячете от смерти (М.А. Булгаков). {Косв. доп.)

(45) Теорема не была доказана *^самим Петровым.* (Агент, доп.)

(46) Лиза была *^сама* невинность. (Сказ.)

[6] Здесь представлено безвершинное употребление, см. ниже.

д. СамДИСК сочетается с ИГ в любой синтаксической позиции:

(47) Петров пошел с друзьями в ресторан. Его друзья были уже навеселе и решили добавить еще. Они заказали по сто грамм.
а. ... *\Самого Петрова* это не удивило: он знал своих приятелей. (Прям, доп.)
б. ... *[Самому Петрову* это сразу не понравилось, но он вначале промолчал. (Косв. доп.)
в. ... *Для \самого Петрова* это не было чем-то неожиданным. (Косв. доп.)

Ограничения на сочетаемость разных типов *сам* с разными ИГ объясняют тот факт, что в составном рефлексиве возможны только самДОБ и самНЕОЖ (см. об этом ниже). Действительно, рефлексив всегда выступает в не-подлежащной позиции, в то время как в подлежащной находится полная ИГ - контролер рефлексивизации. Поскольку самКОНТР и самСАМОСТ сочетаются только с подлежащными ИГ, они не могут входить в состав рефлексива. Напротив, самДОБ и сам НЕОЖ могут иметь любую синтаксическую вершину, а значит, и рефлексив.

Невозможность самДИСК в составе рефлексива объясняется, видимо, тем, что дискурсивное *сам* отсылает к гипертеме, которая, естественно, должна быть выражена полной ИГ.

Иерархия допустимости любой синтаксической позиции вершины выглядит следующим образом:

ДИСК, НЕОЖ > ДОБ > САМОСТ > КОНТР

2.2. *Сам-НУ* в сфере действия стативного предиката

Со стативными предикатами лучше сочетаются препозитивные *сам'ы* - дискурсивное и неожидаемое.

а. СамДИСК:

(48) - И почем вы знаете, что его задушили?
- На подушке следы зубов *[Сама* подушка сильно *помята* и *отброшена* от кровати на два с половиной аршина (А.П. Чехов. Шведская спичка).

б. **СамНЕОЖ:**

(49) — Смотрите: *[сам* Петров *спит).*

Постпозитивное *сам* вне контекста выглядит странно:

(50) а. ? Он *сам болен,*
б. ? Он *сам пьян.*

в. **СамДОБ** допустимо в соответствующем контексте:

(51) - Свет надо тушить за собой в уборной, вот что я вам скажу, Пелагея Петровна ... а то мы на выселение на вас подадим!
- Вы *[сами хороши,* - отвечала другая (М.А. Булгаков).

(52) - У Петрова грипп. Поручи лучше эту работу Иванову.
- Иванов *[сам болен.*

(53) Мы увидим лиц, объем власти которых в свое время был чрезвычайно велик... Да и притом вы *[сами - королевской крови* (М.А. Булгаков).

г. СамСАМОСТ ограниченно возможно в контекстах, эксплицитно предполагающих допустимость каузации состояния:

(54) - Расскажи ему этот анекдот.
- Он его ! *[сам знает.*

д. **СамКОНТР** со стативами, видимом, не употребляется:

(55) - Сегодня в классе все?
* - (Только) Петров *[[сам отсутствует.*

По отношению к стативам значения лексемы *сам* располагаются в такой иерархии сочетаемости со стативными предикатами:

ДИСК, НЕОЖ > ДОБ > САМОСТ > КОНТР

2.3. Дискурсивная автономность *сам*- ИГ

Все значения лексемы *сам,* кроме собственно дискурсивного, дискурсивно автономны, то есть могут быть однозначно реализованы в пределах одного предложения (см. примеры выше).

2.4. Отделимость лексемы *сам* от вершины

Под отделимостью от вершины понимается возможность постановки между *сам* и его вершиной (определяемым им именем) других составляющих, не входящих в *сам*-ИГ. В частности, рассматривается возможность помещения между ними детерминанта, а также возможность переноса *сам* в конец предложения, то есть постановки предиката между *сам* и соответствующей ИГ.

Наиболее подвижными оказываются самКОНТР и самСАМОСТ:

(56) а. *Министр Псам* тогда поехал на переговоры. [КОНТР]
б. *Министр* тогда *\\сам* поехал на переговоры. [КОНТР]
в. *Министр* поехал тогда на переговоры *Псам.* [КОНТР]

(57) - Зачем ты напоил Петрова?
а. - *Петров Псам* тогда напился. [САМОСТ]
б. - *Петров* тогда *\\сам* напился. [САМОСТ]
в. - *Петров* тогда напился *\\сам.* [САМОСТ]

СамДОБ может отделяться от вершинного имени детерминантом, но в конец предложения (правее предиката) не уходит:

(58) - Может, Петров знает, что произошло той ночью?
а. - *Петров* тогда *\сам* напился. [ДОБ]
б. * - *Петров* тогда напился *\сам.* [ДОБ]
в. В бельэтаже послышался голос: "Ты чего хватаешь? Это моя! Ко мне летела!" - и другой голос: "Да ты не толкайся, *я* тебя */сам* как толкану!" (М.А. Булгаков). [ДОБ]

Препозитивные *сам'ы* (неожидаемое и дискурсивное) от вершины обычно не отделяются:

(59) Петров пошел с друзьями в ресторан. Его друзья были уже навеселе и решили добавить еще. Они заказали по сто грамм.
а. * *Петров* обычно *\сам* не пьет, но тут и он не удержался. [ДИСК]
б. **Петров* обычно не пьет *\сам,* но тут и он не удержался. [ДИСК]

(60) а. * - Как все вчера гуляли! *Петров* тогда *^сам* напился. [НЕОЖ]
б. * - Как все вчера гуляли! *Петров* тогда напился *^сам.* [НЕОЖ]

Однако изредка (если вершинное имя выражено неличным местоимением) возможно перемещение *^сам* неожидаемого в постпозицию к вершинному имени; при этом *сам* акцентируется так же как и вершинное имя:

(61) - Мне необходимо видеть гражданина артиста.
- Как? Так-таки *его самого!* (М.А. Булгаков).

Иерархия неотделимости от вершины, таким образом, имеет вид:

ДИСК > НЕОЖ > ДОБ > КОНТР, САМОСТ

2.5. Неначальная позиция *сам-ИТ* в предложении

Все *сам'ы,* кроме дискурсивного, допускают неначальную позицию в случае, если предикат следует за ИГ. Постановку *сам-ИТ* за предикат допускает только самНЕОЖ:

(62) а. - Как все вчера гуляли! Тогда *[^{4}сам Петров]* напился. [НЕОЖ]
б. На переговоры поехал *[^{4}сам министр].* [НЕОЖ]
в. - К нам едет *[*сам ревизор].* [НЕОЖ]
(63) а. Эту теорему *[Петров Псам]* доказал. [САМОСТ]
б. *Эту теорему доказал *[Петров \\сам].* [САМОСТ]
(64) Возникли непредвиденные трудности, и
а. ...тогда *[министр \\сам]* поехал на переговоры. [КОНТР]
б. * ...на переговоры поехал *[министр \\сам].* [КОНТР]
(65) - Может, Петров знает, что произошло той ночью?
а. -Тогда *[Петров \сам]* напился. [ДОБ]
б. * - Тогда напился *[Петров \сам].* [ДОБ]
(66) Петров пошел с друзьями в ресторан. Его друзья были уже навеселе и решили добавить еще. Они заказали по сто грамм.
*Обычно *[\сам Петров]* не пьет, но тут и он не удержался. [ДИСК]
(67) Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры.
*Съежился *[\сам он],* сгорбился, побагровел (А.П. Чехов). [ДИСК]

Иерархия предпочтительности начальной позиции имеет вид:

ДИСК > ДОБ, КОНТР, САМОСТ > НЕОЖ

2.6. Контекст снятой утвердительности

В вопросительном предложении *сам-ИГ* находится в сфере действия семантики вопроса[7].

(68) а. Петров *\\1сам* это сделает? [САМОСТ]

В этом контексте снимается утвердительный инструктивный статус второго компонента значения лексемы *сам,* заменяясь на сомнение говорящего в целесообразности корректировать ожидания адресата:

«Верно ли, что адресат применил инструкцию о коррекции ожиданий: 'X и только *X* является контролером и участником события P'»

Контекст снятой утвердительности возможен и в утвердительном предложении, например:

(68) б. Петров *\\1сам* этого не сделает. [САМОСТ]

В (68а) и (686) *сам-ИГ* имеет идентичные просодические характеристики.

Любые ли базовые значения лексемы *сам* возможны в контексте снятой утвердительности? Видимо, с этим контекстом сочетаются только самостоятельное, контрастивное и неожидаемое *сам,* причем самНЕОЖ явно хуже первых двух.

(69) а. Министр *\\1сам* поедет на переговоры? [КОНТР]
б. Министр *\\1сам* не поедет на переговоры. [КОНТР]
(70) а. *^{4}Сам* ?Петров это сказал? [НЕОЖ]
б. * *^{4}7Сам* ?Петров в такую дыру не поедет. [НЕОЖ]

Иерархия неприемлемости контекста снятой утвердительности выглядит следующим образом:

ДИСК, ДОБ > НЕОЖ > САМОСТ, КОНТР

[7] Вопросительный акцент находится на лексеме *сам.* что обозначено знаком "?".

2.7. Одушевленность/неодушевленность вершинного имени

Дискурсивное и самостоятельное *сам* хорошо сочетается как с одушевленными, так и с неодушевленными именами:

(71) - И почем вы знаете, что его задушили?
- На подушке следы зубов *\Сама подушка* сильно помята и отброшена от кровати на два с половиной аршина (А.П. Чехов). [ДИСК]

(72) Иуда стоял и придумывал какую-то ложь, но в волнении ничего как следует не обдумал и не приготовил, и его *ноги Псами* без его воли вынесли его из подворотни вон (М.А. Булгаков). [САМОСТ]

Добавляющее значение сочетается с неодушевленным референтом со значительно большим трудом, преимущественно при стативных предикатах:

(73) - Уж раз не мерседес, то купим жигули.
- *Жигули \сами* немалых денег *стоят.* [ДОБ]

Неожидаемое значение с именами абстрактной семантики сочетается легче, чем с предметными именами:

(74) а. Ко мне в роман постучалась **сама правда* (М.М. Пришвин). [НЕОЖ]
б. *В ее перстне сиял **сам изумруд.* [НЕОЖ]

СамКОНТР, видимо, с неодушевленными референтами не встречается.
Намечается такая иерархия сочетаемости с неодушевленными именами:

ДИСК, САМОСТ > ДОБ > НЕОЖ > КОНТР

2.8. Безвершинное употребление

Способностью употребляться безвершинно обладают самСАМОСТ, самДОБ, самНЕОЖ и иногда самДИСК. Контрастивное *сам,* видимо, безвершинно не употребляется.

(75) а. - !/*Сами* с усами. [САМОСТ] {*Мы*}
б. - Мы вас испытывали, - сказал Воланд, - никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. *ИСами* предложат и *Псами* все дадут (М.А. Булгаков). [САМОСТ] (Анафорич. *Они)*
в. - Спой ему колыбельную.
- *\\Сам* уснет. [САМОСТ] (Анафорич. *Он]*

(76) - Какой ты все-таки дурак!
- *\Сам* дурак. [ДОБ] (*Ты *

(77) В толпе раздались негромкие восклицания: - *Сам** идет!.. - Директор (Горький. Мать). [НЕОЖ] (Дейктич. *Он]*

(78) Я немедленно начну искать убийц, которые выследили Иуду за городом, а *\сам* тем временем, как я уже докладывал вам, пойду под суд (М.А. Булгаков). [ДИСК] [Анафорич. *Я)*

Иерархия допустимости безвершинного употребления имеет вид:

САМОСТ, ДОБ, НЕОЖ > ДИСК > КОНТР

2.9. Синтаксические критерии разграничения базовых значений

Как видно из таблицы 1, диагностические синтаксические контексты позволяют разграничить все базовые значения лексемы *сам.* Кроме того, таблица демонстрирует степень близости разных базовых значений.

[8] В безвершинном контексте самНЕОЖ несет на себе фразовое ударение.

Таблица I

Синтаксическая сочетаемость значений лексемы *САМ*

	КОНТР	САМОСТ	ДОБ	**НЕОЖ**	ДИСК
1. Неканоническое подл.	+	+	+	+.	+
2. Прямое дополнение	-	-	+	+	+
3. Косвенное дополнение	-	-	+	+	+
4. Сочетаемость со стативом	-	+	+	+	+
5. Отсутствие предтекста	+	+	+	+	-
6. Отделимость в сост. детерминанта	+	+	+	-	-
7. Отделимость в конец предложения	+	+	-	-	-
8. Неначальная позиция	+ -	+ -	+ -	+	-
9. Снятая утвердительность	+	+	-	+ -	-
10. Неодушевленное имя	-	+	+ -	+	+
11. Безвершинное употребление	-	+	+	+	+

Наиболее тесно связаны самКОНТР и самСАМОСТ: самКОНТР, в отличие от самСАМОСТ, имеет ограничения на сочетаемость со стативными предикатами, с неодушевленной вершиной и без вершинного имени. Отметим, что формально (порядком слов и акцентом) эти значения не противопоставлены.

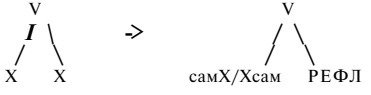
СамНЕОЖ отличается от самДИСК положительной сочетаемостью с контекстами: автономного предложения, снятой утвердительности, неначальной позиции.

СамДОБ находится между самСАМОСТ и самНЕОЖ, отличаясь от этих значений в четырех-пяти синтаксических контекстах.

3. *САМ В* КОНТЕКСТЕ РЕФЛЕКСИВИЗАЦИИ

Теперь представляется возможным перейти к рассмотрению лексемы *сам* в контексте рефлексивизации. Оказывается, здесь можно выделить два типа употреблений — *сам* в составе рефлексива и приименное *сам,* появляющееся вне именной группы с возвратным местоимением. Рассмотрим сначала последний случай.

3.1. Приименное *сам* свободно сочетается с рефлексивом. В этом случае ИГ, содержащая *сам,* описывается по вышеизложенным правилам и функционирует в предложении с рефлексивом как любая другая ИГ. Графически этот случай можно изобразить как *[сам XI/ X сам] себя:*



где *сам* = (самДОБ, самКОНТР, самСАМОСТ, самНЕОЖ, самДИСК)

Приведем примеры на независимое употребление разных *сам'ов* в контексте рефлексивизации.

(79) - [Ты *\сам] себя* не уважаешь, и другие к тебе относятся так же. [самДОБ]

(80) а. Отказавшись сотрудничать, [Леха !!сял(] тем самым подписал *себе* приговор. [самКОНТР]

б. - Как?! - забыв осторожность, крикнул гость и [!!са./и] зажал *себе* рот рукой (М.А. Булгаков). [самКОНТР]

(81) - Какие могут быть претензии к другим, когда [ты *\\сам] себя* не уважаешь. [самСАМОСТ]

(82) - Смотри-ка, *[^сам* Леха] признал *себя* виновным! [самНЕОЖ]

(83) Леху с его дружками сразу накрыли. Серега и Петька быстро во всем сознались, и их уже отпустили; *[\сам* Леха] не признал *себя* виновным ни в чем, но его ненадолго хватит. [самДИСК]

3.2. Лексема *сам,* входящая в состав рефлексива, может быть двоякого рода: она может определять рефлексив *{самого себя .../себя самого)* или копировать топик.

а. Копирующее топик *сам,* видно, не несет в себе никакого дополнительного значения, кроме поддержки далеко отстоящего топика. В этом случае оно также копирует (обычно именительный) падеж топика. Это *сам* безударно и входит в состав единой интонационной группы с рефлексивом *{[^{а}сам 'себя], [^{А}сам 'себе]* и т.д.).

(84) Тут Бенгальский прервал ^{А}*сам себя* и заговорил с другими интонациями (М.А. Булгаков).

(85) Мне кажется, так напоследок
Людей и лошадей знобя,
Я только тешил ^{А}*сам себя* (А.С. Грибоедов).

(86) а. - Ты что, ^{а}*сам себя* не уважаешь?
Ь. - Ты с каких это пор ^{А}*сам себя* не уважаешь?

(87) - Какой вздор! Не обманывай-то хоть ^{А}*сам себя* (М.А. Булгаков).

Относящееся к рефлексиву *сам* копирует ею падеж; оно может быть двух типов - постпозитивное самДОБ и препозитивное самНЕОЖ.

б. Добавляющее *сам,* относясь к рефлексиву, в полном соответствии со сформулированным выше толкованием включает в число участников ситуации *Р* контролера рефлексивизации. Рассмотрим, например, (88).

(88) Унижая своего противника, на самом деле ты не уважаешь *себя '.самого.* [самДОБ]

Здесь ситуация *Р* состоит в неуважении адресатом некоторого множества людей, в частности тех, кого он унижает. Исходя из обычного положения вещей, говорящий предполагает, что адресат не включает себя в это множество. Утверждается же добавление адресата к этому множеству в случае унижения им своего противника.

в. СамНЕОЖ в составе рефлексива отражает неожиданность, с точки зрения обычного положения вещей, участия одного лица в двух разных ролях в пределах одной ситуации: так, например, в (89) предполагается наличие двоих участников ситуации "разговора", а в (90) - несовпадение "возражающего" и "того, кому возражают".

(89) Тогда, что же поделаешь, приходится разговаривать ему с ^{А}*самим собою* (М.А. Булгаков). [самНЕОЖ]

(90) Напрасно возражала она ^{А}*самой себе,* что беседа их не выходила из границ благопристойности (А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка). [самНЕОЖ]

Итак, согласуемое постпозитивное *сам* в составном рефлексиве добавляет субъекта к другим второстепенным участникам ситуации, а препозитивное - подчеркивает неожиданность ситуации, где субъект выполняет одновременно две роли. Простой рефлексив приравнивает ситуацию с разными участниками к ситуации, где один участник выступает в двух ипостасях. Такой анализ согласуется с относительной грамматичностью минимальных пар в (91):

(91) а. Познай *самого себя.*
б. * Познай *себя самого.*
в. ? Познай *себя.*
г. Познай *себя,* и ты познаешь весь мир.

Наиболее идиоматично (91а), соотносимое с самНЕОЖ. Акт познания в норме неинтроспективен, и рефлексия, к которой призывает автор высказывания, является неожидаемой. Неграмматичность (916) вне специального контекста связана с тем, что

добавляющее значение, характерное для постпозитивного *сам,* не согласуется с утверждаемым пропозициональным значением высказывания. Сомнительность (91в) связана с тем, что говорящий не маркирует неординарность обозначаемой ситуации. Это же самое предложение в контексте (91г) вполне приемлемо, так как не находится в утверждаемой части и относится к гипотетическому положению вещей.

4. ИНКОРПОРИРОВАННОЕ *САМ*

В русском языке существует большое количество лексем, включающих в свой состав элемент *сам.* Представляется возможным, используя полученные сведения о разных значениях лексемы *сам,* проанализировать эти единицы и предложить их классификацию.

Сложные имена с инкорпорированным *сам* имеют два источника: конструкцию с приименным *сам* (САМ-деривация) и с составным рефлексивом (РЕФЛ-деривация). Рассмотрим эти случаи по порядку.

4.1. САМ-деривация

а. Сложные имена от непереходных глаголов. Как правило, это глаголы одноместные, поэтому рефлексивная интерпретация исключается. Сложные имена могут быть как nomina agentis, так и nomina actionis.

Имена деятеля называют субъект и характеризуют его как самостоятельно совершающего действие, например:

самолет (тот, кто сам летит)
самокат (тот, кто сам катит)
самоходка (то, что само движется)
самодур (тот, кто сам дурит)
самородок (то, что само родилось)
самописка (то, что само пишет)
самосвал (тот, кто сам сваливает)
самострел (оружие; то, что само стреляет)

В этом случае САМ-деривация восходит к самСАМОСТ.

Имена действия называют деятельность и отсылают к субъекту, который характеризуется как совершающий действие самостоятельно и/или вопреки ожиданиям с точки зрения обычного положения вещей, например:

самодеятельность
самовластие
самовозгорание
самотек (пустить на самотек)

Самодеятельность это деятельность, которая, вопреки обычному положению вещей, осуществляется непрофессионалами (самНЕОЖ); *самовластие* это безраздельное, единоличное властвование (самСАМОСТ); *самовозгорание* можно проинтерпретировать как восходящее к самНЕОЖ (обычно объекты сами не возгораются) и к самСАМОСТ (возгорание без чьего-либо посредства).

б. **Сложные имена от переходных глаголов** в принципе допускают деривацию от рефлексива (см. ниже), однако возможна и САМ-деривация.

Имена деятеля, как и в случае с непереходными глаголами, называют субъект и характеризуют его как самостоятельно совершающего действие, например:

самовар (тот, кто сам варит/кипятит воду)
самобранка (скатерть-самобранка: то, что само еду собирает)

Кроме того, САМ-деривация от переходных глаголов может создавать имя объекта (то, что создается в результате действия), при этом отсылка дается к субъекту. В нашем материале такого рода САМ-деривация восходит к самНЕОЖ (обычно данный объект делается профессионально):

самогон (тот алкогольный напиток, что сами гонят)
самокрутка (та папироса, что сами крутят/делают)
самосад (тот табак, который сами сажают/выращивают)
самоделка (то, что сами делают)
самострел (то ранение, которые сам раненый сделал)

Встречаются также имена действия от переходных глаголов с отсылкой к субъекту.

самосуд (судилище, которое совершают сами пострадавшие)

В этом слове сочетается значение самНЕОЖ (обычно судят лица, облеченные полномочиями (судьи) и самСАМОСТ (суд совершают самостоятельно, без привлечения профессионалов).

4.2. РЕФЛ-деривация

а. Наиболее естественная **РЕФЛ-деривация от многоместных глаголов.** Сложное имя при этом может восходить к различным возвратным конструкциям (см. 3.2) и называть деятеля или действие.

Сложные имена, указывающие на экстраординарное действие, которое в норме субъект не совершает сам с собой, восходят к конструкции *X [самого себя]* со значением самНЕОЖ, например:

самообожание (когда обожающий обожает самого себя)
самовнушение (когда внушающий внушает самому себе)

Довольно много имен, восходящих к конструкции *X [сам себя]* (значение также самНЕОЖ):

самооборона (когда обороняемый сам себя обороняет)
самообучение (когда учащийся сам себя учит)

Возможна также деривация от конструкции *[X сам] себя* со значением самКОНТР:

самоубийство (когда погибший сам убил себя)
самоотравление (когда отравившийся сам отравил себя)

Эта деривация иногда имеет значение самСАМОСТ:

самозащита (когда защищающийся сам защищает себя)
самосев (когда растение само сеет себя)

В некоторых случаях равновозможны различные деривации:

самозванец (тот, кто сам назвал себя/назвал самого себя (царем/правителем/начальником))

Наконец, некоторые имена деятельности или состояния, отсылающие к субъекту, восходят к конструкции *X [себе самому]/[себе самом])* со значением самДОБ:

самомнение ([высокое] мнение, которое субъект имеет о себе самом)

б. РЕФЛ-деривация возможна не только от глаголов, но также и **от многоместных предикатных имен,** которые называют состояние и отсылают к субъекту. Так, слово *самоцель* образовано от двухместного предикатного имени *цель,* имеющего валент-

ности на субъект цели *Y* (чья цель) и содержание цели л (в чем состоит цель), например:

Цель учебы (У) - *получение знаний {X)1*
Цель учебы {состоит) в получении знаний/
Учеба имеет целью получение знаний

Инкорпорация элемента (самНЕОЖ) приводит к совмещению *X* и *Y:*

Учеба - не самоцель - Учеба не имеет целью самое себя
= Цель учебы - не учеба сама по себе

5. АДЪЕКТИВНАЯ ДЕРИВАЦИЯ: ЛЕКСЕМА *САМЫЙ*

Лексема *самый* деривационно связана с *сам* как полная форма прилагательного с краткой формой. Исторически первичной была форма *сам* (только она зафиксирована в старославянском языке, см. [Шапиро 1950:41]). В исследованиях, посвященных лексеме *сам* ([Шапиро 1950]; [Михайлов, 1957]; [Тагамлицкая 1969]; [Адамец 1993]), именно историческим и смысловым связям между словами *самый* и *сам* уделяется наибольшее внимание.

Лексема *самый,* очевидно, является дериватом контрастивного *сам.* Просодически *самый* отличается от *сам* наличием немаркированного акцента (в нотации обозначается отсутствием специальных обозначений). Различается два типа употреблений этой лексемы - постпозитивное и препозитивное.

5.1. Постпозитивное *самый*

В том случае, когда вершинным именем является неличное местоимение, самКОНТР заменяется на постпозитивное самыйКОНТР:

(92) а. Тем *самым {*< самый} мы доказали, что...
б. *Тем *\\самйм* {< сам} мы доказали, что...

Следует обратить внимание, что в некоторых падежах *самый* и *сам* отличаются только местом ударения:

	самый	сам
род.	*самого*	*самого*
дат.	*самому*	*самому*
предл.	*о самом*	*самом*

(93) Курицу я резал. Я ее резал очень просто, как обыкновенно, а она возьми да и вырвись из рук, возьми да побеги. От *этого самого* (*!!самого) и кровь (А.П. Чехов. Шведская спичка).
(94) - У тебя правое колесо спустило?
- *Оно самое* (*!!само).
(95) Он еще раз усмехнулся, и Берлиоз осекся, потому что буквально *то же самое* он говорил Бездомному, идя с тем по Бронной к Патриаршим прудам (М.А. Булгаков).
(96) За столом покойного сидел неизвестный, тощий и длинный гражданин в клетчатом пиджачке, в жокейской шапочке и в пенсне... ну, словом, *тот самый* (М.А. Булгаков).

Таким образом, постпозитивное *самый* является автоматической заменой контрастивного *сам.*

5.2. Препозитивное *самый*

Препозитивное *самый* может играть роль модификатора прилагательного или существительного. От лексемы *сам* препозитивное *самый* наследует лишь семантический компонент МАКС: 'X имеет предельную оценку по некоторому качеству *q*\ который находится в утверждающей части высказывания. Коррекции ожиданий адресата *самый* не выражает.

а. Как **модификатор прилагательного,** препозитивное *самый* является аналитическим средством выражения превосходной степени:

(97) Теперь его уносил, удушая и обжигая, *самый страшный* гнев - гнев бессилия (М.А. Булгаков).

(98) Ростом он был выше *самого высокого* городового в Одессе (И.Э. Бабель. Как это делалось в Одессе).

В (98) *самый высокий* = 'тот единственный городовой X из множества одесских городовых, который на этом множестве удовлетворяет признаку "X быть выше K-а"\ где *Y* - любой член данного множества, кроме X-а.

б. *Самый* в позиции **модификатора существительного** также выражает оценку МАКС.

(99) Крылья ласточки фыркнули над *самой головой* игемона, птица метнулась к чаше фонтана и вылетела на волю (М.А. Булгаков).

В зоне пространства, обозначенного выражением *над головой игемона,* выделяется та его часть, которая находится в максимальном контакте с ориентиром *голова игемона.* В локативных именных группах *самый* указывает на максимальный контакт с ориентиром:

(100) Мелкая дрожь пробегала у меня от затылка до *самых пят* (А.П. Чехов. В море).

(101) Когда он раскрыл глаза как следует, он понял, что шумит море и что, даже больше того, - волна покачивается у *самых его ног,* что, короче говоря, он сидит на *самом конце мола,* что над ним голубое сверкающее небо, а сзади - белый город на горах (М.А. Булгаков).

В (102) демонстрируется возможность выражения оценки МАКС при неличном местоимении (ср. постпозитивное *самый* в 5.1):

(102) Выпить рюмочку и закусить огурчиком - это *самое оно* (*оно !!самое/*оно Мсамо).

Примерным перефразом (102) может быть следующее: 'Ощущения после выпивки с такой закуской максимально приближаются к предельно желанным ощущениям'.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренный языковой материал охватывает поведение приименной лексемы *сам* в различных контекстах, а также конструкции с составным рефлексивом, словообразовательные модели на базе лексемы *сам* и конструкции с лексемой *самый.* Все эти данные удается описать, опираясь на выделенные базовые значения лексемы *сам.* Косвенным подтверждением правильности анализа могут служить также сходные результаты, полученные независимо для аналогичных лексем западноевропейских языков (англ. *-self,* нем. *selbst* и др.), см. [Edmondson, Plank 1978]; [Plank 1979a, 1979b]; [Kemmer 1993].

Вместе с тем авторы полагают, что толкования базовых значений являются сугубо предварительными. Во-первых, они нуждаются в согласовании с толкованиями семантически смежных лексем *(также, именно, же, даже* и др.). Во-вторых, требует даль-

нейшего исследования вопрос о соотнесении базовых значений с их ядром: по каким правилам происходит выбор того или иного базового значения и насколько он осуществляется автоматически. В-третьих, интересен вопрос о сфере действия формальных средств, маркирующих различные базовые значения: насколько широко они используются в русском языке за пределами лексемы *сам* и какова их семантическая функция. Иными словами, не являются ли эти формальные средства ответственными за ту или иную модификацию ядерного значения лексемы *сам!*

Наконец, понимание природы семантики исследуемой лексемы может быть значительно углублено типологическим исследованием: интересно знать, насколько распространено объединение наблюденных в русском языке базовых значений в рамках одной лексемы. Есть подозрение, что в данном случае мы имеем дело не со случайным кластером, а с вполне мотивированной структурой модификаций одного значения, соотносящихся друг с другом и со своей базой по достаточно общим правилам.

Предложенный анализ лексемы *сам,* как нам кажется, несмотря на его предварительность, демонстрирует перспективность когнитивного подхода, при котором семантические толкования опираются на модель языковой деятельности и текущего сознания коммуникантов (см. об этом [Кибрик 1992]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адамец П. 1993 - Синтаксические и семантические функции вокабул *сам* и *самый II* Russistik. Die wissenschaftliche Zeitschrift fur aktuelle Fragen des Russischunterrichts. 1993. № 2.

Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. 1993 - Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М„ 1993.

БАС 1962 - Словарь современного русского литературного языка. Т. 13, М.; Л., 1962.

Джонсон-Лэрд Ф. 1989 - Процедурная семантика и психология значения // Повое в зарубежной лингвистике. Вып. ХХШ, 1989.

Кибрик А.Е. 1992 - Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.

Михайлов М.М. 1957 - Значение и употребление местоимений "самый" и "сам" // Русский язык в школе, 1957, № 2.

Тагамлицкая Г. 1969 - О грамматической природе слов *сам* и *самый II* ИАН СЛЯ. 1969. № 5.

Шапиро А.В. 1950 - Об употреблении местоимений *сам* и *самый* в русском языке // Труды Ин-та русского языка АН СССР, Т. 2. 1950.

Edmondson ./., Plank F. 1978 - Great expectations: an intensive SELF-analysis // Linguistics and philosophy, 11. 1978.

Kemmer S. 1993 - Emphatic and reflexive *-self:* expectations, viewpoint and subjectivity // Subjectivity and subjectivization in language / Ed. by D. Stein and S. Wright, Cambridge (Mass.). 1993.

Plank F. 1979a - Exklusivierung, Reflexivierung, Identifizierung, relazionale Auszeichnung // Sprache und Pragmatik. Lund, 1979.

Plank F. 1979b - Zur Affinitat von *selbsl* und *auch II* Die Partikeln der deutschen Sprache. Berlin; New York. 1979.

Wierzbicka A. 1980 - Lingua mentalis. The semantics of natural language. Sydney; New York, 1980.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1995

© 1995 г. Л.А. СЕРГИЕВСКАЯ

МОДАЛЬНОСТЬ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ИМПЕРАТИВНОЙ СЕМАНТИКОЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Закономерность организации синтаксических единиц в соответствии с их коммуникативным заданием, функциональной нагрузкой[1] позволяет предположить, что сложное предложение, состоящее из тождественных или различных по модальному значению предикативных единиц, имеет в целом модальность как один из основных дифференциальных грамматических признаков. Эта гипотеза является направляющим началом наших наблюдений функционирования в современном русском языке полипредикативных конструкций с императивной семантикой. Для ее подтверждения необходимо: 1) установить специфику модальности таких высказываний в сравнении с простыми; 2) выявить методы определения общего модального значения сложного предложения; 3) проверить возможности модальной классификации сложных конструкций.

Модальность как грамматическая характеристика морфологических категорий и простых предложений активно изучается с разных сторон в последние три десятилетия [см. В.В. Виноградов 1975, А.В. Бондарко и др. 1990, Г.А. Золотова 1962. П.А. Лекант 1976, Г.П. Немец 1989], обращается внимание и на полипредикативные конструкции в аспекте логики общения [см. Г.П. Немец 1989: 255-262]. "Тем не менее модальность устойчиво сохраняется как признанный предмет дискуссий", - справедливо отмечает А.В. Бондарко [А.В. Бондарко и др. 1990: 59]. Остается открытой проблема модальной типологии сложного предложения. Эта типология относится к такому уровню представления иерархии модальных отношений в лингвистическом анализе, на котором предполагается «выделение и соотнесение отдельных типов (рядов) модальных значений. "Отношения в рядах" могут быть сопряжены с принципом естественной классификации» [А.В. Бондарко и др. 1990: 60]. Г.П. Немец, рассматривая некоторые аспекты прагматики модальных отношений, возникающих в полипредикативных предложениях на разных уровнях семантико-синтаксического построения, оценивает свои наблюдения как реализацию "только незначительной части проблемы, которая, по нашему мнению, является одной из перспективных сторон исследования синтаксиса современного русского языка" [Г.П. Немец 1989: 262]. Описание модальных типов сложного предложения с императивной семантикой актуально в связи с малоизученностью принципов взаимодействия функционально-семантических полей побудительности и таксиса, экспликации значений волеизъявления в условиях полипредикативности. Замечено, что "в большинстве работ, описывающих семантику побудительности, основное внимание уделяется преимущественно монопредикативным высказываниям, в которых, как известно, таксисная функция отсутствует" [СМ. Полянский 1990: 100]. При наличии таксисной функции в предложении создаются специфичные условия для проявления определенных видов побуждения. Установление и учет этих условий - одно из основных звеньев модальной квалификации сложного предложения в целом.

В практическом анализе сложных конструкций в вузе не требуется, как правило,

[1] Эта закономерность выделяется как конструктивная в сфере синтаксических единиц и рассматривается в монографии А.Н. Печникова [А.Н. Печников 1983].

определения общего модального значения и свойств, связанных с модальной квалификацией этих единиц [см., например, Г.П. Домашенкина, Т.Б. Иванова 1987]. Не практикуется установление состава субъекта действия, оценочных показателей (утверждение/отрицание, согласие/несогласие, уверенность/неуверенность), целенаправленности и отношения высказывания ко времени. Такие признаки, на наш взгляд, имеют не меньшее значение при разборе предложений [см. Л.А. Сергиевская 1994], чем другие грамматические свойства (например, отношения между предикативными частями). Оценка высказывания в плане реальности/ирреальности, отношения к действительности с точки зрения говорящего составляет то главное, что обеспечивает общую функцию сложного предложения, а "понятия средства функционального анализа языковых явлений, системно-целостного подхода к языковым контекстам отвечают принципам современной научной методологии" [М.С. Козлова 1972: 198]. Так, исследование модальности сложного предложения важно как в практическом, так и в теоретическом плане: расширяются границы и объем данной категории, устанавливаются новые разновидности модальных значений, открываются достоинства модальной классификации полипредикативных конструкций.

Императив[2], сочетаясь с индикативом и конъюнктивом, играет центральную роль в организации полипредикативности. Причину этого факта можно выявить с точки зрения логики, определяя соотношение внеязыковых и внутриязыковых элементов, задание императива[3], диктуемое объективной действительностью, иллокутивную и перлокутивную сущность побуждения, стимулы говорящего. Например, побуждение имеет прямую обращенность к адресату с целью вызвать его ответное конкретное действие или состояние, и для реализации этой цели полагается соответствующей силы воздействие на собеседника. Эта перлокуция приводит императив к функциональной независимости в структуре сложной конструкции. Свойство императива не зависеть от других компонентов сложного предложения, быть подчиняющим, а не подчиняемым, обусловливает специфику модального значения полипредикативной структуры, включающей побудительную часть. При этом повеление обогащается таксисной семантикой, обретая определенные функционально-семантические характеристики, например: императив условия *(Закрой окно, и будет теплее);* императив сопоставления *(Я поработаю, а ты отдохни);* императив взаимоисключения *{Прекрати упреки, или я уйду);* императив следствия *(Заступлюсь за тебя, не бойся);* императив цели *(Садись, давай поговорим);* ограничительный императив *(Давай объяснимся, только говори кратко и по существу);* уступительный императив *(Доверяй, но проверяй);* императив пояснения *(Разберите слово по составу: выделите все морфемы).* Объективная модальность в двучленной[4] сложной конструкции выражается в виде комбинаций: 1) императив + императив; 2) императив + индикатив; 3) императив + конъюнктив. Рассмотрим кратко существенные для их квалификации черты каждого из этих типов, учитывая связь императивного значения с семантикой таксиса.

1. Императив + императив. Примеры: *Надевайте же коньки, и давайте кататься вместе* (Л. Толстой); *Ну, потолкуем, остановись*.* (Н. Гоголь); *Брось, Саша, уйдем отсюда* (М. Горький). Это однофункциональные побудительные предложения, выражающие два речевых акта волеизъявления с помощью сочинительной или бессоюзной связи. Модальность повеления препятствует употреблению императива в роли придаточного, на основе подчинительного союза. Императивное придаточное возможно

[2] Термин "императив" используем в широком понимании: побуждение и все средства его выражения.

[3] О коммуникативном задании императива и семантической специфике побуждения [см. В.С. Храковский, А.П. Володин 1986: 11-16, В. Грабье 1983, Л.А. Бирюлин 1992].

[4] В настоящей статье мы рассматриваем модальность на примерах преимущественно двучленных сложных конструкций ввиду их сходства по комбинации значений с многочленными: предложения, состоящие из трех или бдлее предикативных единиц, строятся по принципам бинарных отношений между частями. Ср.: *Если хочешь, приезжай, чтобы отдохнуть = Если хочешь, приезжай + Приезжай, чтобы отдохнуть.* Специфика многочленных высказываний с императивной семантикой заслуживает отдельного исследования.

при дополнительной стилистической коннотации: например, употребление повелительной формы 3-го лица для выражения согласия, разрешения данного действия - *Скажи ему, что пусть женится хоть завтра* (Л. Толстой). Побудительное значение сложной конструкции может сопровождаться таксисной семантикой перечисления, последовательности действий, взаимоисключения; 2-я часть способна иметь семантику цели, изъяснения, присоединения, пояснения. Например: *Поезжай, дружище, в провинцию, погляди, понюхай, пожуй* (А. Куприн) - перечисление *погляди, понюхай, пожуй* по отношению к препозитивному компоненту "поезжай" имеет сему цели; *Допиши, и пойдем обедать к нам* (Ю. Герман) - последовательность действий; *И, главное, берегите колеса: не делайте из четырехугольными* (А. Толстой) - пояснение во 2-й части. Модальность волеизъявления в сложном предложении может быть моносубъектной, дву- или полисубъектной. Типичной является двусубъектная императивная семантика, которая складывается из значений императива адресата (прямого или косвенного) и императива совместного действия. Примеры: *Подвиньтесь-ка лучше к нам, и давайте поспоримте о чем-нибудь* (И. Тургенев) - императив прямого адресата + императив совместного действия; *Оставим вопрос, товарищ Рябинин, пусть он стоит* (М. Горький) - императив совместного действия + императив косвенного адресата; *Ты подожди здесь, а он пусть войдет* (А. Солженицын) - императив прямого адресата + императив косвенного адресата. В предложениях по схеме "императив адресата + императив совместного действия" с повелительной глагольной формой совместного действия, омонимичной форме изъявительного наклонения (типа *идем, будем решать),* наблюдается частичное "угасание" побудительности во 2-й части, например: *Садитесь, будем чай пить* (А. Куприн); *Так сделайте это для меня, никогда не говорите мне этих слов, и будем добрыми друзьями* (Л. Толстой); *Буди дедушку, едем* (А. Чехов). Императив в первой части является показателем наличия повелительной модальности и в постпозитивной единице: есть элемент однородности предикативного состава частей *{Садитесь, будем чай пить = Садитесь, попейте чай вместе со мной).* В то же время у 2-й части имеются признаки индикатива: выражается оттенок цели *{Садитесь* - зачем? - *пить чай)* или следствия, который препятствует передаче побуждения; возможна подстановка подлежащего (местоимения *мы);* имплицитно сообщается о готовности говорящего выполнить обозначенное действие совместно с собеседником. Эти признаки дают основание для неоднозначной интерпретации 2-й части по модальности: такие случаи носят переходный характер. Проявителями преобладания императивной или индикативной семантики выступают интонация,ситуация, контекст.

2. **Императив + индикатив. Примеры:** *Пойдемте-ка, господа, и мы, а то становится сыро* (А. Чехов); *Не бойся, я без тебя не уеду* (А. Приставкин); *Группу крови запишите, я по фронту знаю* (А. Солженицын); *Ты не забудь, что она воспитана и выросла в свете* (Л. Толстой): *Чего себе не хочешь, того другому не желай* (поел.). Это разнофункциональные предложения, в которых побудительная часть, несмотря на формальную независимость и проявление подчиняющих свойств, отнюдь не обязательно выражает актуализированное понятие. В сложноподчиненных предложениях может доминировать по информативной значимости индикативная придаточная часть (типа *Смотри, какой красивый цветок; Скажи ему, что я приеду завтра).* Конструкции с подчинительной связью частей в большинстве случаев синонимичны простым побудительным предложениям (легко трансформируются в простые), что доказывает их общую императивную целенаправленность. Ср.: *Если хочешь, напиши = При желании напиши; Надейся, что он поймет тебя = Надейся на его понимание.* Модальность императива в сложносочиненных и бессоюзных сложных предложениях с подчинительными отношениями между частями определяет доминирующую целеустановку высказывания, но не распространяется на всю сложную конструкцию: сохраняется самостоятельность индикативной целенаправленности. Ср.: *Приходи, мы*

обсудим этот вопрос = Приходи обсудить этот вопрос = Когда (если) придешь, мы обсудим этот вопрос; Поговори с ней, и все прояснится = Поговори с ней, чтобы все прояснилось = Когда (если) поговоришь с ней, все прояснится. В сочетаниях с индикативом императивная модальность дополняется и конкретизируется содержанием индикативной единицы, например: *Костя, закрой окно, а то дует* (А. Чехов) - мотивированный императив; *Это решено, но не спеши* (А. Куприн) - императив обратной обусловленности; *Вы заходите, если что нужно будет* (В. Шукшин) - императив прямой обусловленности. Возможно оформление императивной структуры как придаточной части сложноподчиненного предложения. Условием, благоприятствующим выражению побуждения в зависимой от главной предикативной единицы служит максимальная приближенность придаточного к самостоятельному высказыванию. Так, допускается императивная модальность в придаточных, не соотносимых с членами предложения: *Этой дорогой вы не пройдете, так что ищите другую* - императив следствия; *Дойдешь до реки, откуда сверни в лес* - присоединительный императив.

Следует отличать при формальном тождестве предложений императивную предикативную часть от вводного компонента, выражающего субъективную модальность (например, обращенность к адресату с желанием привлечь внимание или вызвать определенное отношение к сообщаемому), а следовательно, бессоюзную сложную конструкцию от простого осложненного предложения. Критерием квалификации предложения в этом случае могут служить лексико-семантические признаки, функциональная нагрузка императивной единицы: степень соотнесенности действия, обозначенного повелительной формой глагола, с реальностью. Если императивная форма передает побуждение и лексическое значение глагола в данной форме реализуется прямым образом (предполагается, что адресат должен выполнить обозначенное действие), есть основание считать побудительную структуру отдельной самостоятельной предикативной единицей. Если императивная форма не содержит побуждения к действию, а имеет субъективно-модальное значение (не предполагается, что собеседник должен ответить в прямом смысле совершением действия), то это позволяет отнести побудительную структуру к вводному компоненту. Предложения с вводным компонентом, выраженным повелительной формой, являются в целом индикативными. В бессоюзных сложных конструкциях императивная часть, сохраняя оттенок субъективно-модальной семантики, определяет доминирующую побудительную целеустановку конструкции. Примеры:

Сложные предложения	Простые предложения
Представь себе: в снежинки превращаются I Моей любви негромкие слова (В. Дубровин).	*Воскресенье, представь себе проходит спокойно* (А. Приставкин).
Считайте: наше железо обойдется в два раза дешевле... (А. Толстой).	*А ведь, считай, восемь классов окончил* (В. Шукшин).
Послушай: дождь стучит по крыше (А. Чехов).	*Ну, послушай, сыграем в шашки. ..* (Н. Гоголь).

Выражение комитативных модальных значений императива может реализоваться при наличии определенных синтаксических показателей. Так, союз *а то (а не то, не то)* специализируется для экспликации мотивированной превентивной семантики побуждения, например: *Да смотрите, не болтайте, а не то поколочу* (А. Пушкин); *И не утверждайте, а то ошибетесь* (А. Солженицын); *Иди, а то опоздаешь* (Ю. Герман); *Костя, закрой окно, а то дует* (А. Чехов).

3. **Императив + конъюнктив.** Примеры: *Тогда прокомментируй мои стихи, чтобы не возникали вопросы* (А. Алексин); *Как бы ни была страшна истина, скажите ее* (А. Куприн); *Но не обессудь - не взял бы я тебя (А.* Иванов). Этот тип предложений малоупотребителен и непродуктивен: форма парадигмы сослагательного наклонения

не способствует сочетанию гипотетической модальности с повелительной. Императив сам по себе предполагает, что говорящий желает выполнения собеседником определенного действия, и добавочное выражение желательности, предположительности является в сложной конструкции избыточным средством волеизъявления. Конъюнктивное значение цели, уступки, причины, выступая в роли зависимого от императива компонента, усиливает и дополняет побудительную семантику оптативными оттенками: *Пойми и прости, какое бы тяжкое оно, зло, ни было* (А. Иванов); *Только старайтесь, чтобы вас не забрали со всеми вашими казаками* (Л. Толстой). Императивная модальность, подчиняя конъюнктив, распространяется на все сложное высказывание.

По степени значимости модальности императива, в зависимости от общего или частного проявления побудительной семантики выделяются типы сложных конструкций: 1) с общим значением императива - однофункциональные предложения *(Приходи ко мне, давай поговорим);* 2) с доминирующей императивной семантикой - разнофункциональные конструкции *(Буду нужен - вызывайте);* 3) с частной модальностью повеления, равной или второстепенной по значимости по отношению к индикативу или конъюнктиву *(Вы оставайтесь, а я пойду; Не волнуйся, я никому об этом не скажу).*

Общая для всего высказывания побудительная модальность проявляется при синонимичности сложного предложения простому побудительному: *Буду нужен - вызывайте = При необходимости (надобности) вызывайте; Приходи ко мне, давай поговорим - Приходи ко мне поговорить.* Если такая трансформация или синонимическая замена невозможна, модальность императива не определяет общую целенаправленность сложной конструкции. Ср.: *Допиши, и пойдем обедать* — императивная модальность и целенаправленность; *Скажи, как ты ко мне относишься!* — модальность "императив + индикатив объекта", по информативной значимости доминирует индикатив, целенаправленность побудительно-вопросительная; *Я подожду, а ты иди* - модальность "индикатив + императив", целенаправленность повествовательно-побудительная.

Оппозиция "эксклюзив/инклюзив говорящего" лежит в основе разграничения следующих типов: 1) сложные предложения с императивом адресата - *Жди меня, и я вернусь* (К. Симонов); *Если хочешь быть счастливым, будь им* (К. Прутков); 2) сложные предложения с императивом совместного действия (с инклюзивной семантикой) - *Умремте ж под Москвой, как наши братья умирали* (М. Лермонтов); 3) сложные предложения с комбинированной императивной семантикой - *Бросай комедию, давай гулять* (В. Липатов).

Возможны совпадения вещественного значения предложений, имеющих модальность императива, с конструкциями, не выражающими побуждения (при транспозиции императивной формы). Грамматическим показателем транспонированного значения повелительной формы в сложном предложении служит модально-временное соотношение главной и зависимой частей. Сравним:

(А) *Скажи ты ей об этом, было бы все иначе.*

(Б) *Скажи ты ей об этом, будет все иначе.*

Эти предложения имеют тождественное лексическое наполнение, но различное модальное значение. Пример (А) выражает конъюнктивную модальность и не содержит побуждения: 2-я часть (подчиняющая) передает гипотетическое значение всему сложному высказыванию, и повелительную форму в 1-й части можно трансформировать в сослагательную *(Сказал бы ты ей об этом...).* Пример (Б) - предложение с модальностью волеизъявления (императив условия); 2-я часть выражает реальную модальность, и повелительную форму можно трансформировать в индикативную *(Скажешь ты ей об этом...).* При отношениях прямой обусловленности между частями исключается в сочетании с императивом конъюнктивная семантика.

Субъективная модальность в рассматриваемых предложениях, передающая отношение говорящего к сообщаемому, заслуживает, на наш взгляд, специального исследования: должна сложиться полная картина модальных оттенков и средств их выражения. Приведем некоторые иллюстрации к этому вопросу, показывающие специфику сложных конструкций со стороны субъективной модальности. Значения возможности, желательности, необходимости, целесообразности могут реализоваться с помощью показателей контекста в рамках сложной конструкции - содержанием связанной с побудительной предикативной части. Например: *Нельзя откладывать, едем* (Н. Гоголь) - значение необходимости *{необходимо ехать)* выполнения действия, к которому побуждается адресат, проявляется в зависимости от модальности препозитивного предложения; происходит своего рода ассимиляция по модальности императивной части предложению с предикативом и инфинитивом. *Пойдем-ка на кухню: поговорим об искусстве]* (А. Алексин) - значение целесообразности *{пойдем-ка* - с какой целью? - *поговорим...)* выражено структурой бессоюзного сложного предложения, интонацией, формами главных членов. *Вы можете не дозвониться, лучше договоримся прямо сейчас* (А. Алексин) - желательность действия *{договориться бы прямо сейчас)* исходит из общей речевой семантики предложения (с помощью компаратива *лучше).* Своеобразно в сложном высказывании проявляется при императиве модальность отрицания. Утверждение и отрицание некоторые лингвисты, как известно, не считают модальными значениями. Например, М. Грепл отмечает, что к модальности в принципе не относится так же, как и эмоциональная сторона высказывания, утверждение и отрицание. "Утверждение и отрицание прежде всего относится к лексическому содержанию предложения" [М. Грепл 1978: 300]. Принимая во внимание, что утверждение/отрицание, являясь синтаксической категорией, "вступает в определенные отношения с другими категориями, присущими предложению, в первую очередь с категорией модальности" [И.А. Шевякова 1982: 8], а также выражается "модальными словами и частицами, которые обращаются в побочных выразителей модальности предложения" [В.В. Виноградов 1975: 64], мы считаем, что в сложном предложении модальность и утверждение/отрицание находятся в системных отношениях, формируя полипредикативность. Так, общее отрицание в императивной структуре передает нежелание говорящего или нецелесообразность совершения адресатом обозначенного действия; при этом для сложной конструкции характерна мотивация нежелательности действия содержанием части, связанной с императивной единицей: *Не будем терять времени, а то скоро ужинать позовут* (А. Чехов); *Да вы не сердитесь на меня: я сейчас уйду* (А. Куприн). Частное отрицание при модальности повеления может реализоваться посредством общеотрицательной зависимой предикативной части: *Только старайтесь, чтобы вас не забрали со всеми вашими казаками* (Л. Толстой) - ср.: *Старайтесь не попасться; Обещай мне, что ты не откажешь* (Л. Толстой) - ср.: *Обещай мне не отказать...; Когда не хотите подарить, так, пожалуй, поменяемся* (Н. Гоголь). Общеотрицательная часть с повелительной формой главного члена выражает прохибитивное (запретительное) или превентивное (преостерегательное) значение [см. В.С. Храковский, А.П. Володин 1986: 11-16], которое в сложном предложении обретает развернутую обстоятельственную конкретизацию. Примеры: *Пока не доедешь до первого селения, не смей оборачиваться назад* (А. Куприн) - прохибитив с уточнением времени снятия запрета; *Не надо, не ходи* (М. Горький) - мотивация действия как нецелесообразного; *Петьку не трогай - он сам едва концы с концами сводит* (В. Шукшин) - прямая мотивация прохибитива. Оценка говорящим достоверности-вероятности, проявляющаяся с помощью вводных слов, в сложном предложении иногда используется при р а з р е ш е н и и действия или ответном с о г л а с и и: *Конечно, пойдемте, а то становится сыро* (И. Бунин); *Пожалуй, оставайся, мне поможешь* (В. Шукшин).

Важную роль в сложном высказывании играют перфомативные средства воле-

изъявления: определяют вид и степень категоричности побуждения, актуализируют и усиливают императивность, вносят в предложение эмоционально-экспрессивную окраску. К таким средствам относятся, например, знаменательные каузативные глаголы типа *просить, приказывать, требовать, разрешать, запрещать, умолять, приглашать.* Эти глаголы (как правило, в форме 1-го лица настоящего времени) активно участвуют в организации бессоюзных сложных структур с изъяснительным императивом: *Приказываю, едем\\ Умоляю, не ссорьтесь[1].; Требую, проси прощения\\ Разрешаю, войдите\\ Очень вас прошу, примите эти цветы* Предложения такого рода формально являются сложными, но по семантике ближе к простым: передается один побудительный речевой акт, императив выполняет функцию дополнения *{Советую, не ходи\ = Советую не ходить),* сохраняя побудительную модальность как доминирующее значение в семантической структуре конструкции. Перфомативные показатели конкретизируют, дополняют побудительную семантику: *О, друг мой, Аркадий Николаевич! - воскликнул Базаров. - Об одном прошу тебя: не говори красиво* (И. Тургенев). Здесь возможна синонимичность как с побудительным простым предложением *(Пожалуйста, не говори красиво),* так и с повествовательным *(Очень прошу не говорить красиво).* Считаем, что сложная структура с перфомативом и повелительной формой глагола служит наиболее подходящим средством побуждения в определенных ситуациях: при необходимости четкого эксплицирования вида волеизъявления для реализации соответствующей иллокутивной функции.

Анализ модальных типов сложного предложения с императивной семантикой позволяет утверждать справедливость и для сложных высказываний тезиса Г.В. Валимовой относительно простых конструкций о том, что объективная модальность выражается теми же средствами, что и предикативность и является "основой разграничения типов предложения" [Г.В. Валимова 1967: 59]. Модальная классификация сложных предложений имеет ряд достоинств (в сравнении со структурно-семантической и другими): 1) обращается внимание на функциональную квалификацию конструкции в целом (по доминирующему модальному значению и целенаправленности); 2) устанавливается, как модальность и коммуникативное задание определяет структуру высказывания; 3) корректируется семантика каждой части через отношение высказываемого к действительности с точки зрения говорящего; 4) применяется неформальный гибкий подход к характеристике конструкции (учитывается контекст, интонация, средство связи предикативных частей): разные по структурно-семантическим показателям сложные предложения могут относиться к одному типу по модальному значению. Формулируем вывод: модальность в сложном предложении, содержащем побудительную единицу, образует структурно-семантическую категорию. Доказательством служит наличие: а) системы типов конструкций с доминирующим императивом и с равноправными по модальности предикативными частями; б) рядом грамматических форм предложений, противопоставляемых по семантике "эксклюзив/инклюзив говорящего"; в) определенной семантической структуры у каждого модального типа сложного высказывания; г) особых средств выражения субъективно-модальных значений (например, препозитивное предложение с инфинитивом и предикативом, указывающее на необходимость выполнения действия, названного в императивной части). Перспективными аспектами изучения рассматриваемого явления остаются выявление закономерностей сочетания побудительной единицы с другими в составе сложной конструкции и взаимодействия функционально-семантических полей побудительности и таксиса. Императивная модальность как один из основных компонентов грамматической семантики сложного предложения, как правило, выполняет роль доминанты, стабильно определяет внутреннюю организацию конструкции в целом. Всестороннее описание модальной типологии в синтаксисе сложного предложения позволит переосмыслить и существенно дополнить имеющиеся в современных лингвистических трудах классификации, внести новые дефиниции в русский синтаксис.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

БирюлинЛ.А. 1992 -Теоретические аспекты семантико-прагматического описания императивных высказываний в русском языке. Дис… д-ра филол. наук. Санкт-Петербург. 1992.

Бондарко А.В. и др. 1990-Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л. 1990.

Валимова Г.В. 1967 - Функциональные типы предложений в современном русском языке. Ростов-на-Дону. 1967.

Виноградов ВВ. 1975 - О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике. Избранные труды. М. 1975.

Гравье В. 1983 - Семантика русского императива // Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским и другими славянскими языками. М. 1983.

Грепл М. 1978 - О сущности модальности // Языкознание в Чехословакии. М. 1978.

Домашенкина Г.П., Иванова Т.Е. 1987 - Грамматический разбор в вузе и школе. М. 1987.

Золотова Г.А. 1962 - О модальности предложения в русском языке // ФН, 1962. № 4.

Козлова М.С. 1972 - Философия и язык. М. 1972.

Лекинт ПА. 1976 - К вопросу о модальных разновидностях предложения // Лингвистический сборник. М. 1976. Вып. 6.

Немец Г.П. 1989 - Семантико-синтаксические средства выражения модальных отношений в русском языке. Дис… д-ра филол. наук. Краснодар. 1989.

Печников А.Н. 1983 - Опыт теории синтаксических единиц. Куйбышев. 1983.

Полянский СМ. 1900 - К взаимодействию функционально-семантических полей побудительности и таксиса // Функционально-типологические аспекты анализа императива. Ч. 1. Грамматика и типология повелительных предложений. М. 1990.

Сергиевская Л.А. 1994 - Сложное предложение: принципы анализа. Рязань. 1994.

Храковский В.С., Володин А.П. 1986 - Семантика и типология императива. Русский императив. Л. 1986.

Шевякова И.А. 1982 - Модальная квалификация противопоставления "утверждение-отрицание" в простом предложении. Автореф. дис… канд. филол. наук. М. 1982.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 * 1995

© 199S г. В.З. САННИКОВ

КАЛАМБУР КАК СЕМАНТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН*

В русистике языковая игра и, в частности, каламбур исследуется давно и успешно - в работах В.В. Виноградова, А.А. Щербины, А.И. Ефимова, А.Н. Гвоздева, Е.П. Ходаковой, Е.А. Земской, Д.Н. Шмелева, Б.Ю. Нормана, Е.В. Падучевои и других. При этом, однако, сфера использования каламбура в лингвистических исследованиях оказывается достаточно ограниченной - это "источник полезных и убедительных иллюстраций" при описании омонимии и многозначности слов. По нашему глубокому убеждению значение каламбура для лингвистики заключается не только и не столько в этом. Для лингвиста каламбур - интереснейшее, в некоторых аспектах уникальное явление. Попытаемся это показать, сознавая, впрочем, всю предварительность и фрагментарность нашего описания.

В данной работе будут рассмотрены (иногда на уровне иллюстраций) следующие вопросы: 1) Определение каламбура; 2) Каламбур и цензура культуры; 3) Смысловое взаимодействие обыгрываемых слов. Возникновение добавочных смыслов. Семантические типы каламбуров; 4) Каламбур и семантико-синтаксическая сочетаемость элементов текста; 5) Каламбур и правила речевого такта; 6) Каламбур и представление говорящих об устройстве языка[1].

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАЛАМБУРА

Происхождение слова *каламбур* (франц. *caletnbour)* неясно. Часть этимологов объясняет его (не очень, впрочем, убедительно) из анекдота о некоем попе из Каленберга (австрийские Альпы) [см. Фасмер 1964-1973]. Каламбур - это шутка, основанная на смысловом объединении в одном контексте либо разных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию.

Из определения следует, что формальные приемы создания каламбура весьма разнообразны. Это: а) многозначность слов и словосочетаний; б) все виды омонимии (полные омонимы, омофоны, омографы, омоформы), в) сходство слов и словосочетаний по звучанию (так называемая парономазия). Арсенал средств, используемых в каламбуре, детально анализируется в ряде работ (см., например, работы указанных выше авторов). Поэтому мы можем, даже не приводя примеры на разные виды омонимии и многозначности, ограничиться лишь двумя (но довольно существенными) уточнениями.

1) В имеющихся определениях (а также и в определении, приведенном выше) подчеркивается звуковая близость обыгрываемых слов или словосочетаний. В большинстве случаев это действительно так. Однако иногда каламбур базируется не на формальной, звуковой, а на смысловой близости слов. Это псевдо-синонимы или псевдо-антонимы (то есть слова из разных синонимических рядов или из разных антонимических пар). Ср. подчеркнутые слова в следующих примерах: *В доме все было*

Статья подготовлена в рамках проекта "Языковая игра, и структура языка", осуществляемого при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

[1] Вопрос о каламбуре как одной из причин коммуникативных неудач рассматривается в интересной работе Е.В. Падучевои [Падучева 1982], и мы здесь его не затрагиваем.

краденое, *и даже воздух какой-то* ***спертый*** (А. Кнышев); Б л а ж е в и ч: *.. .на голову рухнули тетки, дядьки и жена - **светлая** шатенка с **темным** прошлым* (В. Шкваркин. Страшный суд). Сравни также принадлежащую А. Пушкину конечную каламбурную строку стихотворения В.А. Соллогуба:

Коль ты к Смирдину войдешь.
Ничего там не найдешь.
Ничего ты там не купишь.
Лишь Сенковского толкнешь.
Иль в ***Булгарина*** *наступишь.*

(ни одно из известных наименований субстанции, в которую боится наступить Пушкин, не созвучна с фамилией *Булгарин),*

2) В имеющихся определениях подчеркивается, что каламбур имеет целью с о з д а н и е к о м и ч е с к о г о э ф е к т а. Между тем, перечисленные технические элементы (многозначность, омонимия, звуковое сходство слов и словосочетаний) часто используются и с другими целями. Вот строки из стихотворения Велимира Хлебникова:

Разве вы
От холода не выли
Вдвоем в землянке?
И от усталости не падали?
Не спали сытые на теплой падали?

Хлебников соединяет в одном тексте омоформы (прош. время глагола *падать* и существительное *падаль),* - как это часто делается в каламбуре. Но эти трагические строки невозможно назвать каламбуром. Тем самым, принадлежность или непринадлежность к каламбуру определяется в значительной степени общей (юмористической, сатирической, трагической и т.д.) окрашенностью текста, создаваемой другими средствами. В значительной степени, но не целиком. Можно указать два важных структурных различия между каламбуром и его "серьезным братом" - силлепсом. В каламбуре в отличие от силлепса крайне желательна резкая оценочная противопоставленность обыгрываемых элементов. Сравни каламбур Н. Глазкова, где одно из обыгрываемых слов - *товарищ* положительно окрашено (во всяком случае так было до недавнего времени) и резко противопоставлено бранному слову *тварь:*

Я думал, что он товарищ,
А он презренная тварь лишь.

Этим же примером можно проиллюстрировать и другое, еще более важное структурное различие между каламбуром и силлепсом. Для каламбура характерен строгий порядок элементов: сначала слово, положительно окрашенное, потом - отрицательно окрашенное. Попробуем изменить порядок частей в приведенном двустишии Глазкова:

Я думал: "Презренная тварь лишь!"
А он настоящий товарищ.

Игра слов сохранилась, каламбур - исчез. Как и языковая шутка в целом, к а л а м и бур - судья, насмешник, но не льстец и комплиментщик.

Резюмируя сказанное, можно дать следующее определение каламбура: каламбур - это шутка, основанная на смысловом объединении в одном контексте либо разных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию, либо псевдо-синонимов, либо псевдо-антонимов.

2. КАЛАМБУР И ЦЕНЗУРА КУЛЬТУРЫ

Каламбур позволяет "замаскировать" сообщение и, благодаря этому, обойти цензуру культуры и выразить те смыслы, которые (по разным причинам) находятся под запретом. Можно указать на четыре разновидности подобных смыслов.

1) 3. Фрейд отмечает, что одна из важных функций языковой шутки заключается в удовлетворении агрессивности и склонности к обсценному, обычно подавляемых. Сальный разговор, "чрезвычайно излюбленный простым народом", в образованном обществе вытесняется, отвергается цензурой культуры. "Смеяться по поводу грубой сальности... нам было бы стыдно, или она показалась бы нам отвратительной", - пишет Фрейд [1925: 136]. Но для психики человека отречение от "первичных наслаждений" очень тяжело. Острота позволяет упразднить отречение, вернуть потерянное. Теперь, когда остроумие пришло нам на помощь, мы вновь можем смеяться над неприличным. Говорящий "прячется" за язык ("А я что? Это язык так устроен!"). Именно с этим связан факт (иногда подвергающийся обыгрыванию): в непонятные слова и словосочетания слушающие склонны вкладывать неприличный смысл. Пример такого рода - анекдот, обыгрывающий фамилию президента Академии наук: *[На заседании Академии наук]: - Мань, хочешь, я тебе Келдыша покажу? -Да ты что, Ваня?! Дома, дома!*

Сходным образом из множества возможных пониманий переделанной пословицы - *Машу каслом не испортишь* безошибочно выбирается неприличное. Да и само слово *двусмысленность* обозначает не сочетание любых двух смыслов, а сочетание двух смыслов, один из которых считается неприличным.

Кроме отмечаемой 3. Фрейдом маскировки неприличного, можно указать еще ряд проявлений реабилитации каламбуром запретных смыслов.

2) Другое явление, в котором ярко проявляется "маскировочная" функция языковой шутки, и в частности каламбура, - это афористика. Как и сальность, она переживает кризис. Так называемые "общезначимые выражения" - сентенции, максимы - становятся после XVIII в. не модными. Авторы начинают стыдиться дидактического, назидательного тона. Но склонность-то к морализированию, видимо, сохраняется! И тут опять, как и в случае сальности, говорящие прячутся за язык, за языковую игру. Есть доля истины в шутливом высказывании Ф. Кривина: "...о серьезном говорить всерьез - все равно что заедать кирпич черепицей... Тут уж приходится выбирать: либо о серьезном несерьезно, либо о несерьезном серьезно" (цитирую по: [Новиков 1989: 248]).

В наше время сентенции типа: *Не посягай на чужое добро,* или: *В отношениях с людьми избегай трений,* или: *Ничтожества, когда их много, представляют грозную силу* выглядели бы старомодно-занудными. Однако те же сентенции в "каламбурной упаковке" - вполне уместны: *Уголовников тоже влечет к добру, но, к сожалению, к чужому* (Н. Глазков); *Что ты скажешь на это, физика? В отношениях между людьми трения ведут к охлаждению: Не согласен с математикой. Считаю, что сумма нулей дает грозную цифру.* (Два последних примера взяты из сборника сентенций Ст. Леца под характерным названием "Непричесанные мысли". Не точнее ли было бы название "Мысли с модной прической"?)

3) Каламбур позволяет, далее, высказывать тривиальное, то, что "навязло в зубах", но "накипело в душе" и требует выхода, например, мысль о том, что в нашей стране люди живут хуже, чем в "нормальных" странах; сравни известный анекдот "застойных" годов: *Иностранец спрашивает: - Что это за очередь? - Масло дают. - О! А у нас только продают. А это за чем очередь? - Ботинки выбросили. - Какие, эти? Да, у нас такие тоже выбрасывают.*

Точно так же предельно сжатая каламбурная форма оправдывает возвращение Г. Лихтенберга к старым, как мир, мыслям о женском непостоянстве и об усыпительном действии проповедей: *Двуспальная женщина - односпальный церковный стул* (по: [Фрейд 1925]).

4) Каламбур позволяет, наконец, высказывать странные, а то и абсурдные мысли. Ср.: *Приятно поласкать дитя или собаку, но всего необходимее* ***полоскать*** *рот* (Козьма Прутков); *Заря подобна прилежному ученику: она каждое утро* ***занимается*** (журн. "Сатирикон"); *"Эк тебя* ***разнесло-то!"*** *-укорял Сидор Марфу, в которую угодил артиллерийский снаряд* (А. Кнышев).

Необходимо подчеркнуть, что для выражения подобных (странных или абсурдных) смыслов необходима "санкция языка" - сходство обыгрываемых слов. И стоит заменить в приведенных примерах выделенные слова другими, пусть близкими по смыслу (соответственно: *чистить зубы, горит, разорвало),* как получается полная бессмыслица, не заслуживающая внимания собеседника или читателя. Ср.: *Приятно поласкать дитя или собаку, но всего необходимее чистить зубы.*

Итак, в "каламбурной упаковке" грубая непристойность становится допустимой шалостью, старомодная назидательность - мудростью, тривиальность - любопытным соображением и, наконец, откровенная чушь - загадочным глубокомыслием. Почему это возможно? Видимо, потому, что кроме прямого, буквального, каламбур включает богатый дополнительный смысл, который отвлекает читателя и усыпляет его критику. Еще один пример: *Верная Пенелопа ждала его [Одиссея], коротая время со своими женихами... Днем Пенелопа ткала, ночью порола сотканное, а заодно и сына своего Телемака* (Н. Тэффи. Древняя история).

Любопытно, что снижение требовательности касается не только смысла приведенного высказывания, довольно странного, но и его грамматической правильности. Ведь, вообще говоря, *сотканное* не *порют,* а *распускают,* и мы это отметили бы, не будь концовки... *а заодно и сына своего Телемака,* которая развлекает и отвлекает нас.

В каждом каламбуре кроме прямого, буквального смысла есть добавочный смысл - иногда довольно убогий, иногда очень богатый, причем разный для разных видов каламбура. Попытаемся выделить этот смысл и в соответствии с этим наметить семантическую классификацию каламбура.

3. СМЫСЛОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЫГРЫВАЕМЫХ СЛОВ. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДОБАВОЧНЫХ СМЫСЛОВ. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ КАЛАМБУРОВ

Не преждевременно ли обращение к столь сложному семантическому явлению, как каламбур, сейчас, когда мы с трудом справляемся с семантикой единиц более простых - слов, предложений? Нам кажется, что некоторые наблюдения над смыслом каламбура могут быть полезны, хотя бы как напоминание о тех сложностях, с которыми семантике придется столкнуться в ближайшем будущем.

Работа содержит несколько замечений о семантике каламбура - самых предварительных, и к тому же "суммарных", то есть не разделяющих строго семантику языка и семантику искусства, которые причудливо переплетаются в каламбуре. Поскольку ядром каламбура являются обыгрываемые слова (обычно тождественные или сходные по звучанию), то в основу семантической классификации каламбура естественно положить характер семантических связей между обыгрываемыми словами. И тогда с достаточной определенностью выделяются три больших группы каламбура (некоторые из них делятся, в свою очередь, на подгруппы): 1) "соседи", 2) "маска", 3) "семья". (Разумеется, эти наименования - лишь ярлыки, метки, удобные при рассмотрении достаточно сложного вопроса).

1) "С о с е д и". Часто (особенно на ранних стадиях развития каламбура) авторы ограничиваются простым суммированием смыслов созвучных слов. По такому типу строятся, например, многие каламбуры Д. Минаева. Вот один из них:

На пикнике, под тенью ели
Мы пили более, чем ели.
И зная толк в вине и в эле.
Домой вернулись еле-еле.

В каламбурах этого типа нет богатого добавочного смысла, обыгрываемые слова "мирно сосуществуют", мера удачности каламбура связана, главным образом, с его технической сложностью. Сравни приведенный каламбур с каламбуром Н. Глазкова, относящимся к этому же типу, но более технически сложным и интересным:

На пир в ауле
Отцы нам дали
Напареули
И цинандали.

Снова обращаем внимание читателя на то, что без "каламбурной упаковки" стихи Минаева, да пожалуй и стихи Глазкова были бы заурядным описанием заурядной пирушки. Однако и в каламбурах этой группы есть добавочный метаязыковой смысл. Нечто вроде: "А еще обратите внимание, что в языке разные слова имеют иногда сходное звучание, и на то, что я, автор, это подметил и сумел объединить их в одном связном тексте". И этот метаязыковой смысл есть в любом каламбуре (в том числе и в более семантически сложных каламбурах двух других групп), и мы не будем более обращать на него внимание читателя, сосредоточившись на других компонентах, тех, которые входят в смысл самого высказывания.

2) "Маска". Для каламбуров этого типа характерно резкое столкновение обыгрываемых слов: первоначальное понимание внезапно заменяется другим, ср: *Я хорошо усвоил чувство локтя,!Который мне совали под ребро* (В. Высоцкий); *Он любил и страдал. Он любил деньги и страдал от их недостатка* (И. Ильф. Е. Петров. Двенадцать стульев).

В каламбурах этого типа сущность комического отражена наиболее ярко, в ее классическом виде. В самом деле, теоретики комического указывают на двуплановость, двухчастность шутки. По А. Бергсону, в шутке есть исходная точка и вывод, без промежуточных звеньев. Это обеспечивает внезапность сбрасывания маски и, тем самым, больший комический эффект [см. Buttler 1968:36].

Отношения между частями каламбуров-"масок" бывают двух типов:

а) Обманутое ожидание. Явление, кажущееся естественным, потом демаскируется как абсурд или ошибка и, тем самым, дискредитируется. В качестве иллюстрации теоретики комического указывают, например, такую сценку: рыболов с громадным трудом тянет добычу и вытягивает... старый башмак [см. Buttler 1968:36].

Именно по этому типа строится большинство каламбуров-"масок": слово "прикидывается" одним, а оказывается чем-то другим, слушатель заманивается на проторенный, но ложный путь: *"Не видите - я занят" - надменно произнес туалет* (А. Кнышев); *Хорошие фильмы нам дороги, но и плохие подчас дороговаты* (Э. Кроткий); *Галя теперь убита, а Веру повесили на Доске почета* (А. Иванов).

б) Комический шок. Здесь отношения между частями - прямо противоположны описанным выше: явление внешне удивительное оказывается естественным и понятным. Мы, например, наблюдаем человека, нелепо размахивающего руками, а потом видим, что это дирижер.

Для каламбура-"маски" комический шок менее характерен, чем обманутое ожидание, но все-таки он иногда используется и здесь. Приведем два примера: *.. .сочинения К. - недвижимое имущество его: никто не берет их в руки и не двигает с полки в книжных магазинах* [Рус. лит. ан. 1990]; *...снес яичко поросенок./- снес его соседке,/ Курочке-наседке* (Яснов по: [Береговская 1984]).

Каламбуры двух описанных подгрупп ("обманутое ожидание" и "комический шок") близки по смыслу: первоначальное понимание внезапно заменяется другим. Этот тип каламбура ("маска") в наибольшей степени соответствует, как мы уже говорили, классическому пониманию комического. Однако в эстетическом (и в лингвистическом!) аспекте не менее интересны каламбуры третьей группы, к рассмотрению которой мы переходим.

3) "Семья". Этот тип каламбура совмещает признаки двух рассмотренных выше групп. Как в каламбуре-'маске", обыгрываемые слова резко сталкиваются друг с другом, однако в этом столкновении нет победителя, второе значение не отменяет первое, и это роднит каламбур-"семью" с каламбурами первой группы (группы "соседи"). Примеры:

(1) *Один репортер, будучи на охоте, застрелил утку. Рассматривая убитую птицу, он узнал свою же собственную утку, выпущенную им в прошлом году* (журн. "Осколки"); *И в нелетную погоду можно вылететь со службы* (Э. Кроткий); *Если не успеваешь по математике, физике, химии, английскому, то успевай хотя бы пообедать* (ТВ "С утра пораньше").

(2) *Гости подразделяются на приятных, у которых можно занимать, и неприятных, которых надо занимать* (журн. "Стрекоза"); *Разница между верблюдом и человеком: верблюд может целую неделю работать и не пить, а человек - целую неделю пить и не работать.*

(3) *Я никого на свете не зарезал,! Напротив, резали меня редактора!* (Н. Глазков).

(4) Объявление. *Выводим пятна и клиентов из себя.* (журн. "Сатирикон").

(5) Лучше заложить старую лошадь в маленькую повозку, чем новые часы в большой ломбард (журн. "Сатирикон").

(6) - *Командир, в лесу белые! - Не до грибов, Петя, не до грибов!*

Каламбуры этой группы с достаточной отчетливостью делятся по своей семантике (а также и по синтаксическим особенностям) на две подгруппы. В первой подгруппе [см. выше (1)] обыгрываемые единицы "неравноправны" семантически и синтаксически разнофункциональны.

Во второй подгруппе [см. (2)-(6)] обыгрываемые единицы "равноправны". Это симметричные члены (2); члены сочинительной конструкции - (3); в том числе стянутой (так называемая зевгма) - (4); компараты - (5); противоречащие друг другу реплики (зачастую - результат недоразумения) - (6). Эти разные синтаксические способы оформления каламбура семантически близки и зачастую могут заменять друг друга без резкого изменения смысла. Сравни приведенные выше (2) и (5) с (2а) и (5а):

(2а) *Гости, у которых можно занимать, приятнее тех, которых надо занимать.*

(5а) *Он заложил старую лошадь в маленькую повозку и новые часы в большой ломбард.*

Есть еще одна большая группа каламбуров, которая, на первый взгляд, резко отличается от всех рассмотренных выше. Это ошибки и намеренные переделки слов (ср. *приматонна, генерал-от-инфарктерии),* а также переделки устойчивых выражений и "устойчивых текстов" - пословиц, поговорок, известных стихов, песен и т.п.: *Нам с лица не водку пить* (Г. Малкин); *Без рубашки ближе к телу* (В. Шишков).

Легко заметить, что эти каламбуры обычно допускают развертывание в сочинительную конструкцию (ср.: *Это не примадонна, а приматонна; не живопись, а лживопись; Нам с лица не воду пить, и не водку* и т.п.). Тем самым, эти каламбуры, на вид особые, представляют собой, в сущности, эллиптичный вариант каламбура-"семьи", где один из обыгрываемых элементов опущен - в силу своей общеизвестности. Подспудно он присутствует и вступает в игру с основным, эксплицитно выраженным смыслом.

В отличие от каламбуров первой группы ("соседи") каламбуры второй и третьей групп кроме метая зыкового смысла, о котором мы говорили выше, содержат во многих случаях дискредитацию описываемого. Особенно характерна она для каламбура-"маски", ср.: *Бескорыстный человек! Защищает чужую диссертацию* (Э. Кроткий); *У дам моих в купальне идут пренья/ О конституции... их благородных тел* (В. Буренин). (Переход от первоначального понимания, уводящего в мир политических дискуссий, к окончательному пониманию особенно подчеркивает бездуховность и самовлюбленность дам).

И наконец, каламбур-"маска" и особенно каламбур-"семья" содержат множество других добавочных смыслов, обогащающих буквальный смысл высказывания и нередко возводящих его в ранг философского обобщения. Анализировать тонкую игру смыслов в каламбуре - дело сложное, почти безнадежное. И все-таки попытаемся это сделать, хотя бы на нескольких конкретных примерах.

Начнем с примера относительно простого. *Она была завита, как овца, и так же развита* (Э. Кроткий). Читатель сталкивается с видимым противоречием - *завита* и *развита* (стадия "комического шока"). Ища выход из противоречия, он понимает, что на самом деле слово *развита,* в отличие от слова *завита,* определяет не состояние прически, а низкий интеллектуальный уровень описываемого субъекта. В результате описываемое лицо дискредитируется, а читатель испытывает удовлетворение от того, что он лишен (как он полагает) этого недостатка, - подтверждением чего является правильное решение лингвистической задачи, содержащейся в каламбуре.

Приведем несколько примеров более сложных - с самыми краткими комментариями. *Ученье - свет, неученых - тьма* (автор, Э. Кроткий, устраняет тавтологичность пословицы *Ученье - свет, неученье — тьма,* дополняя ее смысл пессимистической характеристикой современного уровня образования); *Поэт фамильярно похлопывал Кавказ по его хребту* (сверх-фамильярность и самовлюбленность, граничащая с манией величия); *Морская качка была изображена художником с таким сходством, что при одном взгляде на картину тошнило* (затрагивается вопрос о соотношении искусства с действительностью. Сходство с реальностью считается зачастую достоинством, однако не всегда реальная жизнь и произведение искусства должны вызывать одинаковую реакцию. Под похвалой здесь искусно скрыто порицание).

Три приведенных и кратко прокомментированных каламбура принадлежат Э. Кроткому. Если Д. Минаев - признанный король каламбура XIX в., то королем каламбура советской эпохи следовало бы признать Э. Кроткого. Среди его каламбуров множество удачных - кратких и богатых по содержанию. Вот несколько примеров: *Она была тяжела на подъем, но легка на падение; Дружба и чай хороши, если они горячие, крепкие и не слишком сладкие; Он хотел развалиться в кресле, но кресло его опередило: оно развалилось; Весна хоть кого с ума сведет. Лед - и тот тронулся.*

Однако даже у Э. Кроткого есть менее удачные каламбуры, семантически недостаточно богатые или недостаточно мотивированные, ср.: *Писать надо кровью сердца. Своего, конечно, а не чужого; Автора пьесы неоднократно вызывали в Комитет по делам искусств, в дирекцию театра. Не вызывала только публика; Жег сердца глаголами и другими частями речи.*

Допускаю, что мои оценки могут и здесь, и в других подобных случаях не совпадать с мнением читателя. Но это говорит о богатстве значения каламбура и о непредсказуемости результата каламбурного обыгрывания слов. Каламбур - это экспериментальная мастерская по выработке и оформлению необычных смыслов. Каламбурист никогда не может быть уверен в успешности своего эксперимента. Он оказывается в положении алхимика, который имеет определенный набор исходных элементов (многозначные или омонимичные слова или словосочетания), но не в состоянии предвидеть, какой сплав получится в результате эксперимента. В семантическом плане наиболее интересным представляется нам каламбур-"семья". Он таит в себе богатейшие возможности для выработки самых разнообразных смыслов. Но возможность не есть еще действительность: по своему качеству каламбуры этого типа наиболее разнородны. Как мы видели, даже у одного автора наряду с блестящими находками встречаются и каламбуры довольно слабые.

Вот еще показательный пример - два каламбура Козьмы Пруткова: *Легче держать вожжи, чем бразды правления; Болтун подобен маятнику: того и другой надо остановить.*

В первом каламбуре смысловое сходство обыгрываемых слов *{вожжи - бразды)*

удачно подчеркивает основную мысль: легче управлять лошадьми, чем людьми. Второй каламбур семантически менее мотивирован: необходимость остановить маятник далеко не так очевидна, как необходимость остановить болтуна.

При одном и том же составе обыгрываемых слов добавочные смыслы (и, соответственно, качество каламбура) могут существенно меняться. Вот два каламбура на одну тему, причем здесь и "камни" одни и те же (омонимичные слова *брак* "супружество" и *брак* "плохое качество"), различие лишь в "оправе": *Вокруг только и видишь, что вместо счастливого брака получается один только брак...* (В. Ардов. Пособие для ораторов). *Ну, что сказать о браке? Хорошую вещь браком не назовут.* Оба высказывания о браке - пессимистически-дискредитирующие, но второе короче и богаче по содержанию. Подтверждение собственному отрицательному отношению к браку автор шутки ищет в этимологии слова *брак:* случайное совпадение звучаний объявляется намеренным, выражающим исконное отрицательное отношение народа к этому социальному установлению.

Иногда малосущественное, казалось бы, изменение "оправы" (при сохранении самих обыгрываемых слов!) может коренным образом изменить — обогатить или обеднить - содержание каламбура. Поэкспериментируем с каламбуром О. Мандельштама: *Ванну, хозяин, прими, но принимай и гостей.*

Оформим его в виде зевгмы (которая, как мы уже отмечали, по смыслу и по структуре близка развернутой сочинительной конструкции): *Прими, хозяин, ванну и гостейЛ*

Каламбур сохранился, но смысл его обеднился. О. Мандельштам в своем каламбуре шутливо предлагает не ставить прием гостей в зависимость от неких водных процедур, как бы полемизируя с принципом "Всего в меру!", согласно которому прием одного ограничивает возможность приема чего-то другого. И вот этот обобщающий смысл зевгма утратила полностью.

Сказанное не означает, однако, что смысл каламбура-"маски" и, тем более, каламбура-"семьи", совершенно непредсказуем. Уже сейчас для этих достаточно сложных типов каламбура можно наметить некоторые закономерности. Вот несколько самых предварительных соображений по этому вопросу.

1) В тех из каламбуров этой группы, которые представляют собой сочинительную или сравнительную конструкцию, синтаксическое равенство элементов приводит и к некоторому их смысловому уравниванию, к некоторой, пусть достаточно мягкой дискредитации описываемого лица, например, короля, посетителя ресторана, женщины в трех приводимых ниже примерах: *Короли и дворники равно должны заботиться о блеске своего двора* (Э. Кроткий); - *Эх! Вывели... Вывели, как какое-нибудь ничтожное пятно на скатерти* (А. Аверченко. Новогодний тост); - *Я потерял на одной неделе жену и зонтик.*

(Последний пример содержит также и добавочный смысл: осуждение бессердечия осиротевшего супруга.)

2) Если в первой части каламбура указывается некая цель, а во второй - (формально!) говорится о ее достижении, то, учитывая специфику каламбура, можно быть уверенным, что по существу описываемое лицо потерпело неудачу (нечто на тему о тщете человеческих усилий или иллюзорности исполнения людских желаний). Сравни шутливый рассказ Е. Шварца о Михаиле Слонимском:

Миша-пророк

Федин уехал в Крым за неделю до землетрясения.
Слонимский сказал:
-Федин уехал встряхнуться.
Так и вышло.

Другой пример: - *Прислуживаться к начальству? Нет уж, увольте. И его уволили* (Э. Кроткий).

3) В синтаксически сложных каламбурах синтаксические связи между частями сохраняются, однако общий смысл меняется, иногда до противоположного. Чаще всего обыгрываются таким образом причинно-следственные отношения. Вот показательный пример. Слова *слабый* и *сходить* многозначны. В предложении *Артист настолько слаб, что не может сойти со сцены* эти слова обозначают физический признак и его следствие - физическое действие (невозможность сойти со сцены). В предложении *Есть пьесы настолько слабые, что моментально сходят со сцены* мы имеем дело с переносными значениями слов *слабый* и *сходить,* и здесь естественное следствие прямо противоположное (неизбежность быстрого схода со сцены). Но вот С. Лец соединяет в одном высказывании значения, которые "находятся в разных измерениях" - прямое с переносным: *Есть пьесы настолько слабые, что не могут сойти со сцены.* Возникает каламбур, причинно-следственные связи приобретают абсурдный характер, но это - отражение абсурдности самой жизни: ведь слабые произведения, действительно, обладают иногда завидным долголетием.

Подобные шутливые обоснования требуют от автора изощренной техники и, естественно, довольно редки (впрочем, они встречаются уже и в каламбурах прошлого века). Еще несколько примеров: *На похоронах Н.А. Полевого, в церкви Николы Морского, Ф.В. Булгарин хотел было ухватиться за ручку гроба; присутствовавший при этом П.А. Каратыгин, оттолкнув его, сказал:* - Уж *ты его довольно поносил при жизни* [Рус. лит. ан. 1990]; - *Не бойтесь этой гранаты: она ручная* (Э. Кроткий); *Слов ему явно не хватало: он поминутно просил слова у председателя* (Э. Кроткий); *В того, кто полон оптимизма, больше ничего не лезет* (Г. Малкин); *Вижу: пыль лежит. Дай, думаю, и я прилягу.*

В последнем примере два совершенно не связанных по смыслу высказывания связываются на основании формальной близости двух элементов *(лежит - прилягу).* Тем самым, обращается внимание слушателя на то, что формальное сходство, не подкрепленное смысловым, может приводит к абсурду. Впрочем, приведенное высказывание не бессмысленно - происходит самодискредитация говорящего, в каком-то смысле приравнивающего себя к пыли.

А вот иной вид шутливого обоснования: *Моча - единственное на свете, о чем нельзя сказать, что это - дерьмо!* Отказываясь от серьезного обоснования своего, чрезвычайно пессимистического взгляда на жизнь (Все на свете - дерьмо!), автор дает шутливое, чисто лингвистическое обоснование, которое в формальном плане безупречно (с точки зрения языковых норм существительное *дерьмо* в переносном смысле приложимо к любому существительному, кроме, может быть, существительного *моча).* И здесь, и во многих других случаях в смысл каламбура входят наблюдения над языком, подшучивание над его "странностями" (об этом мы еще будем говорить в разделе 6).

4. КАЛАМБУР И СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ ЭЛЕМЕНТОВ ТЕКСТА

Обычно омонимы, а также разные значения одного слова существуют как бы в разных измерениях и потому соседствуют в словарях, но не в текстах. Каламбур - уникальный случай взаимодействия омонимов (или разных значений слова) в пределах одного высказывания.

Изучать семантико-синтаксическое окружение, "команду" каждого из омонимов или каждого из значений слова мы можем и по "нейтральным" текстам. Однако в каламбурном высказывании омонимы и разные значения слова, по выражению А.А. Щербины, "сталкиваются лбами" [Щербина 1958], и, что особенно важно, это не просто столкновение двух созвучных слов с разными значениями, а "столкновение двух команд", кончающееся либо победой одной из них, либо ничьей, когда оба смысла представлены в результирующем высказывании. Тем самым, калам&ур предоставляет

уникальную возможность наблюдать борьбу и оценить силу игроков той и иной команды, то есть (переходим на язык лингвистики) сравнить силу тех или иных текстовых единиц. Напомню старый анекдот: *[Командир и его боец переплывают бурную реку]: - Бросай сумку, командир, утонешь! - Не могу, Петя, здесь штабные карты, две колоды штабных карт!*

Прилагательное *штабной* индуцирует одно понимание существительного ("военно-тактические карты"), однако последующий ввод в игру более сильного игрока - существительного *колода* - приводит к конечной победе понимания "игральные карты", что способствует дискредитации прославленного героя гражданской войны.

Каламбуры - "соседи" с точки зрения семантико-синтаксической сочетаемости наименее интересны: "играющие команды" без борьбы соглашаются на ничью, они мирно сосуществуют. Сравни:

Сказал раз медник, таз куя,
Своей жене, тоскуя:
"Задам-ка сыну таску я
И разгоню тоску я! (В. Козлов?)

Каламбур - "семья" характеризуется уже сложным смысловым взаимодействием обыгрываемых слов, но здесь также нет победителя ("боевая ничья"). Ср.: *Танцы это трение двух полов о третий; Французский студент всегда досиня выбрит и слегка пьян, а русский студент - наоборот.*

Каламбуры - "маски", без сомнения, представляют в рассматриваемом отношении наибольший интерес. Каждый из них - арена бескомпромиссной борьбы двух смыслов, оканчивающейся победой одного из них. Вот несколько беглых замечаний о силе отдельных элементов каламбурного (и, видимо, любого другого) высказывания.

1) Распространенный контекст оказывается сильнее простого. Обычный прием создания (и моментального снятия) каламбурной многозначности — добавление зависимых слов - дополнений, определений, обстоятельств, уточнений, вводных слов. Ср.: *Машину собрали... в мешок и привезли уже другие люди* (М. Жванецкий); *Кадры решают все, но без нас* (Г. Малкин); *Нравственно ограниченный контингент войск* (Г. Малкин); *Рина Зеленая изобрела прекрасное средство от бессоницы: надо считать до трех. Максимум - до полчетвертого* (ТВ-программа "С утра пораньше", 1992 г. 2 дек.); *[Красный командир говорит своим бойцам]: "Гласность, ребята, это вот что такое. Вот вы меня критикуете, критикуете, и ничего вам за это не будет - ни валенок, ни шинелей, ни портянок".*

2) Ситуация играет важнейшую роль и может приводить даже к победе нового, индивидуального значения слова над общепринятым. Ср.: *Ноздрев был в некотором отношении исторический человек. Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории* (Н. Гоголь. Мертвые души).

3) Текст оказывается сильнее заголовка. Например:

Старость отступает

Возвращаясь домой, пенсионер И.И. Иванов столкнулся в подъезде с хулиганом. ИИ. Иванову пришлось отступить [Лит. газета (?)]

4) Рисунок, в свою очередь, оказывается сильнее текста. Иллюстрацией может послужить помещённое в журнале Крокодил "житие" одного молодого человека, который: *...ночи просиживал за классиками* (на рисунке: Ночь. Луна. За памятником Пушкина герой и его собутыльники "содвигают стаканы"); *...дня не сидел без дела* (герой, застенчиво потупившись, стоит перед столом следователя, поглаживающего папку с надписью "Дело N"); *...и вообще далеко пошел* (герой под конвоем отправляется в места не столь отдаленные).

5) Слова, обозначающие конкретные предметы или физические действия, сильнее слов оценочных или абстрактных и побеждают в ситуациях, казалось бы, безна-

дежных. Вот пример из рассказа А. Аверченко "Жалкое существо": *...лампа, без суда и следствия, была повешена. - Как вы думаете, крепко держится? Я высказал предположение, что ходьба по полу верхнего этажа может довести лампу до самого легкомысленного падения.*

Конструкция "А" *без суда и следствия был повешен"* и *"Х дошел до самого легкомысленного падения",* казалось бы, не допускают никакого переосмысления, они однозначны: 'Х был казнен', 'Х совершил аморальный поступок'. Однако упоминание материального предмета (лампа) - фактор настолько сильный, что переосмысление все-таки происходит. Точно так же упоминание материала оказывается решающим в понимании отрывка из стихотворения В. Маяковского: *Чтобы суше пяткам - пол стелется, извиняюсь за выражение, пробковым матом* (речь идет не о брани, а о подстилке, и извинение автора - кокетливая сверх-щепетильность).

S. КАЛАМБУР И ПРАВИЛА РЕЧЕВОГО ТАКТА

Особую область культуры речи должны составить правила речевого такта. Необходимость этих правил отчетливо осознается говорящими и афористически выражается в принципе "В доме повешенного не говорят о веревке". Своеобразие каламбура состоит здесь в том, что он выявляет особый класс правил речевого такта. Это правила, ограничивающие употребление многозначных единиц - омонимов, а также многозначных слов и словосочетаний. Употребление подобных единиц может приводить к двусмысленности. Для каламбуриста подобные случаи возникновения двусмысленности - хлеб насущный, однако, в "серьезном" речевом общении каламбуры далеко не всегда желательны, иногда они - неожиданные и нежеланные гости, за которых говоряще даже извиняться вынуждены ("Простите за невольный каламбур!", "Извините за дурной каламбур!"). Это примеры так называемого "невольного комизма", о котором хорошо сказал Томас Манн: "Иногда в мелочах язык шутит с нами недобрые шутки, мы нечаянно придаем комический оборот слову, и в результате нам остается только вторить смеху слушателей.... Собрание небожителей, верно, сотрясается от гомерического хохота над таким бессилием наших уст" ("Лотта в Веймаре").

Нередко невольный комизм вызывает и более резкую реакцию, чем насмешка. Вот показательный пример: *Офицер пришел на прием к Ростовцеву, который был заикой, и обращается с просьбой. Ростовцев отвечает: - Нет, почтеннейший! Этого нельзя! Государь не согласится. - Помилуйте, Ваше Превосходительство. Вам стоит только заикнуться... - Пошел вон! - загремел Ростовцев в бешенстве* [Рус. лит. ан. 19901.

Вряд ли также было бы тактично предлагать кривым побеседовать между собой с глазу на глаз, а хромого упрекать за то, что в каком-то вопросе он хромает.

Мы указывали случаи, когда неуместность каламбура связана с индивидуальными особенностями слушающего. Гораздо чаще она объясняется характером ситуации, ее драматизмом или трагизмом. Современники восхищались остроумием актера П.А. Каратыгина, но осудили его, когда он на похоронах брата, В.А. Каратыгина, стараясь протиснуться к гробу покойного, не утерпел и сказал каламбур: *"Дайте мне, господа, добраться до братца!".* В наши дни неуместным, почти кощунственным каламбуром выглядела также неловкая фраза в ТВ-нрограмме "Время": *"Землетрясение в Армении потрясло всех советских людей"* (1988 г. 20 дек.)

В начале статьи мы отмечали, что каламбур позволяет легализовать смыслы, которые отвергаются цензурой культуры, - неприличные, дидактические, тривиальные, абсурдные. Здесь мы столкнулись с противоположным явлением: вполне нейтральные смыслы оказываются под запретом именно из-за возникновения неуместной каламбурной двузначности.

Художественная литература адресована массовому читателю и не должна ориентироваться на индивидуальные особенности отдельных читателей, она может

говорить не только о веревке, но и о повешенном. И все-таки правила речевого такта действуют и здесь. В частности, здесь особенно нежелателен невольный комизм.

Непримиримым борцом с неосознанными каламбурами был А. Крученых [Крученых 1923; 1924]. Он отмечал, что удачный каламбур "усиливает и обогащает звучание стиха", но в речи встречается громадное количество неосознанных, неуместных каламбуров, сдвигов, которые способны, особенно при чтении вслух, "превратить в фарс любую оду", например: *И шаг твой землю тяготил (ишак,* у Брюсова). Отсюда призыв - «учредить особую "сдвиговую милицию" для своевременной ловли сдвигов у зазевавшихся авторов» [Крученых 1923:35]. В число "зевак" попадает у Крученых Пушкин! "Разобрав только 1/2 Пушкина", А. Крученых нашел у него 7000 "незаконнорожденных" - неосознанных каламбурных и сдвиговых строк, как, например, следующие: *Проклятье, меч и крест и кнут* (На Фотия) ["Бедные меч и крест - они икают!" - замечает Крученых]; *Со сна садится в ванну со льдом* (Евгений Онегин) ["Сосна садится сольдом"]; *Он с трепетом к княгине входит* (Евгений Онегин) ["Входит стрепетом (птица)"].

Крученых дает этих "незаконнорожденных", как он их называет, в систематизированном виде: *Иканье* и *за-ик-анье* Евгения Онегина *(И к шутке, с желчью пополам...; И кучера вокруг огней); Ужи и львы* из Евгения Онегина *(Все те же ль вы?; Сердечный друг, уж я стара...); икра а Іа Онегин (Партер и кресла, все кипит...); носатые стихи: Но с рассудком вновь заспорит...* (Евгений Онегин); *Но с бочкой странствуя пустою...* (Послание Лиде) [у Лиды нос бочкой, да еще пустою!..]; *Но с пламенной, пленительной, живой...* (Голицыной) [у Голицыной пламенный нос].

Совершенно очевидно, что А. Крученых излишне придирчив при "перетряхивании пушкинской тоги": во многих из приводимых им примеров двусмысленность в стихах не возникает, даже при чтении вслух. Однако его предостережение против неосознанных и неуместных каламбуров все-таки вполне своевременно.

Не менее щепетильными, чем Крученых, оказываются в отношении к невольным каламбурам и некоторые другие авторы. В романе "Дар" В. Набокова поэт, Федор Константинович, забраковал мелькнувшую в голове строчку, "лирическую возможность": *Благодарю тебя, Россия, за чистый и крылатый дар* - из-за словосочетания *чистый и крылатый,* вызывающего, по мнению поэта, ненужные ассоциации: "Икры. Латы. Откуда этот римлянин?".

6. КАЛАМБУР И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ГОВОРЯЩИХ ОБ УСТРОЙСТВЕ ЯЗЫКА

Языковая игра - это всегда некоторая неправильность (или необычность), осознаваемая и намеренно допускаемая говорящим. И за этой оценкой довольно отчетливо прослеживается представление говорящих о норме, об общих принципах устройства языка и об отступлениях от этих принципов, о "странностях" языка.

Одно из основных требований, предъявляемых говорящими к языку, — строгое соответствие формы и содержания. У говорящих есть четкое представление, что разные смыслы должны иметь разную форму. Один из самых распространенных и никогда не надоедающих видов языковой игры - обыгрывание омонимии и многозначности слов и словосочетаний (примеры в большом количестве приводились выше).

Еще более максималистским, но, видимо, реально существующим у говорящих, является представление о равновесии между формой и содержанием, о пропорциональности смысловых и формальных различий: если два слова (или словосочетания, или предложения) резко различаются по смыслу, то они и по формальному составу должны сильно различаться. Математика вряд ли рассмешит то, что изменение одного символа в математическом выражении резко изменит его значение. Говорящих, между тем, неизменно забавляет, когда минимальные изменения (иногда

замена одного звука) резко меняет смысл. Ср.: *шнапс-капитан* (А. Чехов); *Памятник Первопечатнику* (И. Ильф); *От гурии до фурии один шаг* (В. Ардов); *От космического до комического один шаг* (В. Набоков); *Что посмеешь, то и пожмешь* и т.д.

Нарушение соответствия между формой и содержанием говорящие видят также во фразеологизмах. Нормально, когда значение целого (напр., словосочетания) равно сумме значений составляющих его слов. Говорящих не перестают удивлять случаи отступления от этого принципа во фразеологизмах: формально это - сочетание нескольких единиц, по значению - одна единица, причем ее значение не равно сумме значений составляющих ее слов. Еще одна "странность": исходные значения не исчезают полностью, они "слабо мерцают" во фразеологизме и потому могут быть усилены и обыграны в каламбуре. Например: *Говорили они все* [чиновники] *как-то сурово...; приносили частые жертвы Вакху, показав таким образом, что в славянской природе есть еще много остатков язычества* (Н. Гоголь, Мертвые души).

От внимания говорящих не ускользнуло и то обстоятельство, что единицы, входящие в состав фраземы, ведут себя в предложении не так, как эти же единицы в составе свободных словосочетаний. В частности, они не могут иметь зависимых и не могут заменяться анафорическими местоимениями, ср.: *Можно сказать: "Я друг этого дома", но нельзя сказать: "Я друг этого деревянного дома"* (А. Чехов); *О, ты не дура, далеко не дура, губа моя!* (В. Вишневский); *...голос его прервался: беднягу душили рыдания, и душили они его добрых минуты две* (Л. Кэрролл. Алиса в стране чудес, в пер. Б. Заходера).

Иногда говорящий не ограничивается ролью критика "странностей" языка, берет на себя (шутливо) роль блюстителя порядка и устанавливает более строгое соответствие формы и содержания. Это может быть достигнуто двумя способами:

1) Форма приводится в соответствие с содержанием. Сравни многочисленные случаи так называемой "народной этимологии" у Н. Лескова - *мелкоскоп, гульвар, долбица умножения* и т.д.; переделки фамилий — *Флюгарин* (Булгарин) у А. Пушкина; *Невмерович-Вральченко* (Немирович-Данченко), *Кузьма Распрогорькии* (Максим Горький) у В. Буренина.

2) Содержание изменяется и приводится в большее соответствие с формой. Сравни, например, шутливые толкования слов у М. Задорнова: *заморыш* - иностранец, *забрало* - милиционер, *всадница* - медсестра, *деньжонки* - день 8 марта и т.д.

В заключение отметим одно любопытное ограничение на употребление языковых единиц, обойденное вниманием лингвистов и замеченное, кажется, именно юмористами. Создатели каламбуров отмечают и обыгрывают "хрупкость" языковых единиц, их неприменимость для описания той или иной ситуации - хотя значение этих единиц, казалось бы, полностью соответствует данной ситуации. Не имея возможности останавливаться на этом подробно, ограничимся здесь одним примером. Фраземы типа *Он оторвался от земли; С ним кашу не сваришь; Он работает с огоньком; Не рой яму ближнему* допустимы, казалось бы, по отношению к любому человеку. Каламбуристы заметили, однако, те (исключительно редкие) конкретные ситуации, где первичное, несвязанное значение, которое легло в основу фраземы (и которое, как мы уже отмечали "слабо в ней мерцает") вдруг оживает и усиливается настолько, что это препятствует нейтральному употреблению фраземы. Сравни следующие шутки Э. Кроткого: *Летчику не ставят в вину, что он "оторвался от земли"; Плохо, если о поваре говорят, что с ним каши не сваришь; Пожарный всегда работает с огоньком; "Не рой другому яму" - принцип не для могильщиков.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Береговская Э.М. 1984-Экспрессивный синтаксис. Смоленск, 1984.

Виноградов ВВ. 1976 - Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976.

Гвоздев А.И. 1965 - Очерки по стилистике русского языка. 3-е изд. М., 1965.

Ефимов А.И. 1953 - Язык сатиры Салтыкова-Щедрина. М., 1953.

Земская Е.А. 1959 - Речевые приемы комического в советской литературе // Исследования по языку советских писателей. М, 1959.

Крученых А. 1923-Сдвигология русского стиха. М., 1923.

Крученых А. 1924 - 500 новых острот и каламбуров Пушкина. М, 1924.

Новиков Вл. 1989 - Книга о пародии. М., 1989.

Норман Б.Ю. 1987 - Язык: знакомый незнакомец. Минск, 1987.

Падучеви ЕВ. 1982 - Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла // Семиотика и информатика. Вып. 18. М, 1982.

Рус. лит. ан. 1990 - Русский литературный анекдот конца XVIII - начала XIX века. М., 1990.

Санников В.З. Русский каламбур. 1200 каламбуров старых и современных (в печати).

Фасмер М. 1964—1973 - Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М., 1964-1973.

Фрейд З. 1925 - Остроумие и его отношение к бессознательному / Пер. с 3-го нем. издания Я.М. Когана. М., 1925.

Ходикоаа Е.П. 1964 - Каламбуры у Пушкина и Вяземского // Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. М., 1964.

Ходакова Е.П. 1968 - Каламбур в русской литературе XVIII в. // Русская литературная речь в XVIII в. Фразеологизмы. Неологизмы. Каламбуры. М., 1968.

Ходакова Е.П. 1969 - Из истории русского каламбура (вторая половина XVIII - первая треть XIX в.). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1969.

Щербина А.А. 1958 - Сущность и искусство словесной остроты (каламбура). Киев, 1958.

Buttler O. 1968 - Polski dowcip jezykowy. Warszawa, 1968.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 * 1995

© 1995 г. Е.А. ИВАНЧИКОВЛ

"ПОДРОСТОК": ПОВЕСТВОВАНИЕ С ЛИРИЧЕСКИМ РАССКАЗЧИКОМ

"От **Я** - решено и подписано. И что бы ни было. Но пишущий теперь- год спустя. Это в каждой строчке иметь в виду" [Лит. нael. 1965: 177].

Два поставленных Достоевским перед собой условия: писать от Я рассказчика и - год как временной отрезок, отделяющий "пишущего теперь" от времени описываемых событий- определили повествовательную структуру романа "Подросток" - самого крупного произведения Достоевского, повествование которого последовательно выдержано в форме рассказа-исповеди от первого лица. Особенности избранной писателем формы исповедального, лирического повествования яснее предстанут перед нами при ее сопоставлении (по необходимости - кратком) с повествовательными формами в других больших романах Достоевского с рассказчиком - эпическим, ведущим рассказ, в принципе, не о себе, а о внешних фактах, событиях и о "других" людях.

Последующий анализ направлен как на характеристику изобразительных функций повествования, ведущегося рассказчиком, так и на определение позиции автора в таком повествовании.

Три романа Достоевского с эпическим рассказчиком- "Бесы", "Идиот", "Братья Карамазовы" - объединяются между собой и в то же время противопоставляются роману "Подросток" двусубъектностью повествовательной формы - раздвоенностью повествующего субъекта в каждом из них. Раздвоенность повествующего субъекта проявляется в стилистической неоднородности художественного текста - в его стилистической дифференциации, при этом в разных романах стилистическая дифференциация повествовательных форм носит разный характер, она обусловлена различными художественными установками автора.

а) Специфичность повествовательной формы романа "Бесы" обусловлена введением в его художественную структуру образа хроникера, "авторство" которого объявлено в самом начале произведения. Повествование хроникера ведется непринужденно, в виде неподготовленного, без заботы о "слоге" рассказа, насыщенного разговорными формулами, а также резко отрицательной оценочностью. Однако хроникер с его яркой речевой характерностью временами исчезает со страниц романа. Это происходит, когда в центре повествования оказывается Николай Ставрогин. Повествование в соответствующих контекстах ограничивается изложением событий в их объективной последовательности, оно отличается лаконизмом, простотой, сдержанностью. Рассказ в "Бесах" с фактически отсутствующим хроникером носит, таким образом, характер собственно авторского литературного повествования. Хроникер, в соответствии с замыслом Достоевского, не был допущен проникнуть в сложные философские и психологические тайны центрального персонажа романа, что адекватно отразилось в повествовательной структуре текста.

б) В романе "Идиот" повествование распределено между двумя повествующими субъектами - условным, мнимым рассказчиком и недекларированным автором, конкретное наличие которых обнаруживается лишь в текстовой структуре произведения. Если в текстах, исходящих от рассказчика, средства языковой изобразительности направлены на обрисовку всего внешнего, что мог увидеть "посторонний наблюдатель"

(люди, их внешний облик, их действия, проявления их чувств, внешние события, сцены и т.д.), то в текстах, которые следует признать текстами авторской речи, изобразительные средства, преимущественно интонационно-экспрессивные, символизируют разнообразные эмоциональные оттенки внутреннего, душевного состояния главного героя романа - князя Мышкина и служат, по существу, единственным способом его самораскрытия, поскольку причины волнений и тревог героя, подлинные его мысли обычно не получают прямого обозначения - согласно задаче, поставленной перед собой писателем: "Князя сфинксом. Сфинксом. Сам открывается, без объяснений от автора (...)" [Достоевский. Т. 9: 248]'.

в) В словесной ткани романа "Братья Карамазовы" также обнаруживаются две субъектно-новествовательные зоны: зона рассказчика и зона автора. Каждая из этих зон имеет свою композиционно-тематическую прикрепленность и свои словесные сигналы, определяющие ее субъектную принадлежность. Границы между названными субъектно-повествовательными зонами подчас бывают зыбкими, незаметными, и в этом усматривается проявление характерного для "почерка" Достоевского принципа изменчивости, перевоплощаемости образа автора.

Рассказчик "Братьев Карамазовых", в свою очередь, проявляется в двух формах: в форме повествования от "я", от лица "открытого" рассказчика и в повествовательной форме, исходящей как бы от "скрытого", "закадрового" рассказчика. Различия между этими условно названными формами повествования оказываются глубоко эстетически значимыми. Само же повествование этого двуликого рассказчика выдерживается, в основном, в стиле "непринужденного" литературного сказа.

Повествовательной зоне рассказчика в текстовой структуре романа "Братья Карамазовы" отчетливо и стилистически ярко противостоит повествовательная зона автора. Собственно автора, а отнюдь не рассказчика мы узнаем лишь в немногочисленных отрезках текста. Это - цельные, композиционно завершенные, музыкально организованные средствами синтаксиса контексты, символически созвучные настроениям и переживаниям центральных героев романа: Алеши, Мити, Ивана. Среди таких отрезков по своей исключительной эмоционально-изобразительной насыщенности выделяется абзац в конце главы "Кана Галилейская", рисующий состояние Алеши в момент испытываемого им духовного перелома, который потряс и в то же время укрепил его разум "уже окончательно, на всю жизнь и к известной цели" 114:328].

Таким образом, в названных трех романах с эпическим рассказчиком, характеризующихся раздвоенностью повествователя, наблюдается распределенность изобразительных функций соответствующих текстов между разными повествующими субъектами (а в "Братьях Карамазовых" и внутри одного субъекта - рассказчика), благодаря чему достигаются определенные идейно-художественные результаты.

Каков же стиль исповеди Аркадия Долгорукого в романе "Подросток", каковы художественно-изобразительные функции речи этого рассказчика? Творческие рукописи романа с очевидностью свидетельствуют о постоянном внимании Достоевского в процессе создания романа к "слогу" и "тону" ведения рассказа Подростком, о стремлении строго следовать принципу "жизненной достоверности" в форме речи героя. В избранной писателем форме рассказа "от Я" он видел большие преимущества перед рассказом от автора: "От Я - оригинальнее и больше любви, и художественности более требуется, и ужасно смело, и короче, и легче расположение, и яснее характер подростка как главного лица и смысл идеи как причины, с которою начат роман, очевиднее" [Лит. наел. 1965: 145]. Анализ повествовательных частей текста "Подростка" показывает, что требования писателя к стилю ("тону и слогу") речи своего героя-рассказчика оказались воплощенными в максимальной степени: на протяжении всего большого повествовательного пространства текста романа мы обнаружим необходимые структурные признаки речи от 1-го лица, ведущейся рассказчиком о самом себе;

' Далее в квадратных скобках указываются только том и страницы.

языковыми и стилистико-композиционными средствами рисуется сама его речь и строится емкий художественный образ повествующего героя.

Повествовательная форма в романе "Подросток" и сближается с повествовательной формой (в ее общих чертах) в романах "Бесы", "Идиот", "Братья Карамазовы", и в то же время отличается от нее, что связано, соответственно, со сходством и различием между повествовательными формами исповеди и сказа.

Общей особенностью повествовательной структуры романа "Подросток" и- трех других названных романов Достоевского является субъектная организация их текстов: речь от первого лица.

Писать "без слога", избегать "литературных красот" - сознательная установка как писателя, так и самого героя-рассказчика в романе "Подросток" ([Лит. наел. 1965: 96]; [13:5]. И действительно, рассказ Подростка несет в себе стилевые признаки непринужденно-разговорной, неприглаженной, торопливой речи, например:"(...) ничего нет глупее, как называться Долгоруким, не будучи князем. Эту глупость я таскаю на себе без вины" [13:7]; "У меня бывает счет и в одном знатном ресторане, но я еще тут боюсь, и, чуть деньги, сейчас плачу (...)" [13:163]; "Она очень слушала, что он говорил. С того раза с скамейкой она стала к нему чрезвычайно и как-то робко почтительна (...)" [13:329]. Повествующая речь Подростка экспрессивна, эмоциональна: "Отворилась боковая дверь и - *та женщина появилась*."* [13:34]; "И что за тон был тогда у меня, что за приемы!" [13:177]; "Я, разумеется, побежал к Версилову. Но такое коварство! такое коварство!" [13:259]; "Я вскипел. Это была такая обида! (...) И вдруг сорок рублей через лакея, в переднюю, да еще после десяти минут ожидания, да еще прямо из рук, из лакейских пальцев, а не на тарелке, не в конверте!" [13:399]. Имитируется течение живой, "наивной" речи, невозможной для "правильно ведущего свой рассказ автора" [Лит. наел. 1965: 145] - с уклонениями от "ровности и системы рассказа" [Лит. наел. 1965: 177], с отсылками к последующему тексту, с "множеством недосказанностей" [Лит. наел. 1965: 96]: "Потом объясню в своем месте, какой он мог иметь тут расчет" [13:276]; "Впрочем, об этом впоследствии (...) [13:293]; "Здесь опускаю одно место (...) [13:324]; "О том, как подействовало все это "известие" на меня, - расскажу потом, в своем месте (...)" [13:387], "Тут я подробно не стану и не могу описывать" [13:437]; "Затем не стану описывать всего этого утра (...)" [13:406]; "Не стану описывать сцены в полной подробности (...)" [13:440]. Рассказчик "Подростка", подобно автору романа (ср.: "Фабулу! Фабулу!" [Лит. наел. 1965: 94]; "Но затем *фабулу, фабулу],* которую развивать страшно сжато, последовательно и неожиданно" [Лит. наел. 1965: 96]. делает самому себе "редакторские" указания: "А теперь - к делу, и факт за фактом" [13:327]; "Фактами, фактами!.." [13:394]; "Теперь опишу всю последовавшую безумную сцену, жест за жестом, слово за словом (...)" [13,407].

Принципу "речи от Я" подчинена и внешняя организация всего повествования в "Подростке". Изложение разветвленного, сложного, "авантюрного" сюжета большого романа иерархически распределено между двумя ракурсами изображения: с присутствующим и - отсутствующим героем-рассказчиком. "Присутствующий" рассказчик - непосредственный свидетель и участник событий, эпизодов, сцен. Изображение происходящего с позиции героя-очевидца, естественно, преобладает в романе. Затруднения же в рассказе о том, что происходило "за кадром", преодолеваются с помощью разнообразных композиционных приемов. Это, например, ретроспективные отступления от исходного пункта рассказа - 19-го сентября прошлого года - как в рамках основного повествования героя, так и в его прямой речи (ср. рассказ Подростка "о том, как один отец в первый раз встретился со своим милым сыном" [13:91-99], восстановление некоторых фактов по воспоминаниям героя, сокращенное, в виде entrefilet изложение рассказчиком событий, прошедших в период между описываемыми эпизодами (ср.: "{...) сделаю так, как бы и не я писал, без участия моего сердца, а вроде как бы entrefilet в газетах" [13:322]; форма рассказа в виде entrefilet предусматривалась писателем: см.: [Лит. наел. 1965: 240, 246, 390]), а также краткий

рассказ о последующих событиях (ср.: "О, какая адская вышла тут махинация! Остановлюсь здесь и объясню ее всю вперед, так как иначе читателю было бы невозможно понять" [13:421]). Употребляется и примитивный прием подсматривания и подслушивания героем сцен и разговоров, происходящих без его участия: разговора Татьяны Павловны с Ахмаковой о "документе" ("Почему я не пошел к ним навстречу, а спрятался,- не знаю (...)" [13:127], свидания Версилова с Ахмаковой ("Я понимал, что я подслушиваю, подслушиваю чужую тайну, но я остался" [13:413], сцены между Ламбертом и Ахмаковой ("(...) я скользнул (...) в ту самую каморку, в которой (...) я уже раз нечаянно подслушивал" [13:443]). Широко используются в ходе повествования и проясняющие сюжет сообщения других персонажей романа- ср., например, рассказ Крафта Подростку о том, что было с Версиловым в Эмсе [13:56-60], сообщение Версилова Подростку о намерении Анны Андреевны выйти замуж за старого князя Сокольского [13:242] или сообщение Анны Андреевны Подростку о том, что Версилов сделал предложение Ахмаковой [13:411]. Можно сказать, таким образом, что Подросток как повествующий субъект, подобно эпическим рассказчикам других романов Достоевского, держит в своих руках все нити развертывающегося перед нами сюжета.

Вместе с тем, герой-рассказчик "Подростка" ведет речь не только от своего имени, но и главным образом о себе самом: он и субъект и объект повествования. Отсюда, по сравнению с формой сказа, представленной в других романах с рассказчиком, перед нами форма речи-исповеди, в которой внимание повествующего сконцентрировано на своей личности, поставленной в центре описываемых событий. Вот характерная запись Достоевского: "(...) Тон таков. (...) рассказ обо всех лицах *второстепенно. Первостепенно* лишь о подростке, т.е. поэма посвящена ему. Он герой" [Лит. наел. 1965: 180]. Правда, сам Подросток не хотел бы быть "героем" своих записок: "Я описываю и хочу описать других, а не себя, а если все сам подвертываюсь, то это - только грустная ошибка (...)" [13:280]. Но он же утверждает в другом месте своих "записок": "(...) я сел писать, чтоб судить себя" [13:363].

Постепенно, в процессе рассказа героя, раскрывается его внутренний мир: его мысли, умозаключения, его самооценки, оценки других людей и происходящих вокруг событий, его чувства, настроения, переживания.

Рассуждающая речь героя диалогична, насыщена полемикой с самим собой и с другими. Полностью справедлива общая характеристика этой речи, данная М.М. Бахтиным: «Рассказ "Подростка", особенно в начале, как бы снова возвращает нас к "Запискам из подполья": та же скрытая и открытая полемика с читателем, те же оговорки, многоточия, то же внедрение предвосхищаемых реплик, та же диалогизация всех отношений к себе самому и к другому» [Бахтин 1963: 331]. Вот лишь один характерный пример: «Чем нажил нищий свои деньги, как не фанатизмом характера и упорством? Неужели я хуже нищего? "А наконец, пусть я не достигну ничего, пусть расчет неверен, пусть лопну и провалюсь, все равно - я иду. Иду потому, что так хочу". Вот что я говорил еще в Москве. Мне скажут, что тут нет никакой "идеи" и ровнешенько ничего нового. А я скажу, и уже последний раз, что тут бесчисленно много идеи и бесчисленно много нового» [13:71]. Сравни отрывок из внутреннего монолога Подростка - речи, обращенной к себе: "Стыдно немножко, а впрочем - ничего, заглажу. Не стыдитесь, не терзайте себя, Аркадий Макарович. Аркадий Макарович, вы мне нравитесь. Вы мне очень даже нравитесь, молодой мой друг. Жаль, что вы - маленький плутишка (...)" [13:361]. Но постоянным, на протяжении всего романа, адресатом, прямым или косвенным, автора "записок" является читатель. Подросток озабочен реакцией читателя на сказанное, стремится что-то разъяснить ему, фиксирует на чем-то его внимание, вовлекает его в свои рассуждения. Всего несколько примеров: "(...) читатель, может быть, ужаснется откровенности моей исповеди и простодушно спросит себя: как это не краснел сочинитель?" [13:72]; "Но я опять, предупреждая ход событий, нахожу нужным разъяснить читателю хотя бы нечто вперед (...)" [13:402]; "Это я очень прошу заметить читателя: было же тогда, я

полагаю, без четверти десять часов" [13:439]; "Господа, неужели независимость мысли, хотя бы и самая малая, столь тяжела для нас? Блажен, кто имеет идеал красоты, хотя бы даже ошибочный!" [13:77]. Примечательна, впрочем, такая оговорка повествователя: "(...) если я иногда обращаюсь в записках к читателю, то это только прием. Мой читатель - лицо фантастическое" [13:72].

Повествование в "записках" Подростка пронизано его живой мыслью. Аркадий Макарович Долгорукий - не просто герой романа: он - герой с оригинальной идеей. "Поэма в подростке и в идее его или лучше сказать, - подростке единственно как в носителе и изобретателе своей идеи", — читаем в подготовленных материалах к "Подростку" [Лит. наел. 1965: 212]. Герой романа подробно разъясняет свою идею - "стать Ротшильдом" [13:66-77, 451], которая затем, при "столкновении с жизнью", "подвергается ущербу и потрясениям" [Лит. наел. 1965: 212]. Но и вообще - Подросток размышляет постоянно, на протяжении всей описываемой им романной интриги. Он осмысляет создавшиеся ситуации: «Замечу здесь лишь для себя: были, например, мгновения, по уходе Лизы, когда самые неожиданные мысли целой толпой приходили мне в голову, и я даже был ими очень доволен. "Ну, что я хлопочу, - думал я, - мне-то что? У всех так ш и почти. Что ж такое, что с Лизой это случилось? Что я "честь семейства", что ли, должен спасти?» [13:240]; «"И пусть, пусть *она* располагает, как хочет, судьбой своей, пусть выходит за своего Бьоринга, сколько хочет, но только пусть он, мой отец, мой друг, более не любит ее", - восклицал я» [13:3891. Он оценивает, стремится объяснить поведение других персонажей: «"Почему она (Ахмакова) так непременно должна была верить в меня, как я в нее, в мою "чистоту", не побояться "пылкости" и не заручиться Татьяной? Я еще не заслужил этого в ее глазах"» [13:225-226]; "Я остался один, взволнованный и смущенный. Положительно я не знал, чему приписать такое в ней волнение (...)" [13:368]. Подросток любит обобщать свои наблюдения - например, о "раннем деловом петербургском утре" [13:112]. о своем пристрастии к игре ("Неужели я рожден игроком?" [13:251]); афористический характер носит его "тирада о смехе": "Хорошо смеется человек - значит хороший человек" [13:285], "(...) смех есть самая верная проба души" [13:286]; примечательны такие, например, умозаключения и сентенции: "Может, я очень худо сделал, что сел писать: внутри безмерно больше остается, чем то, что выходит в словах" [13:36]; "Рассказывать иные вещи почти невозможно. Именно те идеи, которые всех проще, всех яснее, - именно те-то и трудно понять" [13:65]; "Есть случаи, в которых победитель не может не стыдиться своего побежденного (...)" [13:308]. Важным аспектом мыслительной деятельности Подростка является оценка его поступков и мыслей в хронологической перспективе: с позиции "теперь, когда я пишу мои записки" по отношению к "тогда, когда это происходило": "И что за тон был тогда у меня, что за приемы! (...) Ох, если б была возможность все теперь переделать, как бы я сумел держать себя иначе!" [13:177]. Герой или теперь понимает то, чего тогда не понимал, или узнает о том, чего не знал, или оценивает по-другому "тогдашние" факты, или, наоборот, подчеркивает их одинаковое восприятие, ср.: "Теперь мне понятно: он (Версилов) походил тогда на человека, получившего дорогое, любопытное и долго ожидаемое письмо (...)" [13:222]; "Владей он (Версилов) тогда собой более (...), он не сделал бы мне этого вопроса о документе (...) Впрочем, я говорю лишь теперь; но тогда я не так скоро вникнул в перемену, происшедшую с ним (...)" [13:224]; "Я очень припоминаю теперь странный взгляд исподлобья Марьи; но, разумеется, тогда мне еще ничего не могло зайти в голову. Напротив, меня вдруг кольнула другая мысль (...)" [13:429]. Подобных сопоставлений по формуле "тогда - теперь" в тексте "Подростка" насчитывается не менее сорока. Сопоставление тех же двух временных позиций характерно и для повествования, ведущегося хроникером в романе "Бесы". Но если для хроникера "Бесов" позиции "тогда" - "теперь" остаются чисто временными, не затрагивающими его внутренних, душевных качеств, остающихся неизменными, то для героя-рассказчика "Подростка" его оценки, относящиеся к разным временным периодам, непосредственно связаны со статусом его личности: он теперь

не тот, каким был югда: ^Главное, мне то досадно, что, описывая с таким жаром свои собственные приключения, я тем самым даю повод думать, что я теперь такой же, каким был тогда. Читатель помнит, впрочем, что я уже не раз восклицал: "О, если б можно было переменить прежнее и начать совершенно вновь!" Не мог бы я так восклицать, если бы не переменился теперь радикально и не стал совсем другим человеком» [13:280-281]. И еще:"(...) я писал, слишком воображая себя таким именно, каким был в каждую из тех минут, которые описывал. Кончив же записки и дописав последнюю строчку, я вдруг почувствовал, что перевоспитал себя самого, именно процессом припоминания и записывания" [13:447]. Такая установка на "раздвоенное" представление своей личности в исповеди героя входила, естественно, в замысел писателя: "Но тон рассказа в том, что все это *год назад* было, т.е. он и теперь, и год спустя, в своем роде тоже подросток, но на того подростка, который год назад, смотрит свысока. N3. Это замечание он и сам может сделать (написать) в записках" [Лит. наел. 1965: 148]; ср. также: «Грубый и нахальный тон подростка в начале записок должен (...) измениться в последних частях. "Не напрасно я сел писать, я просветлел духом и теперь ярче и вернее чувствую (...)"» [Лит. наел. 1965: 258]. Автор "исповеди" склонен к самоанализу, к самохарактеристикам: "Да. я сумрачен, я беспрерывно закрываюсь (...) Я, может быть, и буду делать добро людям, но часто не вижу ни малейшей причины им делать добро" [13:72]; "Главное, я никак не умею держать себя в обществе" [13:229]. Часто, в процессе рассказа, он фиксирует свое душевное состояние, свои ощущения и настроения в момент происходящего: "Я был чист в ту минуту, клянусь" [13:204]; "Я пустился домой; в моей душе был восторг" [13:209]; "Я слишком помню скорбь и грусть, по временам хватавшую меня за сердце во все эти часы у стола" [13:265]; "(...) я задыхался от какого-то чувства бесконечно преувеличенной надменности и вызова. Я не помню даже времени в целой жизни моей, когда бы я был полон более надменных ощущений, как в те первые дни моего выздоровления (...)" [13:281 [; "Не стыдился я сам и себя самого! Я сам был судьею себе, и- о боже, что было в душе моей! Но не стану описывать этого адского, нестерпимого чувства и этого сознания грязи и мерзости" [13:420].

Выше было показано, как в процессе исповедального повествования, ведущегося героем романа, рисуется его своеобразная речь, раскрываются его мысли и чувства, обнаруживается его отношение к себе и к другим. Тем самым создается, в целом, живой, выпуклый, описанный "изнутри" художественный образ героя-подростка, постепенно изменяющегося на наших глазах. Наблюдается, как и во многих других случаях, близкое соответствие достигнутого в произведении художественного результата замыслу писателя - ср. следующие записи в творческих рукописях Достоевского: "Таким образом сам собою *вырисовывается* тип юноши (и в *неловкости рассказа,* и в том: "Как жизнь хороша" и в необыкновенной серьезности характера. Художественность должна помочь. Но как в повестях *Белкина* важнее всего сам Белкин, так и тут прежде всего обрисовывается подросток") [Лит. наел. 1965: 96]: "Вообще это поэма о том, как вступил *подросток* в свет. Это история его исканий, надежд, разочарований, порчи, возрождения, науки- история самого милого, самого симпатичного существа. И жизнь сама учит, но именно его, подростка., потому что другого не научила бы" [Лит. наел. 1965: 112].

Как же в повествовательной структуре романа "Подросток, обнаруживается позиция автора-писателя - если вспомнить, что в романах с эпическим рассказчиком авторская позиция проявляется в недрах самого повествования? Очевидно, что речь эпического рассказчика, при общей выдержанности его стиля, допускает большую свободу стилевого варьирования, когда речь повествователя то замыкается рамками своего "тона и слога", то сближается с манерой собственно авторского повествования (что имеет место в трех названных романах Достоевского), - тогда как рассказ лирического героя в романе "Подросток" характеризуется цельностью и однородностью своего стилевого рисунка и не допускает, в принципе, стилевой дифференциации. Авторскому "голосу" нет места в тексте повествующей речи лирического рассказчика.

Для вмещения авторского голоса в текст "Подростка" Достоевским было найдено несколько условное композиционное решение: это - завершающие роман выдержки из письма Николая Семеновича, содержащего отзыв на присланную ему Подростком рукопись "записок". В этом заметно стилизованном письме звучат некоторые знакомые нам мысли самого писателя (например, о случайных семействах, о хаосе современной жизни), что было им заранее предусмотрено: "В финале. Подросток: Я давал читать мои записки одному человеку, и вот что он сказал мне (и тут привести мнение автора, т.е. мое собственное) [Лит. наел. 1965: 404][2].

Таким образом, анализ собственно повествовательной, текстовой структуры романов Достоевского, написанных от лица рассказчика, позволяет заключить, что для повествовательных текстов романов с эпическим рассказчиком ("Бесы", "Идиот", "Братья Карамазовы") характерна двусубъектность повествования, когда в речь рассказчика вмещаются стилистически отличные от нее отрезки авторского повествования; авторская позиция обнаруживается, соответственно, стилистически; повествовательный текст романа с лирическим рассказчиком ("Подросток") моносубъектен и стилистически однороден, авторская позиция в нем композиционно изолирована от основного рассказа и имеет содержательно-идеологическое выражение.

В заключение - еще одно примечательное высказывание Достоевского: "Чем познается художественность в произведении искусства? Тем, если мы видим согласие, по возможности, полное, художественной идеи с той формой, в которую она воплощена. Скажем еще яснее: художественность, например, хоть бы в романисте, есть способность до того ясно выразить в лицах и образах романа свою мысль, что читатель, прочтя роман, совершенно так же понимает мысль писателя, как сам писатель понимал ее. создавая свое произведение. Следственно, попросту: художественность в писателе есть способность писать хорошо" [18:801.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бахтин ММ. 1963 - Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.
Достоевский Ф.М. - Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1972-1990.
Лит. наел. 1965 - Творческие рукописи романа "Подросток" //Литературное наследство. М., 1965. Т. 77.
РозенОлюмЛ.М. -Творческие дневники Достоевского. М.. 1981.

- О соотношении позиции Николая Семеновича с позицией автора см.: Л.М. Розенблюм [1981:286].

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1995

© 1995 г. А.Д. ШВЕЙЦЕР

ИСТОРИЯ АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Среди диахронических исследований американского варианта английского языка преобладают работы, посвящанные отдельным уровням языка, отдельным языковым явлениям и отдельным регионам США. Наиболее заметное место среди них занимают исследования в области исторической фонетики и лексикологии. Первой такого рода работой было исследование А. Орбека, посвященное анализу особенностей произношения жителей Новой Англии в XVII в. на материале городских хроник [Orbeck 1927]. За ней последовали работы Г. Александера ("Язык протоколов суда над салемскими колдуньями") [Alexander 1928 : 390-400], историческое исследование английского языка в Северной Каролине Н. Элиасона [Eliason 1956], неопубликованная диссертация Э. Стивенсона о произношении жителей Северной Каролины в ранний период становления американского варианта [Stephenson 1958] и работы Э. Сен, посвященные вариативности ранних американских диалектов английского языка [Sen 1974 : 41^47] и их реконструкции [Sen 1978 : 50-62].

В значительно меньшей степени подвергались анализу изменения в области морфологии. Это, по-видимому, объясняется тем, что коренные изменения морфологической структуры английского языка, связанные с разрушением системы флексий, произошли еще до колонизации Северной Америки, и различия в этой области между американским и британским вариантами английского языка касаются, в основном, отдельных словоформ [Швейцер 1963]. В то же время формирование некоторых расхождений между ними в области аналитических форм заслуживает внимания исследователей.

Что касается изменений в области синтаксиса, то здесь, по сути дела, сделаны лишь первые шаги. Так, например, представляют определенный интерес работы финского англиста М. Риссанена, посвященные правилам выбора относительных местоимений в американском английском языке XVII в. [Rissanen 1984] и использованию в нем перифрастического *do* в утвердительных предложениях [Rissanen 1985].

Вместе с тем до последнего времени отмечалось отсутствие диахронических исследований, построенных на широком языковом материале и на параллельном анализе американских и британских источников, не ограничивающихся сопоставлением двух синхронных срезов - XVII и XX вв. - и прослеживающих динамику эволюции сопоставляемых явлений в обоих вариантах.

Впрочем в последние годы наметились обнадеживающие изменения. Так, заметным явлением в области исторического исследования английского языка в Америке стала фундаментальная работа финского лингвиста М. Кютэ "Вариативность и диахрония на материале раннего английского языка в Америке" [Кую 1991]. Это исследование диахронной вариативности посвящено двум темам - развитию модальных глаголов *can {could), may (might), shall (should)* и *will (would)* и становлению раннего американского английского как нового варианта английского языка в XVII в.

На основе социально-исторического анализа языковой вариативности автор прослеживает диахронные изменения с учетом взаимодействия языковых и внеязыковых факторов. В работу вводится социолингвистическое измерение: в ней сопоставляются тексты различных жанров, характеризующиеся разной степенью официальности (част-

ные и официальные письма, дневники, исторические хроники, повествования, завещания, показания свидетелей, проповеди и др.) и отражающие в известной степени социальный статус и другие социальные характеристики их авторов. Данные анализа ранних американских текстов сравниваются с данными, полученными в результате анализа британских текстов того же периода. Другим перспективным направлением изучения истории американского варианта английского языка является программа многостороннего сопоставительно-исторического анализа, предложенная М. Монтгомери в его статье "Исследование истоков английского языка Аппалачей" [Montgomery 1989]. В основе этой программы лежат следующие процедуры: 1) использование внутренней реконструкции для обеспечения сопоставимости сравниваемых вариантов английского языка (в идеале это требует выявления парадигматического распределения их грамматических признаков и их синтагматических ограничений, а также определения (по возможности на основе количественного анализа) относительной силы некатегориальных ограничений; 2) решение конкретных проблем сопоставительного грамматического исследования (таких, как уточнение контекста сопоставляемых грамматических форм с тем, чтобы гарантировать их семантическую эквивалентность, обеспечение достаточного количества достоверных данных, стилистическая и социолингвистическая характеристика сопоставляемых форм, учет возможности намеренного исключения этих форм из письменных памятников ввиду их стигматизации); 3) интерпретация результатов сопоставления (в частности, решение вопроса о том, какие сопоставительные данные могут служить основанием для вывода о том, что сходство сопоставляемых разновидностей английского языка является результатом диффузии; 4) экстраполяция данных лингвистического сопоставления на соответствующий культурный контекст.

Все это позволит, по мнению Монтгомери, ответить на следующие вопросы:

1) Какие имеются доказательства "трансатлантических" связей между сопоставляемыми вариантами английского языка?

2) Чем объясняются эти связи?

3) Как эволюционировали модели английского языка Старого света в ситуации междиалектных контактов и смешения диалектов?

Несомненным достоинством работ Монтгомери, некоторые из которых будут рассмотрены ниже, является последовательное сопоставление анализируемых форм с учетом их типовых контекстов на различных этапах их развития.

Большинство дискуссионных вопросов, связанных с историей американского варианта английского языка, обусловлено различием взглядов на происхождение его отличительных черт. В литературе известны попытки свести их формирование либо к влиянию тех или иных диалектов Великобритании, либо к характерному для частично изолированных от метрополии речевых коллективов отставанию в восприятии возникающих в культурных центрах инновационных процессов (так называемому "колониальному отставанию" - colonial lag), либо к смешению диалектов, ведущему к образованию единого койне, либо к воздействию языковых контактов. Влияние всех этих факторов на формирование американского варианта английского языка не подлежит сомнению. Однако удельный вес каждого из них и соотношение между ними до сих пор остаются невыясненными.

Рассмотрим вопрос о влиянии территориальных диалектов Великобритании на формирование специфических черт английского языка в Америке. В течение длительного времени среди американских диалектологов господствовала точка зрения, согласно которой решающая роль в их образовании принадлежала первоначальным поселениям на восточном побережье США. Так, известный американский диалектолог Р. Макдевид среди важнейших причин диалектной вариативности английского языка в США первое место отводит распространению в них диалектов Великобритании. "Поселяясь в новом районе, - писал он, - иммигранты привозят с собой присущие им формы речи. Подобно тому, как исследователи немецких диалектов исходят из расселения германских племен в V и VI вв. и определяют современные черты немецкого языка

как черты франконского или алеманского происхождения, мы часто можем проследить корни тех или иных признаков современных американских диалектов в ранних поселениях, скажем, выходцев из Восточной Англии или Северной Ирландии" IMcDavid 1980 : 54].

Было принято считать, что решающую роль в формировании диалектных различий в американском варианте английского языка сыграли связи английских колоний в Северной Америке с теми или иными регионами Великобритании. Одним из первых эту концепцию сформулировал основоположник американской лингвистической географии Г. Курат, искавший корни различий между региональными типами американского произношения в тех или иных диалектах Англии. В подтверждение своей гипотезы Курат ссылался на вокализацию поствокального /r/ в восточных районах Новой Англии и на юго-востоке США. Причиной этого послужило, по его мнению, то обстоятельство, что основная масса иммигрантов, заселявших эти районы, была выходцами из южных и юго-восточных районов Англии, т.е. именно из тех графств, где сформировался "безэрный" тип произношения. С другой стороны, в среднеатлантических штатах, где наряду с выходцами из южных графств обосновалось немало иммигрантов из северных графств и Шотландии, сформировался иной тип произношения, характеризующийся наличием поствокального /r/ [Kurath 1928 : 35].

Вместе с тем многим исследователям уже давно стала ясной несостоятельность попыток установления прямолинейных связей между диалектной структурой английского языка в Америке и структурой британских диалектов. Так, еще в 1953 году Э. Этвуд высказывал сомнения относительно возможности установления четких языковых корреляций между теми или иными регионами Англии и ее североамериканскими колониями [Atwood 1953]. Одной из причин этого была диалектная разнородность ранних английских поселений в Северной Америке. Этот факт отмечал в своей работе 1927 года о языке первых английских поселенцев Новой Англии А. Орбек JOrbeck 1927 : 112], предполагавший, что в нем нашли свое отражение черты восточно-центрального и - в меньшей степени - южного и юго-восточного диалектов Англии.

Процессу смешения диалектов способствовала также и последующая миграция жителей первоначальных поселений в другие районы, где перекрещивание миграционных потоков влекло за собой не менее интенсивные междиалектные контакты. Так, например, основными источниками заселения района Великих Озер и долины Миссисипи были, с одной стороны, западная часть Новой Англии и примыкающая к ней северная часть штата Нью-Йорк, а, с другой, южно-среднеатлантический район (South Midland). В процессе заселения центральных районов Огайо, Индианы и Иллинойса пересекались миграционные потоки из Новой Англии, Кентукки и Пенсильвании [McDavid 1980 : 504-505].

Проблеме вторичного распространения диалектизмов с различными миграционными потоками посвящено специальное исследование Дж. Вуда [Wood 1977]. В нем прослеживается смешение лексических элементов южных и среднеатлантических диалектов в тех районах американского Юга, которые были заселены после 1800 г. (Алабама, Арканзас, Флорида, Джорджия, Луизиана, Миссисипи, Оклахома и Теннесси). Первые потоки, достигшие глубиных районов США, начинались не на юге атлантического побережья, а в средне атлантическом регионе. Именно отсюда в глубь южного ареала проникли такие характерные для среднеатлантических штатов диалектизмы, как *tow sack* "джутовый мешок", *French harp* "губная гармошка", *redworm* "дождевой червь", *fireboard* "каминная доска". Вместе с тем более поздние миграции из прибрежных южных штатов также оставили заметные следы в глубинных районах Юга {*crocker sack* "джутовый мешок", *lightwood* "растопка", "щепки", *low* "мычать", *snapbeans* "волокнистая фасоль", *fritters* "лепешка из кукурузной муки"). В результате в некоторых районах образовался южный суперстрат, а в других сохранилась среднеатлантическая диалектная лексика.

Таким образом, на первичный слой языковых форм, образовавшихся в результате

контактов между выходцами из различных диалектных ареалов Великобритании, накладывается вторичный слой, возникший в результате дальнейших миграций жителей первых поселений в глубь континента. Взаимопроникновение элементов разных диалектов создает сложную Ситуацию, при которой часть признаков, приписываемых отдельным территориальным диалектам, оказывается общей для нескольких диалектов. Так дифтонг /ei/ в *Mazy* палатализованные аллофоны /к/ и /g/ в *car, garden, he belongs to be careful* "ему следует остерегаться", *he fell outn the bed* "он упал с кровати" и *tote* "носить" представляют собой общие элементы всей южной группы диалектов.

Порой изоглоссы ряда различительных элементов не только выходят за пределы отдельных диалектных ареалов, но и вторгаются в ареалы других диалектных групп. Например, такие черты, как форма *you-all* (2-е лицо мн. числа), *mought* (вместо *might), I might could u clabber* "простокваша" объединяют диалекты юга и южной части среднеатлантического ареала [Швейцер 1983 : 146]. Из сказанного, разумеется, никак не следует, что различительные языковые признаки тех или иных североамериканских ареалов вообще не обнаруживают корреляций с диалектами Великобритании. Дело лишь в том, что установление подобных корреляций порой сопряжено со значительными трудностями. Об этом, в частности, свидетельствует исследование М. Монтгомери, посвященное генезису дифференциальных признаков аппалачского диалекта [Montgomery 1991].

Язык Аппалачей, горного района, чье население, значительную часть которого составляют шотландцы - выходцы из Ольстера (the Scotch-Irish), характеризуется низкой мобильностью и значительной культурной однородностью. Для стабильности населения Аппалач характерно то, что среди местных жителей немало потомков первых поселенцев, помнящих свою родословную [Blanton 1985]. По мнению первых исследователей их языка, последний отличается обилием архаизмов и, как считали некоторые авторы, напоминает английский язык елизаветинской эпохи (Elizabethan English). Другие столь же прямолинейно характеризовали язык этого региона как "британский" или же "шотландско-ирландский". К сожалению, материал "Лингвистического атласа Соединенных штатов и Канады" (The Linguistic Atlas of the United States and Canada) сводился, в основном, к картографированию отдельных лексических единиц и не мог служить основой для системных сопоставлений. Фактически никто из исследователей не попытался выделить основные компоненты Appalachian English и определить соотношение между ними. Монтгомери первым поставил перед собой задачу идентифицировать элементы шотландско-ирландского (Scotch-Irish) и южно-английского происхождения и определить соотношение между ними. Помимо исторических словарей, исследователь использовал оригинальные источники и данные лингвистических исследований, сосредоточив свое внимание на 40 характерных грамматических признаков аппалачского диалекта. Вот примеры некоторых из них: 1) использование глагольного суффикса -* с существительными во множественном числе *(people knows),* исторически связанное с диалектами Шотландии и Северной Англии и впоследствии распространенное на английский язык Северной Ирландии; 2) двухчленные модальные глаголы типа *might would, might can, may would* и *should ought to,* использование которых документально подтверждено лишь в Шотландии, в Портумбрии (Англия) и в Северной Ирландии. Первый и второй признаки, несомненно, посходят к Scotch-Irish; 3) префикс *a-* в формах типа *a-working,* не отмечающийся в исторических памятниках английского языка Шотландии за исключением жанра баллад, тогда как в Южной Англии он фигурировал в народной речи в течение нескольких столетий.

Общие итоги исследования таковы: из 40 рассмотренных признаков 17 восходят к Scotch-Irish, 4 - к Южной Англии, 13 являются общебританскими и 6 - неустановленного происхождения. Отсюда следует вывод о том, что шотландско-ирландские черты значительно перевешивают южноанглийские среди специфических признаков аппалачского диалекта, а также о том, что многие грамматические черты являются общими для двух основных групп носителей данного диалекта (выходцев из Ольстера и из Южной Англии). Данные, полученные Монтгомери, ставят под сомнение общераспро-

страненное мнение американских диалектологов о том, что исконные диалектные черты речи североамериканских поселенцев были полностью нивелированы в колониальный период.

Вопрос о нивелировании, или "койнеизации" (koineization), американского английского языка колониального периода до сих пор является предметом споров. Идею возникновения единого койне на базе различных изначальных диалектов впервые выдвинул Э. Рид, который еще в 1933 году отмечал, что "отсутствие диалектов сейчас считается нормальным для любого колониального языка. В процессе столкновения речевых черт, импортированных из многих регионов, происходит быстрое стирание специфических признаков, и возникает состояние, приближающееся к однородному" [Read 1933]. Наиболее категорично эту точку зрения выразил Дж. Диллард, пришедший к выводу о том, что стадия окончательного формирования койне была достигнута к середине XVIII в. [Dillard 1975 : 50]. Диллард допускает существование известной социальной и этнической вариативности английского языка в этот период, но категорически отрицает региональную вариативность. По его мнению, "американское койне" было широко распространено во всех американских колониях, тогда как региональные разновидности американского варианта английского языка возникли лишь в XIX в. Что же касается отличительных признаков первоначально существовавших в колониях британских диалектов, то они, по его мнению, были полностью утрачены в результате междиалектных контактов.

Сходную точку зрения высказывает известный английский социолингвист П. Традгилл [Trudgill 1986 : 127], приводящий ряд примеров койнеизации - "процесса смешения, выравнивания и упрощения" диалектов в колониальных ситуациях. В отличие от Дилларда, Традгилл полагает, что койнеизация происходила постепенно. Его гипотеза, опирающаяся, в основном, на данные XX века, нуждается в документальном подтверждении. Остается неясным, как быстро и когда именно произошла койнеизация, можем ли мы говорить о едином койне, существовавшем во всех колониях и был ли этот процесс столь основательным, как полагают цитированные выше лингвисты. Анализируя аргументацию сторонников теории полной койнеизации исходных диалектов жителей американских колоний, М. Монтгомери [Montgomery 1992] приходит к выводу о том, что исполозуемые ими доказательства базируются почти исключительно на интерпретации утверждений путешественников в сочетании с оценкой современной языковой ситуации. Однако для того, чтобы доказать или опровергнуть факт полной койнеизации необходимо, во-первых, документально установить исходные диалекты поселенцев и различия между ними на раннем этапе, во-вторых, документально подтвердить сохранение первичных языковых форм и моделей после периода колонизации и, в-третьих, разработать сценарий, при котором языковые модели меньшинств могли бы сохраниться за пределами изолированных языковых общностей. В качестве материала для исследования Монтгомери использовал письма выходцев из Ольстера, поселившихся в американских колониях в XVIII в. (общее число жителей Ирландии, переселившихся в Америку в этот период, составляло около четверти миллиона, т.е. примерно четверть общего числа англоговорящих переселенцев).

В качестве примера Монтгомери приводит одну из черт англоирландского диалекта (Irish English) - правило согласования подлежащего и сказуемого, согласно которому глагольный суффикс *s* использовался в двух грамматических контекстах: при подлежащем во множественном числе за исключением местоимения *they* и во всех случаях независимо от числа и типа подлежащего, если глагол не примыкал к подлежащему. Таким образом, первое ограничение связано с типом подлежащего, а второе с позицией глагола по отношению к нему. Например: *These People has killed and taken 13 Cherokees this spring; They are all gone and agoing; They have behaved well in general and is clear of censure.*

Согласно данным дальнейшего исследования, первое ограничение отмечалось в письмах на протяжении всего XIX в. не только в Аппалачах и районе Верхнего Юга, но и во всех южных штатах. Второе также встречалось в этот период в письмах

белых южан и в какой-то мере рабов. Однако в материалах XX в. оно отсутствует. Переход от системы согласования, основанной на типе подлежащего и на близости к нему, к системе, основанной,на числе, протекал медленно и в некоторых разновидностях американского варианта был лишь частичным. Так, в аппалачской речи ограничение, связанное с типом подлежащего, сохраняет свою силу. Поскольку подсистемы американского варианта, первоначально ориентировавшиеся на систему глагольного согласования англоирландского диалекта, приблизились к общеамериканской модели, можно в известном смысле говорить о нивелировании этих подсистем. Но термин "упрощение" едва ли подходит к этому явлению. Речь идет скорее всего о сдвиге, связанном с переходом от одной системы согласования к другой. Во всяком случае, вопреки утверждению Дилларда, "койнеизация" ни в коем случае не ограничивалась XVIII в.

Устойчивость британских региональных моделей в языке и культуре американцев традиционно приписывалась действию географических факторов, в особенности, изоляции. М. Монтгомери полагает, что социальная динамика колониальной ситуации языковых и диалектных контактов обладает большей объяснительной силой, чем гипотеза о койнеизации. Он считает, что при оценке устойчивости исконных форм, восходящих к британским диалектам, необходимо учитывать такие факторы, как стилистическую дифференциацию языка американцев на всех этапах его становления (койнеизация, по-видимому, быстрее развивалась в официальной речи, а исконные формы чаще сохранялись в бытовой), престижность, которая могла играть значительную роль как при сохранении тех или иных форм, так и при их изъятии из письменных документов, тенденцию к поддержанию единства национальных и этнических групп иммигрантов и региональное соперничество, которое, вопреки предположениям Дилларда, могло способствовать выборочному сохранению региональных британских моделей.

Сказанное, разумеется, касается лишь сохранения отдельных исконных форм, но не исконных диалектов в целом. Сам по себе процесс койнеизации не отрицает и Монтгомери. Сомнения (причем вполне обоснованные) вызывают лишь утверждения Дилларда о завершении процесса койнеизации в XVIII в. и о его тотальном характере. К этому следует добавить и то, что в высшей степени сомнительны его гипотезы о едином койне на всей территории американских колоний и о неожиданном появлении в XIX в. территориальных диалектов. Известно, что нынешняя региональная дифференциация английского языка в США отражает (пусть в модифицированном виде) его региональную вариативность на ранних этапах его становления в Северной Америке. Это прекрасно доказали американские диалектологи и, в первую очередь, Г. Курат. показавший, в частности, непосредственную связь между образованием двух диалектных ареалов на территории Новой Англии и историей ее заселения: "Прошло почти полтора века, - писал он, - прежде чем население района Массачусетского залива достаточно расширилось в западном направлении, чтобы соединиться с поселениями в низовьях реки Коннектикут. За время жизни трех или четырех поколений в районе Бостона, с одной стороны, и в районе Хартфорда, с другой, образовались различные, более или менее разнородные диалекты; и до сих пор восточная и западная Новая Англия говорят на заметно отличающихся друг от друга диалектах" [Kurath 1961 : 14]. Наиболее ранней гипотезой относительно происхождения различительных элементов английского языка в Северной Америке является та, согласно которой дифференциальные признаки американского варианта представляют собой реликты ранненовоанглийского языка, сохранившиеся в американском узусе и вышедшие из употребления в Англии. Эту мысль одним из первых высказал известный американский лингвист У. Уитни, считавший, что в американском английском языке прослеживаются элементы литературного английского языка периода колонизации Америки. К сожалению, Уитни не подкрепил свою гипотезу анализом языкового материала [Whitney 1870 : 170-174].

С мнением Уитни перекликается более развернутая гипотеза, предложенная иссле-

дователем исторической фонетики английского языка А. Эллисом, который писал: "Если группа эмигрантов не ассимилируется с другой нацией, то процесс развития ее языка задерживается, и язык эмигрантов в течение длительного времени остается на той же стадии, на которой он находился в период эмиграции. Он изменяется более медленно, чем язык метрополии..." [Ellis 1869 : 2, 19]. Отмеченную им закономерность Эллис иллюстрирует такими примерами, как исландский язык, более архаичный, чем другие скандинавские языки, и английский язык в США, более архаичный, по его мнению, чем английский язык Великобритании. Сходную модель, но в более осторожной формулировке мы находим у Г. Суита, который считал, что в некоторых случаях английский язык в Америке более архаичен, чем английский язык Англии, хотя менее архаичен, чем английский язык в Ирландии [Sweet 1892 : 224]. Впоследствии в лингвистической литературе эволюция английского языка в Америке, связанная с "задержкой развития" (arrest of development), получила название "колониального отставания" (colonial lag). Этот термин был введен А. Марквардтом [Marckwardt 1958, ch. 4] и означал ситуацию, при которой язык метрополии развивается в новых направлениях, тогда как колонисты продолжают использовать старые формы языка и усваивают новые лишь позднее, а иногда не воспринимают их вообще. Необходимо отметить, что Марквардт прекрасно понимал, что развитие языка, естественно, не прекращалось и что "неверно полагать, будто какая-либо разновидность английского языка в Америке сохранила без каких бы то ни было изменений язык XVI или XVII века" [Marckwardt 1958 : 70].

Иную точку зрения относительно формирования отличительных черт американского варианта высказал в свое время Дж.П. Крэпп, считавший дифференциальные признаки американского варианта результатом самостоятельного развития речи англоязычного населения Северной Америки. Те случаи, когда американский и британский варианты английского языка были охвачены одинаковыми или сходными процессами, Крэпп склонен объяснять как параллелизм в развитии двух разновидностей одного и того же языка, а не как результат британского влияния на речь американцев [Krapp 1925 : 35].

Убедительной критике теорию "колониального отставания" английского языка в Америке от английского языка Великобритании подверг немецкий ученый М. Горлах. "Это понятие и обозначаемое им явление, - пишет он, - являются мифом в свете достоверно установленных фактов, характеризующих варианты английского языка". Анализируя расхождения в звуковых системах американского и британского вариантов, он отмечает, что "в американском произношении по меньшей мере столько же инновационных, сколько рецессивных черт" [Gorlach 1987 : 47, 55].

Мнение Горлаха подтверждает, в частности, исследование Л. Блэнтон [Blanton 1985], материалом которой послужил язык жителей Бритата, одного из округов на юге Аппалачей. Этот район можно считать идеальным для проверки теории "колониального отставания". Заселенный в 1780 г. выходцами из Ольстера, которые подвергались гонениям у себя на родине и нашли убежище в этом малонаселенном и относительно изолированном горном районе, где основали относительно стабильные сельские общины, тесно спаянные социальным, культурным и этническим единством, Бритит с его стабильным, верным местным обычаям населением, казалось бы, имел все шансы стать своеобразной "лавкой древностей". Однако этого не случилось.

Блэнтон обнаружила следующие характерные признаки речи жителей этого графства:

1) отсутствие глагольного суффикса *-v* в 3-м лице единственного числа (*... a teacher that explain things);*

2) глагол с суффиксом *-s* при субъекте во множественном числе *(me 'n some boys-does...);*

3) неизменяемое *was (before you girls was born...);*

4) *don't* при субъекте в 3-м лице единственного числа *(he don't like for me to go...);*

5) *they's* вместо *there's;*

6) двойное сказуемое (*/ never had nowhere to sleep);*

7) *ain't* вместо *hasn't, haven't, aren't, isn't, am not;*

8) *liketo [liked to]* в значении "почти" (*/ liketofell over);*

9) префикс *-а* перед *-ing;*

10) ненормативный претерит (причастие вместо финитного глагола) (*/ don't know what she ever done);*

11) ненормативная форма причастия II (*/ had wrote out...).*

Все приведенные выше формы присутствуют в речи информантов из низших социальных групп, по крайней мере, еще в двух географических ареалах. Лишь пять из них представляют собой старые формы, до сих пор существующие в британских диалектах: *liketo, a* + verb + *ing,* двойное сказуемое, нестандартный претерит и нестандартное причастие. Эти формы документированы как реликтовые в "Оксфордском словаре английского языка" (OED).

Взгляд на американский вариант как на вариант более консервативный и архаичный, чем британский, представляется односторонним, поскольку он не учитывает всей совокупности исторических процессов. Например, некоторые представления о звуковой системе американского варианта как о более архаичной нередко основываются на поверхностных суждениях, порой не подкрепляемых данными фонологического анализа. Это достаточно убедительно показал Г. Пильх [Pilch 1955 : 85], который, в частности, опроверг представление об употреблении в США в словах *grass, half, can't* и др. того же гласного, что и в *hand, track, hag* как о реликте елизаветинской эпохи. На самом деле, как он полагает, нейтрализация в американском варианте ранненовоанглийской оппозиции долгого и краткого гласного в этих группах слов, качественно напоминавшего современный гласный в *hag,* представляет собой инновацию, тогда, как употребление долгого гласного в *grass* (такого же, как в *part)* и краткого, например, в *pat* теснее связано с фонологической системой ранненовоанглийского периода.

На наш взгляд, вопрос о том, является ли colonial lag мифом или реальностью, поставлен недостаточно корректно. Прежде всего, необходимо уточнить, о чем именно идет речь - об американском варианте в целом или о его отдельных элементах. Если имеется в виду то, что американский вариант в целом в какой-то период отставал в своем развитии от английского языка Великобритании, то такое утверждение, действительно, можно считать мифом. Но если речь идет о том, что отдельные специфические черты американского варианта связаны с тем, что та или иная возникшая в Англии инновация достигла североамериканских колоний с известным опозданием и распространилась в них лишь частично, то такие факты на самом деле имели место. Об этом, в частности, свидетельствует приведенный выше пример с вокализацией /r/, начавшейся на юге Англии и охвативший лишь отдельные ареалы Северной Америки (северо-восток и юго-восток).

Далеко не всегда наличие "колониального отставания" в формировании того или иного признака представляется окончательно установленным. Так, например, в своем интересном историко-контрастивном исследовании М. Кютэ [Kyto 1991] приходит к выводу о том, что употребление *will* в первом лице (т.е. */ will* вместо */ shall)* в колониальный период представляет собой результат "колониального отставания". Дело в том, что, по ее наблюдениям, употребительность этой формы в британском английском языке достигла своего пика в период с 1570 до 1640 г., после чего оно начало сокращаться. Тот факт, что в американских колониях в первый период их существования аналогичного возрастания употребительности *will* не наблюдалось, Кютэ склонна объяснить "колониальным отставанием". Такой вывод представляется спорным. Ведь сам автор считает началом существования нового варианта английского языка в северных колониях, которыми ограничивается исследование, 1620 год как год прибытия в Америку отцов-пилигримов [Kyto 1991 : 14]. 20 лет отдельного существования нового варианта - слишком короткий срок, чтобы можно было говорить о "колониальном отставании", особенно если учесть, что вскоре употребительность этой формы начала сокращаться и в самой Англии.

Более убедительными представляются полученные Кютэ данные, свидетельствующие о том, что в развитии у модального глагола *can* того же значения возможности, что у *may* британский вариант английского языка опережал американский.

Рассмотрим вопрос о степени влияния на английский язык в США других языков, с которыми он вступал в контакты. К ранним этапам истории английского языка в Северной Америке восходят его контакты с языками жителей соседних колоний европейских держав - Голландии, Испании и Франции. Расширение территории английских колоний, а впоследствии и нового государства - США за счет земель, принадлежавших ранее Франции, Голландии и Испании, сопровождалось дальнейшей экспансией английского языка, укреплением его господствующей роли в американском обществе. Показательно в этом отношении изменение языковой ситуации в Новом Амстердаме, стоявшем в XVI в. ка месте нынешнего Нью-Йорка и представлявшем собой, по свидетельству Ч. Лэрда, "настоящий Вавилон", где помимо речи хозяев колонии - голландцев звучала речь валлонов, французских гугенотов, немцев из Пфальца, португальцев и др. Для ведения официальной корреспонденции губернатор колонии Иохан Принтц был вынужден выписать секретаря, владеющего латынью, которая порой выполняла роль lingua franca. Ситуация в корне изменилась с приходом англичан, язык которых вскоре вытеснил нидерландский и другие языки этой территории [Laird 1970 : 107].

Кроме того, как известно, на протяжении всей истории Соединенных Штатов население этой страны пополнялось иммигрантами - сперва выходцами из стран Центральной и Западной Европы (Англии, Германии, Ирландии и др., а к концу XIX в. выходцами из Южной, Юго-Восточной и Восточной Европы (Италии, Австро-Венгрии, Польши и России). Вливаясь в американское общество, все эти группы попадали под влияние общеамериканской среды. В ходе их адаптации значительную роль играло овладение английским языком как важнейшим элементом процесса аккультурации. Знание английского языка давало вполне осязаемые преимущества и рассматривалось как непременное условие интеграции группы или индивида в рамках американского общества.

Языковые контакты между англоязычным обществом американского населения и языковыми меньшинствами носили в значительной мере односторонний характер. Они проявлялись, главным образом, в мощном воздействии английского языка на язык иммигрантов. Это воздействие проявлялось, в частности, в значительной интерференции, которую испытывали эти языки со стороны английского и в возникновении своеобразных гибридов наподобие Finglish языка финских иммигрантов, в котором английские лексемы втягивались в морфологические парадигмы финского языка (ср., например, парадигму склонения существительного *haussi* от англ. *house* "дом" вместо финского *talo: haussin* "дома", *haussiksi* "в дом", *haussissa* "в доме", *haussista* "от дома", *haussineen* "с домом", *haussitta* "без дома" и т.д.). Порой этот процесс заходил дальше и приводил к характерному для языковых контактов упрощению грамматических форм. Например, в конструкции "притяжательное местоимение + существительное" наблюдалась утрата флексий у существительного *{minun kirja* "моя книга" вместо *minun kirjani)* [Mencken 1958 : 676-677].

Что же касается влияния родных языков иммигрантов на английскую речь, то это явление отмечалось чаще всего у иммигрантов первого и - в меньшей мере - второго поколений. Так, по наблюдениям Хаугена, в речи норвежских детей из иммигрантских семей отмечались такие проявления интерферирующего влияния родного языка на английский, как лексические заимствования типа *screeve* "писать" (от норв. *skrive),* калька типа *pack up* вместо *unpack* "распаковывать", ложные аналогии по созвучию типа *bury* "закапывать" < норв. *baere* вместо англ. *cany* "носить" [Haugen 1972 : 318].

Влияние языков других колониальных держав и языков иммигрантов на Standard American English - американский вариант литературного английского языка - было, в основном, маргинальным. Оно затрагивало лишь лексику и, как правило, тематически ограниченные слои. Так из нидерландского языка в ранний колониальный период были

заимствованы сравнительно немногочисленные названия блюд и бытовых реалий: *coleslaw* "салат из капусты" < нидер. *kool sla, cruller* "крендель" < нидер. *krul, cookie* "печенье" < нидер. *koekje, stoop* "крыльцо" < нидер. *stoep* и др. Из французского языка в XVII-XVIII вв. английские поселенцы заимствовали небольшую группу слов, обозначающих различные блюда, животных, черты ландшафта, предметы колониального быта: *chowder* "густой суп из рыбы или моллюсков" < франц. *chaudiere, caribou* "канадский олень", *prairie* "прерия" < франц. *prairie* "луг", *carryall* "крытый экипаж", образованное по народной этимологии от франц. *carriole.*

Несколько более многочисленны восходящие к более позднему периоду колонизации юго-запада и мексиканской войны заимствования из испанского языка. Это, в основном, слова, относящиеся к природным условиям этого региона, его флоре и фауне, трудовой деятельности поселенцев: *tornado* "ураган", *bronco* "полудикая лошадь", *loco* "ядовитая трава", *corral* "загон для скота" и др.

Многие межъязыковые контакты приводили к заимствованиям, не вошедшим в литературный язык, но проникшим в диалекты. Так, в восточно-пенсильванский диалект проник ряд заимствований из языка пенсильванских немцев (Pennsylvania Dutch), относительно обособленной группы, сохранившей в определенной степени свои обычаи и свой язык: *clook* "наседка" < нем. *Glucke, paper toot* "пакет", нем. *Tute),* а также кальки *thick milk* "простокваша" < нем. *dicke Milch, to get awake* "проснуться" < нем. *wach werden* и др. Немало испанских заимствований вошло в сленг (например, *cinch* "верное дело" < исп. *cinch(a)* "подпруга", *bonanza* "золотое дно" < исп. *bonanza* букв, "спокойное море", перен. "удача", *calaboose* "кутузка" < исп. *calabozo* "тюрьма, подземелье"), а также в региональную лексику югозападных штатов (например, *cienaga* "небольшое болото, топь", *acequia* "ирригационная канава", *aparejo* "вид сбруи" и др.). Определенная роль языковых контактов в формировании различительных черт американского варианта английского языка едва ли подлежит сомнению. Вместе с тем вызывает серьезные возражения попытка Дж. Дилларда представить влияние этого фактора в гипертрофированном виде. Чисто умозрительной и ни в коей мере не подкрепленной серьезным лингвистическим анализом представляется его гипотеза относительно влияния китайского и индейского пиджинов и, в особенности, так называемого "морского пиджина" (maritime pidgin) на развитие американского варианта. Едва ли можно считать достоверными приводимые Диллардом в подтверждение своей гипотезы ссылки на субъективные впечатления английских путешественников, а также примеры из таких источников, как произведения художественной литературы, в которых речь персонажей, как известно, отнюдь не является точным воспроизведением живой речи или порой анекдотические попытки проследить влияние пиджина в современном языке (например, в сленгизме *you betcha* который, по мнению автора, либо возник в пиджине, либо получил широкое распространение благодаря ему) [Dillard 1985; Dillard 1980 : 1-10, 95-100, 403-416]. Билингвизм, несомненно, является устойчивым признаком американского варианта, сопутствующим ему на протяжении всей его истории. Вместе с тем, в истории каждой иммигрантской семьи он, как правило, является преходящим явлением, наблюдаемым в основном у первых поколений и постепенно сходящим на нет под влиянием процессов языковой ассимиляции. Исключение составляют отдельные стабильные поселения, где в течение длительного времени было сосредоточено значительное количество представителей данной этнической группы. В наши дни такие обособленные поселения сохранились лишь в виде единичных вкраплений на демографической карте США, например, существующие с XVIII в. старинные поселения немцев-сектантов амиш, стремящихся отгородиться от современного мира, придерживающихся патриархальных традиций, не пользующихся радио, автомобилем, трактором и строго следующих предписаниям своей веры.

Другим примером стойкости к ассимиляционным процессам и приверженности к родному языку является значительная часть "чиканос", мексиканцев, переселившихся в США в период массовой иммиграции и их потомков, проживающих в особых кварталах (colonias) таких городов, как Лос-Анджелес, Сан-Антонио и др. Определенную

роль в закреплении антиассимиляционных установок сыграли заметный рост национального самосознания "чиканос", а также постоянный приток из Мексики "брассерос" (батраков-поденщиков), привносящих свежий национальный элемент в культуру этой этнической группы [Хорошаева 1973 : 276]. Однако основа единства этой группы - ее компактное расселение - может оказаться недолговечной. Вызываемые экономическими факторами миграционные процессы, разрушающие компактные этнотерриториальные массивы, распространяются и на нее. Особенно интенсивным было переселение проживающих в Техасе мексиканцев в Калифорнию, а также в Чикаго и другие промышленные центры Среднего Запада и северо-западных районов Тихоокеанского побережья. Все это приводит к этнической гетерогенности населения, создавая условия для культурной и языковой ассимиляции.

Остается рассмотреть еще один дискуссионный вопрос, связанный с ролью языковых контактов в формировании американского варианта английского языка - происхождение социально-этнического диалекта американских негров - так называемого Black English. Наибольшее внимание привлекла к себе теория креольского происхождения Black English, выдвинутая в 60-е - 70-е гг. "креолистами" (исследователями креольских языков и пиджинов) Б. Бейли [Bailey 1965], У. Стюартом [Stewart 1967] и их последователем Дж. Диллардом [Dillard 1972]. По мнению сторонников этой теории, нынешний диалект американских негров возник в результате "релексификации" (т.е. замены лексического наполнения грамматических моделей при сохранении последних) так называемого plantation Creole - общего креольского языка плантаций, распространенного, по мнению этих авторов, в ранний период колонизации Америки на всей территории Юга. Сохранившийся до наших дней креольский язык гулла (Gullah), на котором говорит негритянское население некоторых прибрежных населенных пунктов Южной Каролины, Джорджии, Северной Флориды и ближайших островов, представляет собой, по предположению креолистов, реликт Plantation Creole.

Более того, некоторые креолисты не только "драматизируют" различия между Black English и речью белых, но и прямо утверждают, что Black English соотносится с американским вариантом английского языка, на котором говорит белое население, лишь на уровне поверхностных структур, тогда как его глубинная структура восходит к пиджину с африканской основой, подвергнувшемуся процессу креолизации. Для сторонников этого взгляда характерно следующее смелое заявление Б. Бейли: «Я склонен предположить, что южный негритянский "диалект" отличается от других разновидностей южной речи, поскольку он обладает иной глубинной структурой, которая, несомненно, происходит от некой пракреольскои грамматической структуры» [Bailey 1965 : 172]. При этом выдвигается предположение о том, что "широкие массы рабов нуждались в средстве общения между собой и с представителями рабовладельцев, и в качестве такого средства общения мог служить либо lingua franca, либо европейский язык их хозяев. Поскольку есть достаточные документальные свидетельства того, что они не использовали последний, остается предположить, что они располагали языком-посредником, функции которого мог выполнять пиджин. Сохранившиеся тексты, воспроизводящие речь рабов, подтверждают гипотезу о том, что языком основной массы рабов... был Pidgin English" [Dillard 1972 : 77]. Согласно этой гипотезе, дальнейшая эволюция Black English следовала схеме: пиджин - креольский язык - декреолизация. Согласно парадоксальному утверждению креолистов, несмотря на декреолизацию, английский язык американских негров сохранил значительное структурное сходство с более ранними этапами своего существования. И именно в этих реликтах языка африканских рабов - предков современных афроамериканцев усматриваются основные различительные признаки Black English.

Думается, что предположение о существовании креольского языка или пиджина среди негритянского населения колониальной Америки достаточно правдоподобно хотя, разумеется, его следует рассматривать как всего лишь предположение, ибо приводимые креолистами документальные данные (в особенности карикатурное изображение речи негров в американских литературных источниках) нельзя считать достаточно

достоверными. Не подкреплено языковыми фактами и предположение о существовании на всей территории Юга общего plantation Creole. В целом, следует признать справедливой критику креольской гипотезы со стороны известного социолингвиста и диалектолога У. Вулфрэма, усматривающего ее основной недостаток в том, что она сводится к чисто внешней, а не внутренней реконструкции: анализ креолистов сосредоточен на социально-исторических факторах, а не на языковых формах [Wolfram 1973 : 670-679].

Что же касается попыток реконструировать этот креольский язык на основе языка гулла, то их едва ли можно признать достаточно убедительными хотя бы потому, что изолированный от внешнего мира гулла, по словам известного американского диалектолога Р. Макдевида, всегда представлял собой нетипичное и маргинальное явление, тогда как на обширной территории южных плантаций любые креольские и африканские элементы вытеснялись в результате контактов с численно и социально доминирующим белым населением [McDavid 1980 : 279].

Еще более уязвима попытка сторонников креольской гипотезы связать специфические черты Black English с наличием в нем креольского субстрата. При этом обычно ссылаются на такие его признаки, как опущение связки перед прилагательным и существительным *(she busy),* использование неизменяемого *be (she be busy),* перфектная форма с *done (he done gone),* неиспользование флексии 3-го лица *-s (he don't know),* гиперкорректные формы с этой флексией (*/ goes, you loves),* широкое использование стяжения *ain't (he ain't going),* двойное отрицание *(he didn't have nothing),* редукция согласных *(firs'* вместо *first)* и др.

Сопоставление этого перечня с данными диалектологов и социолингвистов свидетельствует о том, что значительная часть этих признаков наблюдается в диалектах белого населения (главным образом, на юге и в южной части среднеатлантического ареала). Так, опущение связки зафиксировано в аппалачском диалекте, перфектная форма с *done* в южных диалектах и на пересечении южного и среднеатлантического ареалов, формы типа */ goes* встречаются в аппалачском и ряде других диалектов. Другие черты по сути являются элементами общеамериканского просторечия (двойное отрицание, *ain't,* редукция согласных).

Несколько сложнее обстоит дело с неизменяемым *be.* В известном смысле эта форма занимает особое место среди грамматических черт американских диалектов. Известный американский социолингвист У. Лабов относит ее в таких контекстах, как *he be always fooling around (в* значении привычного, многократного действия) к числу элементов Black English, отсутствующих в других диалектах США [Labov 1972 : 51].

Действительно, хотя форма, по данным "Лингвистического атласа", иногда отмечается на севере США, но употребляется она там в несколько иных контекстах *(How be youl Be 1 going tol).* Однако существуют и более близкие аналогии. Так, в англо-ирландских диалектах неизменяемая форма *be* широко используется в том же значении.

Полемизируя со своими оппонентами, приверженцы креольской гипотезы указывают на то, что ссылка на английский язык Ирландии неправомерна, поскольку негритянское население США никогда не жило в Ирландии, ареале англо-ирландского диалекта [Dillard 1972 : 7]. Вместе с тем, как отмечает Р. Макдэвид, контакт с носителями англо-ирландского диалекта был вполне возможен и в Америке, где ирландцы были широко представлены среди надсмотрщиков на хлопковых плантациях [McDavid 1980 : 85-87].

Думается, однако, что и сторонники, и противники креольской гипотезы упускают из виду одно важное обстоятельство. Как и всякий идиом, Black English едва ли развивался лишь как система пассивно воспринимающая те или иные признаки извне в результате прямых языковых контактов. Будучи относительно самостоятельным языковым образованием, он вполне мог инициировать и более или менее самостоятельные процессы, отвечающие общим тенденциям развития английского языка и его диалек-

тов. В самом деле, ведь и редукция флексий, и дальнейшее упрощение и унификация личных форм глагола, и нейтрализация некоторых формально выраженных оппозиций - все это изменения, вполне вписывающиеся в общее направление эволюции структуры английского языка - дальнейшее ослабление элементов флективного строя и развития аналитизма.

Необходимо рассмотреть также и вопрос о наличии у Black English своей особой глубинной структуры. В качестве одного из доказательств этого иногда ссылаются на видовую оппозицию неизменяемого *be* и нулевой связки *(my daddy a janitor* - действие в настоящем; *when I get home from school each day, my mama be at work* - повторное действие) [Fasold 1969 : 764-768].

Вместе с тем, по наблюдениям Х. Данлэпа, между неизменяемыми *be* и нулевой связкой отсутствует столь четкая дифференциация. Порой *be* относится к настоящему моменту (*/ don't know how old he be; it don't be night),* а нулевая связка может варьироваться *с be в* значении многократности *(sometimes my teacher be in charge - when she in charge, we go at 11.30)* [Dunlap 1977].

Примечательно и то, что в реальной речи носителей Black English неизменяемое *be* и нулевая связка сосуществуют с супплетивными формами связки *am, is, are.* При этом нулевая связка, по наблюдениям У. Лабова, является стилистическим вариантом полных форм, выполняющим функцию, аналогичную стяжениям типа *isn't, aren't* в Standard English. В целом же, как он справедливо полагает, грамматику Black English следует рассматривать как одну из подсистем в рамках единой грамматической системы английского языка [Labov 1972 : 49, 64].

По-видимому, прав У. Вулфрэм, считая, что Black English и диалекты белых южан образуют единый диалектный континуум, в котором одни и те же процессы протекают как в речи белых южан, так и в речи негров, но реализуются по-разному и с различной частотностью [Wolfram 1971 : 139-161]. Таким образом, различия между этими диалектами и социально-этническим диалектом американских негров касаются не столько глубинной структуры, сколько ее реализации в узусе.

Можно вполне согласиться с М. Монтгомери и Г. Бейли, считающими, что речь белых и черных южан отличаются друг от друга лишь некоторыми "правилами низшего уровня" (low-level rules), находящими заметное отражение в поверхностной структуре [Montgomery, Bailey 1986 : 16]. Учитывая острый дефицит документального материала, позволяющего проследить истоки Black English, можно понять тот значительный интерес, который вызвали записи опросов бывших рабов, сделанные в 1936-1938 гг. Родившиеся в середине XIX в. и прожившие всю жизнь в относительно изолированных сельских общинах, эти информанты могли дать ценный материал для проверки креольской гипотезы. В 1981 г. немецкий ученый Э. Шнайдер подверг анализу 104 записи и пришел к выводу о том, что языковые признаки раннего Black English, в основном, определяются особенностями нелитературной английской речи колониального периода (по нашим данным, многие из них до сих пор отмечаются в южных диалектах и в общеамериканском просторечии - например, *tote* и *carry* вместо *bring,* редукция согласных - *... morning I was toting in breakfas'; I carry in the breakfas';* перфект с *done -1 done tol' them;* опущение связки - *the Yankee coming).* Среди них отсутствуют такие, которые подтверждали бы гипотезу о существовании единого Plantation Creole на всем американском Юге. Напротив, подвергнутые анализу тексты свидетельствуют о наличии определенной региональной вариативности некоторых языковых форм [Schneider 1982 : 38].

Данные Шнайдера находят подтверждение в сопоставительном анализе М. Монтгомери, сравнившего записи речи бывших рабов с записями речи носителей гулла и пришедшего к выводу о том, что исследованные материалы никак не подтверждают гипотезу Стюарта и Дилларда о сходстве негритянской речи XIX века с гулла [Montgomery 1991a: 187-188].

Даже если креольские формы речи и были на первом этапе присущи негритянскому

населению Юга (что вполне могло быть), данные опроса бывших рабов скорее свидетельствуют о процессе глубокой декреолизации, чем о сохранении глубинной пракреольской структуры.

Рассмотренные выше дискуссионные вопросы истории английского языка в Америке нельзя считать окончательно решенными. Требуется тщательный и всесторонний анализ исторических источников - колониальных хроник и других официальных документов, а также сохранившихся писем, дневников, путевых заметок и других документов, данных диахронического сопоставительного анализа английского языка Америки и Великобритании, социолингвистического и диалектологического анализа.

Вместе с тем уже первые данные, полученные в результате применения этого подхода, позволяют с большей степенью достоверности определить истоки американского варианта английского языка, оценить относительную роль факторов, влиявших на его формирование, и их взаимодействие, глубже раскрыть его сложность и многообразие не только на начальном этапе, но и в ходе его дальнейшей эволюции и - что не менее важно - наметить пути его дальнейшего исторического исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Хорошаева И.Ф. 1973 - Мексиканцы США // Национальные процессы в США. М, 1973.

Швейцер А.Д. 1963 - Очерк современного английского языка в США. М., 1963.

Швейцер А.Д. 1983 - Социальная дифференциация английского языка в США. М., 1983.

Alexander H. 1928 - The language of the Salem witchraft trials // American Speech. 1928. V. III.

Atwood E.B. 1953 - A survey of verb forms in the Eastern United States. Ann Arbor, 1953.

Bailey B.L. 1965 - Toward a new perspective in Negro English dialectology // American Speech. 1965. V. 40.

Blanton L. 1985 - Southern Appalachian: social consideration of speech // Dillard J.L. Toward a social history of American English. B., 1985.

Dillard J.L. 1972 - Black English. Its history and usage in the United States. N.Y., 1972.

Dillard J.L. 1975 - All-American English: a history of the English language in America. N.Y., 1975.

Dillard J.L. 1980 - Perspectives on American English. The Hague, 1980.

Dillard J.L. 1985 - Toward a social history of American English. B., 1985.

Dunlap H.W. 1977 - Some methodological problems in recent investigations of 0-copula and invariant *be II* Papers in language variation University of Alabama, 1977.

Eliason N. 1956 - Tarheel talk: an historical study of the English language of North Carolina to 1860. Chapel Hill, 1956.

Ellis A J. 1869 - On early English pronunciation with especial reference to Shakespeare and Chaucer. Part I. I... 1869.

Easold R.W. 1969 - Tense and the form *be* in Black English // Language. 1969. V. 15.

Gorlach M. 1987 - Colonial lag? The alleged conservative character of American English and other colonial varieties // English world-wide, 1987. V. 8, N I.

Haugen E. 1972 - The ecology of language. Stanford, 1972.

Krapp G.P. 1925 - The English language in America. V. 1-2. N.Y., 1925.

Kurath H. 1928 - The origin of dialectal differences in spoken American English // Modern philology. 1928. V. 25. N4.

Kurath H. 1961 - Area linguistics and the teaching of English//Language Learning. Ann Arbor, 1961.

Kytii M. 1991 - Variation and diachrony with early American English in focus. Frankfurt-am-Main. 1991.

Labov W. 1972 - Language in the inner city. Studies in the Black English vernacular. Philadelphia. 1972.

Laird Ch. 1970 - Language in America. Englewood Cliffs, 1970.

Marckward A.M. 1958 - American English. N.Y., 1958.

McDavidR. 1980 - Varieties of Americal English. Stanford, 1980.

Mencken H.L. 1957 - The American language (An inquiry into the development of English in the United States). N.Y., 1957.

Montgomery M. 1989 - Exploring the roots of Appalachian English // English world-wide. 1989. V. 10.

Montgomery M. 1991 - The roots of Appalachian English: Scotch-Irish or British Southern? // Southern Appalachia and the South: a region within a region //Journal of the Appalachian Study Association. 1991. V. 3.

Montgomery M. 1991a - The linguistic value of ex-slave recordings // The emergence of Black English (text and commentary). Amsterdam, 1991.

Montgomery M. 1992 - The koineization of colonial American English // Proceedings of the Atlantic Provinces Linguistic Association. 1992.

Montgomery M. and *Bailey G.* 1986 - Introduction // Language variety in the South. University of Alabama. 1986.

Orheck A. 1927 - Early New England pronunciation as reflected in some seventeenth century town records of Eastern Massachusets. Ann Arbor, 1927.
Pilch H. 1955-The rise of the American English vowel system //Word. 1955. V. 11.N 1.
Read A.W. 1933 - British recognition of American speech in the eighteenth century // Dialect notes. 1933. V. 6.
Rissanen M. 1984 - The choice of relative pronouns in 17th century American English // Historical syntax (Trends in linguistics, studies and monographs). B., 1984.
Rissanen M. 1985 - Periphrastic *do* in affirmative sentences in early American English // Journal of English linguistics. 1985. V. 18.
Sen A.L. 1974 - Dialect variation in early American English // Journal of English Linguistics. 1974. V. 8.
Sen A.L. 1978 - Reconstructing early American dialects//Journal of English linguistics. 1978. V. 12.
Schneider E. 1982 - On the history of Black English in the US A: some new evidence // English World-Wide. 1982. V. 3.
Stewart W.A. 1967 - Sociolinguistic factors in the history of American English dialects // Florida FL Reporter. 1967. V. 5. N 2.
Stephenson E.A. 1958 - Early North Carolina pronunciation Ph.D. diss. University of North Carolina, 1958.
Sweet II. 1892 - New English grammar. Oxford, 1892.
Trudgill P. 1986 - Dialects in contact. Oxford, 1986.
Whitney W.D. 1870 - Language and study of language. L., 1870..
Wolfram W. 1973 - Review of Black English by J.L. Dillard // Language. 1973. V. 49.
Wolfram W. 1971 - Black-White speech differences revisited // Diack-White speech differences. Washington. 1971.
Wood G. 1977 - Dialect contours in the Southern states // Papers in language variation. University of Alabama. 1977.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1995

© 1995 г. М.Е. АЛЕКСЕЕВ

К РЕКОНСТРУКЦИИ ОБЩЕДАГЕСТАНСКОЙ ИМЕННОЙ МОРФОЛОГИИ

В настоящее время сравнительно-историческое дагестановедение располагает несколькими вариантами реконструкции общедагестанской фонологической системы, предложенными в свое время Н.С. Трубецким, Е.А. Бокаревым, Б.К. Гигинейшвили, С.А. Старостиным и др. Что же касается морфологии, то здесь положение обстоит гораздо хуже: можно назвать лишь работу Н.С. Трубецкого "Строй восточнокавказских языков" [Трубецкой 1987], содержащую опыт целостного представления реконструируемой языковой структуры, в то время как более поздние исследования в этой области ограничиваются отдельными фрагментами морфологической системы и, как правило, плохо соотносятся друг с другом. Настоящая статья представляет собой попытку до некоторой степени восполнить этот пробел и изложить современные воззрения на общедагестанскую морфологическую систему на основе, главным образом, собственной концепции автора, исходящего из той посылки, что современные дагестанские языки во многом сохраняют общность своей морфологической структуры как в именном, так и в глагольном словоизменении, несмотря на значительные трансформации в сфере выражения.

Эта общность прослеживается и на материале нахских языков, образуя своеобразный фундамент, на котором обретает конкретные очертания реконструируемая правосточнокавказская морфологическая система. Учитывая и сравнительно большое количество языков, формирующих восточнокавказскую семью, и достаточно большую хронологическую глубину предпринимаемой реконструкции, трудно было бы ожидать однозначных решений при восстановлении тех или иных конкретных морфологических архетипов. В то же время общий структурный облик восточнокавказского языка-основы вырисовывается более или менее отчетливо. Поскольку именное и глагольное словоизменение характеризуется относительной автономностью, мы сочли целесообразным в данной статье ограничиться проблемами реконструкции общедагестанской именной морфологии.

Говоря о падежной системе дагестанских языков, следует прежде всего обратить внимание на свидетельства общедагестанского характера "принципа двух основ", т.е. противопоставления прямой основы, совпадающей с формой абсолютива (в терминологии описательных грамматик, номинатива), и косвенной основы, совпадающей с формой эргатива и, с другой стороны, служащей базой для образования всех остальных косвенных падежей. Можно, конечно, предполагать возможность других путей формирования данной оппозиции: например, в связи с фонетическими процессами, которые могли иметь место в абсолютном исходе слова. Однако такое толкование находит подтверждение лишь на весьма узком лексическом материале и не стыкуется с целым набором содержательных характеристик оппозиции "абсолютов - эргатив" в современных дагестанских языках.

С меньшей долей уверенности можно говорить о тех формальных средствах, которые служили для противопоставления двух основ имени. Если аблаут как способ формирования косвенной основы, судя по особенностям его проявления в различных дагестанских языках, представляет собой достаточно архаичное явление, несомненно восходящее к восточнокавказской языковой общности (об этом, например, свидетель-

ствуют и те лексические параллели, которые обнаруживают реликтовый характер аблаута: "луна", "солнце", "сон" и т.п.), то специальные аффиксы косвенной основы - вокалические (состоящие из одного гласного) и в большей степени консонантные (слоговые) - предполагая единство происхождения с точки зрения фонетических соответствий и тождество функций в целом, с точки зрения конкретных лексических групп, принимающих в сопоставляемых языках тот или иной аффикс, не создают почвы для сколько-нибудь надежных сопоставлений.

Последнее обстоятельство с учетом возможных функциональных преобразований в отдельных языках снижает вероятность возведения к общедагестанскому (общевосточнокавказскому) хронологическому уровню всего набора показателей косвенной основы, обнаруживающих междагестанские корреспонденции: *-*лУ*- (авар, -*лу-,* анд. -*лло-,* ботл. -ля-, бежт. -*ли-,* лак. -*лу-,* дарг. -*ли-,* таб. -*ли-* и др.), *-*р(а)*- (ботл. -*ра,* цез. -*ре-1-ро-,* лак. -*ра-,* таб. -*ryl-ра-,* хин. -*ыр-* и др.) *-*ди*- (авар, -*ду-,* анд. -*до-,* цез. -*до-,* лак. -*тт-,* таб. -*ди,* лезг. -*ди* и др.), *-*м(о)*- (цез. -*мо-,* хин. -*(а)м*- и др.) *-*ни*- (лак. -*ни/-на/-ну,* лезг. -*уни\-ини,* дарг. -*ни,* таб. -*ни-* и др.), а также некоторые другие. Вместе с тем функционирование по крайней мере большинства этих морфем в общедагестанском состоянии представляется более вероятным, нежели восстановление падежной системы, включающей единицы, образуемые суффиксацией соответствующих показателей непосредственно к прямой основе.

Имеются некоторые основания для определенных суждений по поводу функций приведенных выше восстанавливаемых показателей, ср., в частности, мнение о детерминантах косвенной основы как об исторических классных экспонентах. До некоторой степени такие суждения имеют под собой почву, поскольку в ряде современных дагестанских языков отдельные форманты выполняют и классифицирующую функцию. В то же время было бы заблуждением отождествлять на основе вторичных функций морфемы такого рода с классными показателями, непосредственно формирующими систему согласовательных ("грамматических") классов, хотя нередким оказывается также использование согласовательных аффиксов для выполнения вторичных (падежных и др.) функций.

По нашему мнению [см. Алексеев 1988; Алексеев 1987 и др.], для общедагестанского состояния было характерно совпадение косвенной основы имени с его формой в эргативном падеже, сохранившееся в ряде языков и в настоящее время. Нетрудно предположить, что такое совпадение является не случайным продуктом противоречивых тенденций, а отражает последовательный ход формирования общедагестанской падежной системы, исходной для которой являлась двухпадежная модель с противопоставлением абсолютива (номинатива) и эргатива. Для последнего при этом был характерен весьма широкий спектр значений: субъектное (при переходных глаголах), инструментальное, а также различные обстоятельственные (в том числе и причинное). Определенную аналогию в этом отношении могут составить адыгские языки с их полифункциональным эргативным падежом.

Говоря об исконной двухпадежной системе, мы, тем не менее, не склонны соотносить ее с общедагестанским состоянием, так как материал современных дагестанских языков позволяет реконструировать для этого хронологического уровня и некоторые другие морфемы, предположительно формировавшие общедагестанскую систему склонения. Из абстрактных (грамматических, синтаксических, позиционных) падежей к таким морфологическим единицам можно было бы отнести генитив и датив, однако нельзя не отметить, что совместимость их с эргативной типологией подвергается сомнению в рамках контенсивно-типологической классификации.

Сложность общедагестанской реконструкции дательного и родительного падежей заключается не столько в невозможности определения общедагестанского архетипа для единицы с определенным набором значений (определительных для родительного падежа и субъектно-объектных для дательного), сколько в равной возможности проекции на общедагестанскую плоскость ряда единиц, отражаемых соответствующими рефлексами в современных дагестанских языках.

Все же более предпочтительным, на наш взгляд, представляется восстановление общедагестанского форманта генитива *-н, рефлексы которого обнаруживаются в лезгинских, нахских и, отчасхи, в даргинском языках. Предпочтительность такого решения основывается не только на том, что упомянутые рефлексы встречаются и достаточно отдаленных друг от друга областях восточнокавказской языковой общности, но и исходя из возможности проследить иные источники формирования альтернативных вариантов: например, в результате включения в парадигму субстантива адъективных формантов, в том числе и классных показателей, в результате переосмысления локативных морфем и др.

Сложность реконструкции показателя дательного падежа усугубляется тесным взаимодействием соответствующих морфологических единиц современных дагестанских языков с локативными падежами (ср. характеристику датива как "внесерииного направительного падежа"), что позволяет, с одной стороны, усматривать в современных аффиксах датива подвергшиеся семантическим трансформациям локативные (как правило, направительные) падежи и, с другой стороны, включать в число возможных отражений исконного дательного падежа нынешние директивы (лативы, аллативы) и другие пространственные падежи. Легко видеть, что число альтернативных вариантов реконструкции в результате резко возрастает.

Более предпочтительным (не исключая, впрочем, и других вариантов), на наш взгляд, является объединение в качестве рефлексов общедагестанской морфемы датива *-*на* нахского и лакского дательного падежа, а также локативных (направительных) формантов даргинского ("старый латив", по М.-С. Мусаеву) и лезгинских языков. Думается, что эта реконструкция открывает некоторую историческую перспективу для последующей интерпретации формальных и смысловых взаимоотношений общевосточнокавказского генитива на *-« и датива на *-*на* в связи с возможной производностью последнего.

Хотя в дагестанских языках ныне функционируют и такие падежные единицы, как комитатив, инструменталис и др., их общедагестанский характер весьма проблематичен. Дело в том, что в большинстве случаев их происхождение легко увязывается с тем или иным пространственным падежом, подвергшимся семантической трансформации.

Во многих современных языках налицо сериальный принцип образования местных падежей, заключающийся в сложном характере пространственного показателя, который включает, с одной стороны, морфему направления/ покоя и, с другой стороны, формант локализации, фиксирующий ту или иную локализационную область относительно ориентира ("на, над", "около", "под", "внутри"). Восстановление общедагестанской системы пространственных падежей предполагает реконструкцию в первую очередь показателей локализации, которые в большинстве случаев достаточно хорошо сохранились в современных языках.

Так, локализация "под ориентиром" (общедаг. *-*лъ1[и])* находит выражение практически во всех дагестанских языках (в частности, авар. *-лъ:1,* анд. *-лъ:1и,* цез. *-л1,* лак. *-лу,* таб. *-кк,* лезг. *-к* и др.), за исключением удинского и хиналугского (ср., впрочем, хинал. *к1аны-к1* "под"), сохраняя в большей или меньшей степени исконное значение. Довольно широко распространены рефлексы общедагестанского показателя *-*хъ:а* "за, под", охватывая аваро-андо-цезские, лезгинские и лакский языки (в том числе авар, *-хъ,* анд. *-хъи,* цез. *-хъ(о),* лак. *-х,* таб. *-хъ,* лезг. *-хъ* и др.), хотя в данном случае уже возникают проблемы в связи с семантикой реконструируемого показателя в андийских и цезских языках, где ему присуще значение "у, около". Еще более неопределенным представляется исконное значение общедаг. *-*dV,* рефлексы которого выступают не только в качестве формантов локализации (авар, -да "в типичном положении относительно ориентира", общецез. *-де "около ориентира"), но и в функции направительных морфем (в лезгинских языках). В силу этого принятие значения аварского форманта за исходное является в значительной степени условным.

Значение общедагестанского показателя локализации *-*к* "около, в соприкосновении с ориентиром" реконструируется по данным лезгинских языков, хотя и здесь налицо значительные трансформации, в том числе и нейтрализация показателей *-*лъ1[и]* и *-*к*. В андийских и цезских языках рефлексы показателя сохранились лишь частично.

К общедагестанскому *-*ч1* "около" можно возводить соответствие общеанд.*-ч/>> и лак. *-*ч1а.* Проекция на общедагестанскую хронологическую плоскость показателя *-*лъ:в* "около, вместе с" затруднена в связи с функциональным своеобразием андийских рефлексов, выступающих по существу в роли союзов. Более или менее выраженный локативный характер соответствующие единицы проявляют в лакском и лезгинских языках.

Значительные трудности представляет реконструкция общедагестанского показателя локализации "внутри". Дело в том, что во многих языках имеется противопоставление локализаций "внутри (полого пространства, вместилища)" и "внутри (заполненного пространства, вещества); между, среди", нейтрализация которого в отдельных языках привела к заметной перестройке в средствах выражения данных значений. Все же, если говорить о значении "внутри (полого пространства)", то можно предполагать его выражение в общедагестанском состоянии либо с помощью морфемы, содержащей один из ларингалов *(*-*гъ* или *-ъ), либо с помощью классного показателя. Не исключено, что оба варианта использовались параллельно, причем второй служил средством логического выделения.

При достаточно надежной реконструкции таких показателей со значением "около", как общедаг. *-*хъ:а* и *-к, общедагестанский характер формантов *-*р* и *-ч, манифестируемых междагестанскими соответствиями с примерно теми же функциями, представляется сомнительным. В то же время не продемонстрирована пока и инновационная природа этих морфем.

Логично было бы предположить также наличие в общедагестанском состоянии локализации "на, над" с соответствием авар.-анд. *-*лъ^{A}1а,* общецез. *-*лъ^{A}1(о),* лак. -*к1а,* дарг. 'ы-к/ и общелезг. *-л [Nikolayev, Starostin 1994: 775].

Не исключено, что некоторые из предполагаемых общедагестанских показателей локализации (прежде всего *-*к, *-*р, *-*х)* выступали в прошлом как показатели направления. Кроме того, можно говорить об общедагестанском форманте аблатива *-с:, следы которого усматриваются в аварском, агульском и цезских языках.

При недостаточной изученности проблемы частей речи в дагестанских языках не только в историческом, но и в синхронном аспекте трудно сказать, какие лексико-грамматические классы слов, помимо субстантивов, охватывала категория падежа. Тем не менее, имеются основания для утверждения о падежном словоизменении некоторых разрядов местоимений, обладавших при этом рядом специфических особенностей (супплетивный способ образования косвенной основы, нерегулярность образования отдельных падежных форм и некот. др.). Что касается прилагательных (если признавать их самостоятельность в общедагестанскую эпоху), указательных местоимений, числительных и т.п., то условием их склонения следует считать субстантивацию. Имеется три варианта общедагестанского показателя субстантивации: *-dV, *-*н-,* *-*с:-*. Первые два, как правило, распределены парадигматически, хотя принципы распределения в различных языках далеко не всегда совпадают. Последний показатель в большей степени тяготеет к словообразовательным.

Личные, возвратные и вопросительные местоимения обнаруживают в современных дагестанских языках некоторые черты, отличающие их от субстантивов с точки зрения склонения: сравни, например, маркировку абсолютива носовым аффиксом-детерминантом, супплетивное образование косвенной основы (ср. *-*HV*- "я" - косв. осн. *-*дза,* в реконструкции О.А. Гулыги [Гулыга 1979: 15], уникальное образование отдельных падежных форм (ср. общедаг. *-*идзо* "мой" при генитиве на *-*н),* а также синкретизм абсолютива и эргатива. Хотя исконность некоторых из перечисленных характеристик достаточно дискуссионна, в целом их архаичность не вызывает сомнений.

Противопоставление форм единственного и множественного числа имен существительных присуще всем современным восточнокавказским языкам. Выражается это противопоставление обычной маркировкой множественности с помощью соответствующих суффиксов, как правило, занимающих позицию между корнем и падежным показателем. В связи с этим реконструкция общедагестанского состояния, на первый взгляд, сводится к восстановлению общедагестанских архетипов для соответствующих современных показателей. К их числу можно отнести форманты *-*а* (авар, *-а(-л),* цез. *-а,* арч. *-е,* рут. *-е/-аь* и др.), *-*ар* (бежтинск. тЛядальск. *-ра/-ро,* лак. *-ру, -ри,* таб. *-ар, -ер, -йир,* хин. *-ыр* и др.), *-*ду* (авар, *-ду(-л),* общеанд. *-*ди,* бежт *-да,* дарг. кайт. *-ди,* хин. -д, *-д(ыр), -(ыр)д(ыр)* и др.), *-*би* (авар, *-би,* общеанд. *-*бе,* бежт. *-бо/-ба,* дарг. *-би,* общелезг. *-*п:-ыр* и др.), *-*и* (авар, *-и,* общеанд. *-*е,* дарг. *-и)* и др.

Вместе с тем ряд особенностей функционирования числовой оппозиции во многих дагестанских языках, касающихся как формальной, так и содержательной стороны, вынуждают более детально рассмотреть их с исторической точки зрения. В содержательном плане прежде всего привлекают внимание свидетельства [ср.: Ибрагимов 1974; Талибов 1985; Халилов 1985; Сулейманов 1985], подвергающие сомнению бинарность числовой оппозиции в дагестанских языках, с обоснованием наличия третьего числа противопоставления- "ограниченного (двойственного?) множественного". Анализ подобных свидетельств показывает, что во всех упомянутых случаях под ограниченным множественным понимаются разные, не сводимые друг к другу явления. Кроме того, существующие материалы не демонстрируют признаков архаичности; например, показателем ограниченного множественного в аварском признается наиболее регулярный суффикс *-ал,* что дает возможность оппозицию ограниченного/неограниченного множественного квалифицировать как результат морфологизации "старого" и "нового" (унифицирующего) способов образования множественного числа. Таким образом, вероятность существования в общедагестанскую эпоху третьего члена числовой оппозиции представляется невысокой.

С формальной точки зрения нельзя не обратить внимание на значительное разнообразие в большинстве современных языков аффиксов множественного числа. Опираясь на существующие междиалектные соответствия и отдельные позиционные варианты, многие дагестановеды пытаются редуцировать количество исконных показателей сведением имеющихся аффиксов к единому архетипу на основе фонетического сходства. Например, предполагается следующая цепь преобразований в даргинском языке: *-би/-бе > -ми/-ме > -ни/-не.* Такую интерпретацию трудно принять, поскольку она предусматривает действие вторичных процессов перераспределения, следы которых обнаружить не удается.

В дагестановедении предпринимались попытки минимизации формантов множественного числа на основе таких морфонологических решений, когда ныне действующий показатель расщепляется и в его составе вычленяется элемент, интерпретируемый как часть основы (корня), утраченная в форме единственного числа (ср. аналогичную трактовку косвенной основы). Эта гипотеза находит, на первый взгляд, подтверждение и во внешних соответствиях, ср. дарг. *цула* "зуб" - мн. *цулби* при табас. *силиб,* агул, *селеб* "зуб" и т.п. Анализ именного даргинского словаря позволяет сделать вывод об отсутствии здесь условий для подобного переразложения: с одной стороны, не зафиксированы процессы утраты конечных согласных (в том числе, например, *-б),* с другой стороны, существительные с аффиксами множественного числа типа *-би* не обнаруживают тех функциональных особенностей, которые позволили бы реинтерпретировать словоформу множественного числа и по этой реинтерпретированной форме образовать новую основу единственного. Более того, значительно проще рассматривать лексемы типа табас. *силиб,* агул, *селеб* "зуб" как лексикализованные формы множественного числа [ср.: Джейранишвили 1948; Джейранишвили 1985; Загаров 1985].

Среди подходов к объяснению многоформантности плюралиса с собственно морфологических позиций следует выделить прежде всего квалификацию отдельньтх показа-

телей как образованных путем наложения одного форманта на другой. Это явление прослеживается в большей или меньшей степени практически во всех дагестанских языках. Например, в андийском [Церцвадзе 1965: 156] дифференцируются простые показатели -л, *-ол, -ул, -ил, -ал* и сложные, образуемые сочетанием некоторого связанного элемента с простым показателем, ср.: *-(и)б-ол, -(о)б-ил, -д-ил* и т.п.

Сложный характер второй группы суффиксов доказывается не только тем, что отдельные их компоненты совпадают с самостоятельно функционирующими суффиксами, но также и утратой конечных элементов у сложных суффиксов в косвенных падежах. Так, учитывая, что элемент *-л* характерен для форм множественного числа всех имен андийского языка, легко предположить, что это явление - позднейшее, обусловленное универсализацией одного из формантов, но не путем вытеснения других суффиксов, а путем наращения -л на уже имеющиеся.

Использование данной методики, хотя и позволяет существенно сократить набор первичных морфологических единиц, все же не дает возможности реконструировать сложные форманты на праязыковом уровне (между тем ср. общелезгинский суффикс **-п:ыр,* разложимый на **-п:-* и **-ыр),* оставляя при этом некоторое количество не сводимых друг к другу аффиксов.

В силу этого полезными оказываются поиски источников формирования плюральных морфем за пределами категории числа. Так, при достаточно распространенной тенденции к развитию на базе суффиксов собирательной множественности отвлеченных существительных [Серебренников 1974] для некоторых дагестанских языков представляется возможной интерпретация отдельных показателей множественного числа как словообразовательных по происхождению элементов, ср. арч. *даль1-мул* "двери" при *букъ1-мул* "возвращение", ботл. *-льи* в составе сложных аффиксов: *г\алим-заба-льи* "ученые" при авар. *г1алим-заби,* а также *цеб-льи* "единство" т.п. К самостоятельной лексеме со значением "дом" возводится дарг. *-хъали.*

При явной немногочисленности примеров такого рода гораздо большую популярность в дагестановедении получила гипотеза классного происхождения показателей множественного числа. Действительно, налицо непосредственное совпадение наиболее распространенных в дагестанских языках суффиксов множественности, реконструируемых в виде **-ар, *-би* и **-ду* с соответствующими классными экспонентами, дифференцирующими формы множественного числа личных и неличных классов [Пiарадзенидзе 1972; Топуриа 1973].

Несмотря на обоснованность данной гипотезы, признание ее не противоречит предположению о функционировании соответствующих аффиксов в качестве числовых уже на общедагестанском хронологическом уровне. Равным образом реконструкция показателей множественного числа **-iu(V), *-л^У* и **-а* [Дьяконов, Старостин 1987] не противоречит их возможная связь с местоименными корнями [см.: Ибрагимов 1974; Топуриа 1985].

Нерешенной остается пока проблема формообразующей основы для словоформ множественного числа. Обычно в качестве таковой выступает прямая основа единственного числа, к которой уже присоединяется числовой суффикс. Вместе с тем нередки и другие способы, использующие косвенную основу единственного числа.

Таким образом, многоформантность множественного числа в современных дагестанских языках является наследием общевосточнокавказского состояния. Основной причиной этого можно считать гетерогенность данной категории, сложившейся в общевосточнокавказскую эпоху на основе реинтерпретации классных и прономинальных морфем.

Проблема категории класса и ее проявления в именных частях речи включает в себя ряд аспектов, заслуживающих самостоятельного рассмотрения. В первую очередь, по-видимому, здесь следует выделить проблему лексического именного класса с точки зрения семантических и иных оснований лексико-грамматической рубрикации. Сопоставление классных систем языков, не утративших категорию класса, указывает

на возможность реконструкции исконной четырехчленной системы, включавшей следующие классы:

1) класс названий мужчин (показатели: авар, *в-,* общеанд. *е-, общецез. **в-,* общелезг. *у[a]-, дарг. *в-,* лак. *в-,* хин. *й-,* общенах. *в-);

2) класс названий женщин (показатели: ав. *й-,* общеанд. **й-,* общецез. **й-,* общелезг. **р-,* дарг. *р-,* лак. **р-,* хин. з-, общенах. *й-);

3) класс названий животных и некоторых неодушевленных предметов и явлений (показатели: авар. *б-,* общеанд. **б-,* общецез. **б-,* общелезг. **б-,* дарг. *б-,* лак. **б-,* хин. *б-/в-,* общенах. **б-)*

4) класс неодушевленных имен (показатели: авар. **р-,* общеанд. */?-, общецез. **й-,* общелезг. *й-, лак. *д-,* хин. 0-, нах. **д-).*

Наличие в ряде восточнокавказских языков большего количества именных классов, возникающее за счет более дробной классификации неодушевленных имен (ср. пятичленную систему в андийских и цезских языках, общенахскую шестичленную систему и т.п.), имеет своей основой не увеличение количества согласовательных аффиксов, но увеличение их возможных комбинаций для единственного и множественного числа.

Анализ классного распределения неодушевленных имен показывает при, на первый взгляд, бессистемности наличие определенных семантических доминант, характерных для каждого класса. Так, в один класс с названиями животных обычно попадают названия небесных тел, растений и др., в то время как четвертый класс включает, как правило, названия веществ, абстрактные имена и т.п., что, надо сказать, увязывается с несчетностью соответствующих имен.

В дагестановедении нередко высказываются суждения об иных принципах структурной организации именного словаря дагестанских языков в прошлом. Предполагается, например, что для более древних классов была характерна профилирующая оппозиция одушевленного (с включением названий животных) и неодушевленного классов. Судя по материалам, имеющимся в нашем распоряжении, современные дагестанские языки довольно однозначно свидетельствуют об исконной четырехклассной системе именных классов общедагестанского языка-основы, так что предполагать более редуцированную систему можно только для более ранних ступеней общедагестанского состояния, хотя и для этого требуются дополнительные аргументы.

Наличие же классной обусловленности выбора той или иной основы словоизменения некоторых разрядов местоимений и т.п., что иногда квалифицируется в качестве реликта подобной редуцированной системы (ср. крыз. *у-д/у-дж* "этот"), по нашему мнению, охватывает несколько иную область именной морфологии и поэтому не может рассматриваться как отражение той ступени развития общедагестанского языка, которая исторически предшествовала четырехклассной системе. Дело в том, что существование в отдельных подсистемах иных принципов рубрикации никоим образом не противоречит оппозиции четырех членов системы согласовательных классов, будучи совместимым с ней не только в отдельных современных языках, но и на общедагестанском хронологическом уровне.

Утверждение о более архаичной оппозиции одушевленности/неодушевленности, по-видимому, исходит из тезиса контенсивной типологии об исторической преемственности этой оппозиции, характерной для активного строя, и того набора структурных импликаций, который характерен для эргативных языков. Здесь, видимо, будет уместным напомнить, что исходя из контенсивно-типологических предпосылок более детализованная классная структура должна быть признана более древней по сравнению с оппозицией только по одушевленности/неодушевленности.

Вторая проблема, возникающая в связи со сравнительно-историческим исследованием категории классов в дагестанских языках, заключается в предполагаемом вычленении окаменелых классных показателей в составе основы имени существительного. При этом, несмотря на разнообразие корневых структур в современных дагестанских языках, в работах сравнительно-исторического характера довольно распространенной является точка зрения, согласно которой для имен дагестанских языков типичной

является следующая модель основы: исконный префиксальный элемент (окаменелый классный показатель) + корень, состоящий из согласного или комплекса согласных + суффикс - детерминант основы.

Данная гипотеза основывается прежде всего на двух посылках: во-первых, в разных языках генетически родственные лексемы имеют различные ауслаутные сонорные и некоторые другие согласные (ср., например лезг. *й-ук/,* дарг. *д-ек1,* лак. *н-ак1* "локоть, аршин" и др.), как будто не соответствующие друг другу фонетически, что наталкивает на мысль об использовании в данном случае классных экспонентов; во-вторых, эти же анлаутные согласные в целом функционируют в ряде языков в качестве классных морфем.

При оценке рассматриваемой гипотезы целесообразно учитывать следующие обстоятельства: прежде всего в подавляющем большинстве случаев подобные анлаутные элементы могут быть сведены к строгим фонетическим соответствиям [см., в частности, Гигинейшвили 1977; Бокарев 1981; Nikolayev, Starostin 1994 и др.]. Следовательно, отпадает необходимость в морфологической трактовке наблюдаемых явлений.

Гипотеза моноконсонантизма общедагестанской корневой морфемы, служащая теоретическим фундаментом практики вычленения окаменелых классных префиксов в именной основе, имеет и ряд недостатков в своих исходных постулатах. Так, например, критики этой гипотезы [Структурные... 1978: 112] отмечали следующие весьма существенные моменты: невозможность материального выражения необходимого набора первичных смыслов с помощью, хотя и сравнительно большого, но все же ограниченного (менее 100) инвентаря согласных фонем и малую вероятность системы последующего выведения всех понятий из небольшого количества исходных путем прибавления регулярных смысловых модификаторов.

В связи с отмеченными обстоятельствами решающее значение в определении функциональной нагрузки анлаутного согласного становится его семантическая интерпретация, мотивировка его употребления. С этой точки зрения, как показывает материал современных дагестанских языков, возможные случаи использования окаменелых классных экспонентов в составе имен можно распределить на три группы.

Первую группу составляют пары существительных "брат" - "сестра", "сын" - "дочь", имеющие, как указывалось в специальной литературе [Иллич-Свитыч 1965: 335; Талибов 1969: 83], отглагольный характер. Отглагольность этих имен, впрочем, имеет несколько иную природу по сравнению с именами типа авар, *рельен* "краска" (< *р-ельине* "красить"), поскольку особенности морфологической структуры этих имен в ряде языков свидетельствуют об их адъективности, восходящей в конечном счете к классу стативных глаголов.

Вторая группа представлена довольно широким классом имен, анлаутный согласный которых совпадает с показателем класса данного имени. Трудности, связанные с членением основ данного типа, вытекают, с одной стороны, из некоторых фактов несоответствия между начальным согласным и классным показателем, имеющих достаточно большую хронологическую глубину, и, с другой стороны, из возможности вторичной интерпретации классной принадлежности имени по начальному согласному.

В третьей группе фиксируются имена с реликтовым использованием классных префиксов в даргинском и нахских языках в качестве притяжательных показателей, что неоднократно подчеркивалось в специальной литературе [Климов 1971: 75; Хайдаков 1980: 220 и др.]. Все же, несмотря на попытки экстраполяции этих явлений по крайней мере на имена, обозначающие части тела, не исключено отглагольное происхождение и слов данного типа (следует заметить, в частности, что даргинская лексема со значением "лицо" не является продолжением общедагестанского архетипа).

В целом же, несмотря на относительную многочисленность, имена трех перечисленных групп далеко не охватывают всего именного словаря. В связи с этим как гипотезу моноконсонантизма, так и практику вычленения окаменелых классных префиксов в структуре имени существительного мы склонны считать необоснованными.

На это же указывают некоторые типологически релевантные характеристики корневых морфем языков различных типов (в частности, ограничения на структуру корня в семитских языках), а также опыт диахронической интерпретации структурного разнообразия корневых моделей в индоевропейских (ср. динамическую теорию реконструкции, согласно которой корень на протяжении длительного развития не может оставаться однотипным и неизменным), тюркских (ср. длительную дискуссию о структуре "канонического" корня) и других языков.

В то же время классное словоизменение в предагестанскую эпоху таких лексико-грамматических групп, как прилагательные, числительные и некоторые разряды местоимений, по-видимому, было общей нормой. При этом, насколько можно судить, в словоформе прилагательного имелось две позиции классного согласования: префиксальная и суффиксальная. Наличие префиксальной позиции, ныне вычленяемой в некоторых языках у немногих адъективов, сближает последние с глаголами, что служит еще одним аргументом в пользу существования в общедагестанскую эпоху категории стативного глагола. Дело в том, что в дагестанских языках достаточно распространены словосочетания с определением-прилагательным, имеющим субъект, не тождественный определяемому, ср. авар. *мег1ер баг1арав ни* "человек с красным носом", что характерно для причастных (отглагольных) оборотов. Естественно, что классный префикс в таких прилагательных должен был отражать не класс определяемого, а класс препозитивного субъекта.

Хотя существование категории класса у прадагестанских адъективов в целом не вызывает сомнений, довольно неопределенными оказываются условия функционирования классных суффиксов в составе словоформы: современные языки в этом отношении характеризуются значительным разнообразием. Различия в использовании суффиксальных классных экспонентов демонстрируют и различные виды определений, например, прилагательные и числительные. Возможно, что в общедагестанском состоянии были противопоставлены классные и неклассные формы одного и того же определения.

Если возможность вычленения окаменелых классных префиксов в основе прилагательных подтверждается на довольно представительном материале, то предположение подобной структуры в числительном опирается лишь на выделение живого классного префикса в нахском (чеч. *в-, б-, д-иъ)* и андийском *(в-, б-, й-р-окъо-)* числительном "четыре". В то же время в литературе было высказано несколько соображений, подвергающих сомнению гипотезу о наличии окаменелых классных показателей в анлауте других числительных [Микаилов 1969: 144]. Таким образом, данную проблему нельзя считать решенной.

Говоря об именной морфологии дагестанских языков в целом, хочется заметить, что дальнейший прогресс в ее сравнительно-историческом исследовании может быть во многом связан с поисками структурных взаимоотношений глагола и имени, в частности, с изучением степени проникновения глагольных словоформ (через ступень послелогов) в падежную парадигму (нельзя исключать, например, возможность первоначального использования причастий и деепричастий вспомогательных глаголов для выражения таких падежных значений, как целевое, причинное, совместное и др.) и наоборот (ср. употребление отглагольных адъективов в аналитических временных словоформах).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев М.Е. 1987 - К генезису косвенной основы имен в дагестанских языках // Proceedings of the Fourteenth international congress of linguists. Berlin/GDR, August 10- August 15, 1987.

Алексеев М.Е. 1988 - Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. М., 1988.

Бокарев Е.А. 1981 - Сравнительно-историческая фонетика восточно-кавказских языков. М., 1981.

Гигинейшили Б.К. 1977 - Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977.

Гулыга О.А. 1979 - Инклюзив и эксклюзив в дагестанских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.. 1979.

Джейранишвили Е.Ф. 1948 - Случаи pluralia tantum в удийском языке // Иберийско-кавказское языкознание. Т. 2. Тбилиси, 1948.

Джейранишвили Е.Ф. 1985 - Категория числа в удийском языке // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985.

Дьяконов И.М., Старостин С.А. 1987 - Хуррито-урартский и восточно-кавказские языки // Древний Восток: Этнокультурные связи. М., 1987.

Загиров ВМ. 1985 - О лексикализации форм множественного числа в лезгинских языках // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985.

Ибрагимов Г.Х. 1974 - О многоформантности множественного числа имен существительных в восточно-кавказских языках // ВЯ. 1974. № 3.

Иллич-Свитыч В.М. 1965 - Caucasica // Этимология. 1964. М., 1965.

Климов Г.А. 1971 - Врпросы методики сравнительно-генетических исследований. М., 1971.

Микаилов К.Ш. 1969 - К вопросу о морфологической структуре количественных имен числительных в дагестанских языках // Материалы первой сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1969.

Серебренников Б.А. 1974 - Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.

Структурные... 1978 - Структурные общности кавказских языков. М., 1978.

Сулейманов Я.Г. 1985 - О формах ограниченного и неограниченного множественного числа имен существительных в аварском языке // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985.

Талибов Б.Б. 1969 - К вопросу о структуре именных и глагольных основ в лезгинских языках // Материалы первой сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1969.

Талибов Б.Б. 1985 - К вопросу об ограниченном числе в лезгинском языке // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985.

Топуриа Г.В. 1973 - К образованию множественного числа имен в лезгинских языках // Иберийско-кавказское языкознание. Т. 18. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).

Топуриа Г.В. 1985 - К вопросу о склонении имен существительных во множественном числе в лезгинских языках // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985.

Трубецкой Н.С. 1987 - Строй восточнокавказских языков // Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М., 1987.

Хайдаков СМ. 1980 - Принципы именной классификации в дагестанских языках. М., 1980.

Халилов М.Ш. 1985 - Об ограниченном множественном числе существительных бежтинского языка // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985.

Церцвадзе И.И. 1965 - Андийский язык. (Грамматический анализ с текстами). Тбилиси, 1965.

Шарадзенидзе Т.С. 1972 - Об образовании множественного числа в дагестанских и нахских языках в результате генерализации классного показателя // Труды ТГУ. Вып. 3 (142). Тбилиси, 1972.

Nikolayev S.L., Starostin S.A. 1994 - The North Caucasian etymological dictionary. M., 1994.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№3 1995

© 1995 г. В.Б. ИВАНОВ

ГРАНИЦЫ СЛОВА И ИНКАПСУЛЯЦИЯ В ПЕРСИДСКОМ, ТАДЖИКСКОМ И ДАРИ

Названные три близкородственных языка имеют много общего в лексике, грамматике, фонетике и других аспектах, что позволяет их носителям легко общаться. Это общее при определенной обработке сводимо к единому глубинному метаядру, которое характерно также и для их непосредственных предков - ново- и среднеперсидского языков. Категории и правила, о которых говорится в данной работе прослеживаются в течение двух последних тысячелетий развития языка из среднеперсидского состояния через новоперсидское (так называемый классический персидский язык) к современным персидскому, таджикскому и дари.

Цель данной работы - исследование трех недостаточно разработанных аспектов грамматики этого ядра.

1. Определение слова и словесных границ. Некоторые правила и понятия, проливающие свет на поставленную проблему, содержатся в работах [Пейсиков **1973: 146-152]** и [Рубинчик 1981: 116]. Но в них рассматривается в основном лишь одна сторона проблемы - отличие сложного слова от единиц более высокого уровня - фразеологизмов и словосочетаний. Отличие же слова от более мелких единиц - составляющих слово морфем (приставок, суффиксов, аффиксов) и их сочетаний - последовательно не рассматривалось. Отсюда отсутствие определения слова как такового для иранских языков и, следовательно, неопределенность грамматических и лексикографических единиц.

2. Синтаксические связи незнаменательных частей речи. Пока исследованы синтаксические связи в образованиях более высокого уровня - словосочетаниях и предложениях. Связь разного рода несамостоятельных слов - энклитик, предлогов и т.п. со знаменательными частями речи и между собой не рассматривалась. Решение данной проблемы зависит от предыдущей (см. п.1). В работе показано, что синтаксические связи энклитик со знаменательными частями речи осуществляются с помощью инкапсуляции.

3. Уточнение классификации типов связи в словосочетаниях. Это предполагает описание структуры словосочетаний, основанных на артикле, которые пока не рассматривались иранистами[1], а также рассмотрение словосочетаний, основанных на энклитическом союзе -о "и".

Примеры синтаксических моделей большей частью приводятся на персидском языке как одном из отображений правил метаядра. Во многих случаях этого вполне достаточно для описания, т.к. фонетическая перекодировка на среднеперсидский, таджикский, дари и соответствующая замена лексем не привносит в синтаксис ничего принципиально нового. Случаи структурных несоооответствий оговариваются особо. Накладываемые ограничения на выводимые определения и термины заключаются в том, что они не должны противоречить понятиям общего языкознания.

В известных нам иранистических работах более крупные единицы - словосочетание, предложение - определяются через более мелкие (см. [Пейсиков 1959:

Связочная функция артикля в таджикском языке анализировалась в одном из докладов проф. Н.Касымовой (ТаджГУ), содержание которого нам пока неизвестно.

15, 207-208]). Поэтому определения слова у О.С.Ахмановой [Ахманова 1966][2] не могут быть непосредственно использованы для решения поставленной проблемы, т.к. слово здесь определяется через более крупную единицу - предложение. Для приведения всей системы в соответствие с этим определением нужно пересмотреть многие разделы и разработать процедуру выделения слова из предложения. Кроме того, указанные определения оперируют такими расплывчатыми субъективными трудно структурируемыми понятиями, как "участок действительности", "потенциальный минимум", "предельная составляющая предложения", которые не рассматривались иранистами и потребовали бы длительных согласований.

В современной иранистике[3] различные уровни исследовались разными учеными и с различной тщательностью. Поэтому общая картина выглядит довольно пестрой, а на стыке уровней, например, при переходе от морфологии к синтаксису, возникает множество проблем. Попытка состыковать соседние уровни, исследованные разными учеными, заставляет иногда пересматривать общую концепцию теории языка. В итоге имеем следующие рабочие определения языковых единиц, в целом не противоречащие теории общего языкознания (ср. соответствующие определения в словаре [Ахманова 1966]):

С л о в о с о ч е т а н и е - сочетание двух или более оформленных подчинительной связью знаменательных слов, обладающее смыслом и служащее материалом для построения предложений (определение словосочетания с учетом инкапсуляции будет уточнено ниже).

П р е д л о ж е н и е - предикативная группа слов/словосочетаний, выражающих законченную мысль.

Существенный недостаток иранистических грамматик, которые оперируют подобными дефинициями, заключается в том, что все понятия определяются через термин "слово", который сам по себе нигде не определяется.

Существует мнение, что слово - это фундаментальная единица языка, данная нам интуитивно и неподдающаяся определению. Субъективные представления языковеда позволяют произвольно делить речь на слова и подразделять их на части речи, что в свою очередь приводит к наблюдаемому в иранистике разнообразию грамматик, в которых число частей речи варьирует в широких пределах. Многие вопросы регулируются "здравым смыслом", но для создания порождающих моделей этого недостаточно. Большая часть вопросов была бы снята, если бы иранистам удалось прийти к единому мнению, что считать словом и его признаками. В нашей работе предлагаются следующие определения, неоперирующие приведенными выше терминами.

С л о в о - это часть высказывания между двумя ближайшими словесными границами. Словесные границы в свою очередь могут быть слабыми и сильными.

П р а в и л о 1 . Сильная словесная граница начинает и/или завершает высказывание.

Практически это означает совпадение словесной и фразовой границ. Другими словами, все, что можно сказать одной фразой (на одном выдохе, непрерываемом вдохом) обрамлено словесными границами. А т.к. подавляющее большинство слов в рассматриваемых языках можно представить в виде отдельной фразы (односоставных предложений, слов-предложений, междометий), то таким способом устанавливаются словесные границы для имен, глаголов и других знаменательных частей речи, а также для некоторых незнаменательных - междометий, союзов.

[2]"Слово - это предельная составляющая предложения, способная непосредственно соотноситься с предметом мысли как обобщенным отражением данного участка (кусочка) действительности и направляться (указывать) на эту последнюю." или "Слово - потенциальный минимум предложения, рассматриваемый только в синтаксическом плане".

[3]В большей степени разработаны персидский и таджикский, в меньшей - дари; синтаксис новоперсидского языка систематически не описывался. Синтаксису среднеперсидского языка посвящена работа [Молчанова 1966].

Те места внутри фразы, которые допускают более или менее значительную смысловую паузу (порядка сотен миллисекунд) являются сильными словесными границами. Такие значительные паузы внутри фразы используются ораторами (дикторами, лекторами, докладчиками, преподавателями и т.д.) для подчеркивания отдельных слов (а иногда при вспоминании и подборе подходящего слова; в этом случае в паузу могут быть непроизвольно вставлены некоторые звуки и даже целые слова: в русской и английской речи обычно вставляется *э...,* в персидской — *ciz...* "вещь". По сути дела, эти звуки - регистрируемые аппаратурой факультативные акустические маркеры сильных словесных границ.) Закономерностью является то, что при такой паузации, будь то произвольной, будь то непроизвольной, предшествующая паузе часть фразы или по крайней мере последнее фонетическое слово в ней произносятся с интонацией незавершенности. Непривычная или неожиданная паузация на сильной словесной границе используется юмористами для комического эффекта.

Для глобального деления любого предложения на слова можно прибегнуть к несколько искусственному (однако нередко используемому писателями) приему - парцелляции. Например, предложение

Он вошел и увидел ее. парцеллируется, следующим образом: *QH. Вошел. И... Увидел. Ее.*

Практически, сильные словесные границы - это паузы, которые могут быть обозначены компетентным носителем языка в процессе парцелляции. Они имеют следующие иерархические свойства: 1) проходят по фонетическому слогоразделу (+); 2) проходят по фонологической межсловесной паузе (#); 3) проходят по границам между фонетическими словами[4]; 4) границы более высокого уровня (между синтагмами, составом подлежащего и сказуемого, между темой и ремой) могут проходить только по сильным словесным границам.

В быстрой речи пауза # как перерыв в звучании физически может сокращаться до 0 мс[5]. Однако от этого она не прекращает своего фонологическогоо существования. В некоторых случаях, не проявляясь во времени, она реализуется фонологически. Например, в русской фразе *Пусть отойдет,* произнесенной без паузы, финальное */m/* в слове *пусть* остается мягким, слогораздел проходит после него. В персидском языке (но не в таджикском и дари) наличие паузы может быть диагностировано по неразложению квазидифтонга *I owl* перед гласным, напр. *jelow amad* "вышел вперед" (внутри слога перед гласным звук */w/* переходит в /v/ или реже в */y/,* напр. *jelow* + изафетный показатель *-e > jelo-ve > jelo-ye).* В тех случаях, когда фонологический маркер отсутствует обнаружение паузы # становится затруднительным[6].

Следствие. В литературно-прозаических вариантах трех близкородственных языков, поскольку глагол завершает предложение, личное окончание указывает на следующую за ним словесную границу. По аналогии это следствие распространяется на разговорную речь и поэзию, где после глагола могут находиться другие части речи. Примеры: перс, дари *Bahar.* "Весна.", перс. *Bale* "Да." *Bacceha!* "Ребята!" *Ku?* "Где?, дари " *Xayriyat?* "Дела идут хорошо?" *Rafta,* "Ушел.", тадж. *Омад.* "Пришел." *Не.* "Нет."

В приведенных примерах встречаются многоморфемные образования. Словесную границу нельзя провести ни перед суффиксом множественного числа *-ha* в перс, *bacceha,* ни перед суффиксом причастия прошедшего времени *-a* в дари

Как вариант, допустимо объединение нескольких слов с сильными словесными границами в одно фонетическое слово, но новое фонетическое слово также обязательно будет обрамлено сильными словесными границами.

В рассматриваемых языках нулевая пауза как правило наблюдается между именем и глаголом в сложных глаголах.

Вспомним известный пример неразличения на слух фраз: *Та марка упала. Тамарка упала. Там арка упала.*

rafta, т.к., хотя и возможны фразы типа перс. *Ьабсе* "ребенок", перс, дари *raft* "ушел", но невозможны **ha, *a'.*

Если в одном из членов парадигмы окончание отсуствует (точнее, имеется нулевое окончание, которое в данном случае обозначим как *-0),* то словесная граница проходит после нулевой флексии). Примеры: перс. *ЬехйЬ-0* "спи" - *bexabid* "спите", *arnad-О* "пришел" - *amadand* "они пришли", дари *xana-0* "дом" - *xanaha* "дома", *xub-0* "хорошо" - *xubtar* "лучше". Сходные по звучанию словоформы типа "бегал/бежите" различаются наличием/отсутствием нулевой флексии (в персидском отражается только этот фактор - перс, *midavid-01midavid)* и гласным последнего слога - *дари medavid-01 medaved,* тадж. *медавид-01 медавед* (в таджикском и дари отражаются оба фактора)

Первого правила недостаточно, чтобы классифицировать все образования по принципу "слово/часть слова". В потоке речи в персидском, таджикском и дари (в отличие от русского и других европейских языков) встречаются образования, которые носители языка интуитивно считают словами, а языковеды аргументированно классифицируют как части речи, и в то же время только с одной стороны могут быть оформлены фразовой границей, а с другой - не могут, т.е. всегда примыкают к другим образованиям.

А к с и о м а 1. Слово обладает свойством непроницаемости, т.е. внутрь одного слова нельзя вставить другое.

При ином подходе в грамматику пришлось бы вводить множество отрицательных правил, объясняющих, почему, например, словом не являются словосочетания и предложения, что сделало бы ее излишне громоздкой.

А к с и о м а 2. Любое высказывание (фразу, предложение) можно поделить на слова.

Текст делится на синтаксические группы, которые в свою очередь делятся на более мелкие образования и т.д., которые в конечном счете членятся на слова. При этом на некотором этапе анализа синтаксическая группа может быть расчленена на словоформы.

Словоформы синтетического типа представляют собой одно слово, в котором его части - флексии, суффиксы, приставки - указывают на одно или несколько грамматических значений. Например, в персидской синтетической глагольной словоформе *miavardand* " [они] приносили" окончание *-and* указывает на 3 лицо мн. число, а приставка *mi-* при основе прошедшего времени - на имперфект (прошедшее длительное время). В синтетической именной словоформе *danesgahiyan* "университетские деятели" суффикс *-an* указывает на мн. число и одушевленность. Словоформы синтетического типа далее на слова не делятся, все обнаруживаемые в них грамматические показатели являются частью слова.

Словоформы аналитического типа состоят из нескольких слов - одного основного, содержащего лексическое значение, и служебного, указывающего на грамматическое значение. В упомянутых иранских языках часто встречаются словоформы смешанного типа, в которых одно из служебных слов является синтетической словоформой. Например, в разг. дари *zada soda rafta tanesta naxat basem,* что можно понять как "мы, вероятно, не смогли продолжать подвергаться битью"[8] лексическое значение содержится в неизменяемой части *zada* "битый", остальные слова формируют грамматическое значение, причем слово *basem* "будем" является синтетической глагольной словоформой (подробнее о такого рода формах см. [Островский 1991: 89]).

П р а в и л о 2. С л а б а я с л о в е с н а я г р а н и ц а внутри высказывания проходит там, где, хотя и нельзя начать/закончить высказывание, можно вставить слово.

[7]В персидском языке морфемы *-ha* (показатель мн. числа) и *-e* (показатель причастия прош. вр.) соответственно совпадают по фонемному составу с междометиями *ha?* "ну?" и *e?* "да, ну?", которые всегда обрамляются сильными словесными границами.

Вспомогательные глаголы *raftan* и *tavanestan* обычно не сочетаются в одной словоформе, этот искусственный пример приведен для указания порядка элементов в структуре словоформы.

Таким образом, если мы определили, что какой-то отрезок речи по правилу 1 является словом, то мы можем его использовать для диагностики образований, состоящих из нескольких морфем (слогов). Если нам удается вставить такое слово между исследуемыми морфемами (например, с целью распространения: перс. *marz-esan* - *marz-e semali-y-esan* "их граница - их северная граница"), то мы заключаем, что в этом месте проходит словесная граница[9]. С помощью правила 2 понятие слова расширяется на оставшиеся незнаменательные и несамостоятельные части речи: местоименные энклитики, послелог *-ea,* краткая форма глагола-связки, артикль, нумеративная частица *-ta,* союзные энклитики *-ham, -niz,* исконно иранский сочинительный союз *-o/-y* (в отличие от заимствованного из арабского языка *va/wa/ea),* частица *ке/ки* и др.

С учетом слабых словесных границ, в частности, словом "становится" преверб (в большинстве грамматик определяемый как глагольная приставка), после которого перед глаголом можно вставить вспомогательный глагол *xastan* для образования форм будущего категорического времени, напр. перс, *bar naxdhad dast* "не поднимет" от глагола *bar dastan* "поднимать". В таджикском и дари, особенно в их разговорных вариантах, преверб и глагол не дистанциируются, преверб фактически сросся с основой, например, перс. разг. *bar nemidare* - дари разг. *namebardara* "не поднимает", перс. разг. *bar midyad* - тадж. *мебарояд* "выходит".

Правило 2 является рекурсивным, т.е. для использования в празиле 2 слово не обязательно должно быть определено по правилу 1, может быть предварительно использовано правило 2.

Слабые словесные границы, разделяющие слова в капсуле (см. ниже), обозначаются нами дефисом (-) и обладают следующими свойствами:

1. Они в общем случае не проходят по межсловной паузе #.

2. Как правило, они проходят по морфемному шву (т.е. соединение фонем на границе (-) происходит так же, как и внутри морфемы). В некоторых случаях имеет место фузия - такое сращение знаменательного и незнаменательного слов, при котором фонемный состав результирующей капсулы не тождествен сумме фонем составляющих ее слов. При фузии на морфемной границе возможна замена одних фонем на другие, их исчезновение и/или появление, а также комбинация этих случаев, например: перс, литер, *rafte-am* - разг. *raftaam* "я ушел" (во втором случае на месте суффикса и окончания произносится один долгий ударный гласный); дари литер, *rafta-am* -дари разг. *raftem* "я ушел"; перс, *ru* + *as* > перс. разг. *ru-s* "на нем"; перс, *be* + *as* > перс. разг. *beh-es* "ему"; перс. *mizanad* + *as* > перс. разг. *mizanates* "он ее бьет"; дари *mezanad* + *at* > *mezanei* дари разг. "он тебя бьет"; дари *bacca* + *at* > дари разг. *bacet* "твой сын"; перс, и дари *koja* + *ast* > перс, и дари разг. *koja-s?* "где он?"; перс, и дари *ma* + *ham* > перс, и дари разг. *mam* "мы тоже".

3. Слабые словесные границы в общем случае не совпадают со слогоразделом (следствие второго свойства, см. примеры в пункте 2).

Слова, разделенные слабыми словесными границами, образуют капсулу - единое фонетическое слово, объединенное одним словесным ударением. (В работе [Барулин 1988: 282] данные единицы называются клитическими сращениями, например в русском языке *я бы, он-то, ты ведь, ей-богу, ишь ты, черти-что* и т.д. Однако, в отличие от высказанной там концепции в рассматриваемых нами языках клитики способны образовывать самостоятельные фонетические слова, например в разговорном персидском имеем сращение предлога с местоименной энклитикой перс. *Ба* "с" + *-esan* "их" > перс. разг. *bahasun* "с ними"; в литературном - сращение союза *va* "и" с энклитическим союзом *-niz* "также" > перс, литер, *va-niz* "а также".)

Безусловно, дробление потока речи на слова парцелляцией по правилу 1 и диагностика слабых словесных границ вставкой по правилу 2 могут производиться компетентным носителем языка при соблюдении семантических правил, т.е. получаемые образования не должны быть бессмыслицей и по шкале, определяемой в работе [Апресян 1988: 263] должны получить оценку "правильно".

В пехлевийской графике оба вида словесных границ регулярно (хотя и не во всех случаях последовательно) обозначались на письме: сильные - пробелом, слабые - отсутствием соединения между в принципе соединяемыми буквами внутри графического слова (в транскрипции среднеперсидских текстов их принято обозначать дефисом). Например, *u-s pad (last das-e(v) I ahanen deist* "и он держал в руке железный серп" [Чунакова 1987: 67]; *harvisp roz l-t zlndagih* "все дни твоей жизни"; *an xwamn l-m did* "тот сон, который я видел" [Чунакова 1987: 40]; *roz-г* "однажды".

По приведенным примерам видно, что местоименные энклитики *-m, -t, -s* (а также энклитики множественного числа) и артикль *-e(v)* уже тогда составляли одну капсулу с предыдущим словом. Несомненно, такую же позицию занимал и изафетный показатель *-I,* хотя на письме он с обеих сторон отделялся пробелами.

В современной персидской вязи в Иране и Афганистане регулярность обозначения слабых словесных границ в значительной степени утрачена (вероятно под влиянием арабской традиции, ср. написание *'aleykum/"alaykum* "вам", где энклитика *-кит* пишется слитно с предлогом). Для некоторых энклитик характерно слитное написание - местоименные энклитики, артикль; для некоторых раздельное - нумеративная частица *-Ш,* частицы *-ham, -niz;* остальные допустимо писать и слитно, и раздельно - послелог *-га,* союзная частица *-ке* (подробные орфографические правила с исключениями содержатся в учебниках персидского языка, см. например, [Шарова, Левковская, Иванов 1983]. В последние годы, однако, в Иране введен ряд орфографических правил (точнее корректорских, обозначаемых словом *virastegi* правка от глагола *virastan* "приводить в систему"), которые в большой степени восстанавливают обозначение слабых словесных границ [Sive 1985]. Местоименные энклитики после слов оканчивающихся на *-i* или *-e* пишутся с разрывом без пробела, например в перс. *dai-[ya]s* "его дядя", *hame-[ya]s* "все это". По таким же правилам стали писать глагольную приставку *mi-,* которая была словом еще на новоперсидском этапе развития фарси, но уже перестала быть таковым в современных персидском, таджикском и дари.

В таджикской кириллице в подавляющем числе случаев слабые словесные границы не обозначаются, что приводит к неосознанию носителями языка энклитик как слов. Регулярно обозначаются слабые словесные границы дефисом перед таджикски специфическими частицами *-ми, -чи, -ку, -дия* и т.п. и пробелом перед связкой *-аст* после именных частей речи *Ин сутун аст.* "Это столб." а также перед частицами *х,ам, низ* "также". В глагольных формах связка *-аст* пишется слитно *Рафтааст.* "Он ушел."

Продолжая пример с превербом, определим статус местоименной энклитики. Существует определяемое по правилу 1 слово *zan* "женщина, жена". В двухморфемном образовании, реализующемся как одно фонетическое слово с ударением на первом слоге, перс, дари *zanas* fперс. разг. *zanes)* "его жена" *-as/-es* по первому правилу не может считаться словом, т.к. эта морфема не может начинать высказывание (хотя и может его завершать). Однако, между этими морфемами всегда можно вставить определение к существительному *zan-e xosgel-as* "его красивая жена", что по второму правилу сигнализирует нам о словесной границе перед *-as/-es.* Значит - местоименная энклитика является морфологическим словом и должна рассматриваться как часть речи. (Во многих работах она называется суффиксом или просто энклитикой без уточнения морфологического статуса. В некоторых работах, посвященных таджикскому языку, местоименные энклитики считаются суффиксами-показателями грамматической категории "принадлежность" подобно тому как суффикс *-ha* является грамматическим показателем мн. числа. Между тем, суффикс мн. числа от основы не отделяется. Определение же энклитик как суффиксов противоречит представлениям общего языкознания, т.к. между корнем и нормальным суффиксом слова не вставляются.)

При использовании полученного по правилу 2 слова для диагностики преверба в разговорном персидском внутрь фразы *bar darin* "поднимите" вставляем место-

именную энклитику *bar-es darin* перс. разг. "поднимите его"[10] (возможно и *bar darin-es* с тем же значением, [Пейсиков 1973: 19]). Любого из описанных методов достаточно, чтобы определить преверб как слово. Таким образом, - преверб является отдельной частьюречи[11].

Аналогично доказывается, что в персидском языке словом и частью речи является приглагольное имя типа *gom* в *gom kardan* "терять", которое без компонирующего глагола не употребляется. Это подтверждается фразами *gom-es kard* " [он] его потерял" (вставка местоименной энклитики) и *gom xahad sod* "потеряется" (вставка служебного глагола). Если слово *gom* можно с определенными оговорками отнести к именным частям речи и даже прилагательным (иную точку зрения см. [Рубинчик 1981: 116]) по сочетанию *gom-e gom sod* "совсем потерялся" (в изафетную связь вступают только именные части речи, подобная редупликация характерна для прилагательных: ср. *salem-e salem* "здоров-здоровехонек", *mohkam-e mohkam* "крепко-накрепко", *mast-e mast* "пьяный в стельку"), то у целого ряда приглагольных слов и эти признаки отсутствуют: *low raftan* "распасться в результате предательства (одного из членов организации)", *reserv kardan* "зарезервировать", *океу kardan* "одобрить". Приглагольное имя является наиболее абстрактной частью речи без грамматических категорий в рассматриваемых языках, через которую проходит основная масса иностранных заимствований. Часто наблюдается окказиональное заимствование русских и английских слов, в том числе глаголов, когда в этой позиции заимствуемые слова даже не меняют свего иноязычного оформления. В литературе по информатике встречаем гибриды типа: *dawnlowd kardan* "загружать шрифт в принтер" (от англ. *to download), riset kardan* "перезагружать, сбрасывать параметры аппаратуры в начальное состояние" (от англ. *to reset);* причем в персидском тексте именная часть сложного глагола изображается латиницей, а компонирующий глагол - вязью. Аналогичным путем попал в персидский язык русский инфинитив *boksovat kardan* "буксовать".

Своеобразие близкородственных языков персидского, таджикского и дари по сравнению с инструментально обследованными европейскими языками заключается помимо прочего в том, что деление речи на морфологические слова нечасто совпадает с делением на слова фонетические, т.е. группы слогов, объединенных одним словесным ударением. Причем граница между словами морфологическими, если не принимать во внимание инкапсуляцию (см. ниже), может проходить в непривычных для общего языкознания местах: внутри слога - между согласным и последующим гласным, как например в перс, *cesmas* ~ дари *casmas* - тадж. *чашмаш* "его глаз [а] " (слогоделение - *ces-mas,* словоделение - *cesm-as).*

Словесные границы для изафетного показателя - наиболее грамматикализованной и лексически опустошенной частицы - можно установить по аналогии: перс, *pedar-e sagerd - pedar-o madar-e sagerd* "отец ученика - родители ученика" (Изафетный показатель оказывается в той же позиции, что и энклитический союз -о "и".) Попытка внедрить слово между изафетным показателем и именной частью речи, к которой он относится, не дает результата, т.к. из-за лексической опустошенности мы не можем определить, появился ли новый показатель или остался прежний. Примеры: перс, *otaq-e rais — otaq-e jadid-e rais* "кабинет директора - новый кабинет директора"; *перс, bolandtarin-e banaha - bolandtarin-o moderntarin-e banaha* "самые высокие из зданий - самые высокие и современные из зданий". Данную проблему можно было бы решить, вводя новую грамматическую категорию для имени -

[10]В дари внедрение местоименной энклитики между превербом и глаголом невозможно.

"Касательно последнего приведенного примера заметим, что если мы встанем на точку зрения тех, кто считает преверб приставкой, а местоименную энклитику суффиксом, то должны будем помимо ненаблюдаемой в других языках способности дистанцироваться у этих "частей слова" отметить еще одну странность: суффикс присоединился непосредственно к приставке, в то время как основа с окончанием следуют за ними.

статусконструктную форму. Тогда изафетный показатель становился бы частью слова - словоизменительным аффиксом.

Внутри слова морфемы связаны морфологической связью, которая реализуется двумя способами: швом и стыком. Шов - соединение морфем внутри слова, при котором их пограничные фонемы соединяются так же, как и внутри морфемы. В случае стечения двух гласных на, шве возникают эпентетические вставки. Примеры присоединения суффикса *-i: boland* "высокий" - *bolandi* "высота", *xane* ;"дом" - *xanegi* "домашний". Стык - соединение морфем внутри слова, при котором их пограничные фонемы соединяются также, как на сильной словесной границе. Стык характерен для полуаффиксации - словообразовательной модели с участием основы настояшего времени (ОНВ) глагола: перс, *now* "новый" + ОНВ *andisidan* "думать" + суффикс *-i* - *now'andisi* перс, (данный пример пригоден только для персидского языка), *dast* "рука" + ОНВ *avordan* "приносить" - *dast'avard* "достижение" (для персидского, таджикского и дари).

Выяснив инвентарь слов, будем исходить из тех достаточно тривиальных утверждений, что, во-первых, всякое слово должно быть классифицировано как часть речи, и, во-вторых, во всяком высказывании слова между собою связаны синтаксической связью. Синтаксическая связь имеет иерархический характер. Речь (текст) членится на сверхфразовые единства (абзацы), которые в свою очередь делятся на фразы (предложения).

Абзацы в указанных языках специально не изучались, но одна из их особенностей заключается в том, что первое предложение абзаца обязательно должно быть двусоставным полным, т.е. должно иметь подлежащее. Последующие предложения могут быть неполными, без подлежащего. В этом случае подлежащее в них восстанавливается из ближайшего предыдущего полного предложения (Например: *Emruz modir-e amel az karxane didan nemudand. Ba'd az jalase dar mardsem-e eftetah-e hargah-e jadid serkat kardand.* "Сегодня директор-распорядитель осмотрел завод. После заседания [он] принял участие в церемонии пуска нового цеха.")

Предложения делятся на словосочетания (определение см. выше). Между словосочетаниями и словами современная иранистика пока промежуточных единиц не предусматривает. В -ч> же время можно привести множество примеров регулярно образуемых комплексов, больших чем слово, но не укладывающихся в традиционное определение словосочетания. Подобные комплексы применительно к русскому языку называются в работе [Барулин 1988: 281] композитами, клитическими сращениями. Однако, в русских композитах, как это следует из текста работы, синтаксических связей как бы не существует; в то время как в наших языках они могут быть прослежены. Принимая во внимание наличие синтаксических связей между знаменательными и не знаменательными словами, их можно назвать субсловосочетаниями.

В рассматриваемых языках обнаруживается 10 классов энклитических частей речи, образующих субсловосочетания:

1. Местоименные энклитики: перс, *dast-am* - дари разг. *dest-em* ~ тадж. *даст-ам* "моя рука"
2. Артикль: перс, *zan-i* -дари *zan-ё* -тадж. *зане* "некая женщина"
3. Краткая связка: перс, *rafte-ast* - дари *rafta-ast* - тадж. *рафтааст* "он ушел"
4. Послелог[12]: перс, *ketab-ra xaridam* -дари *ketab-ra xaridam* -тадж. *Китобро харидам.* "Я купил книгу."
5. Нумеративная частица: перс, *do-ta* - дари *do-ta* ~ тадж. *дуто* "две штуки"

[12]Данная энклитика называется нами послелогом чисто традиционно. Ее основная функция заключается в указании на выделенность группы прямого объекта, см. [Пейсиков 1959: 36-37]. В позиции группы прямого объекта в персидском языке в отличие от таджикского и дари может находится придаточное определительное предложение. Несколько отличающуюся трактовку функции *-га* для этого случая см. [Веретенников 1994: 134].

6. Сочинительный союз *-о/-о/у.* перс, *bist-o do* -дари *bist-o du* -тадж. *бисту ду* "двадцать два"

7. Союзная частица *ке/ке/ку*[13]: перс, *midanam-ke kas-i nist* -дари *medanam-ke kas-ё nest* -тадж. *медонам, ке касе нест* "Я знаю, что никого нет."

Мы называем ке союзной частицей, а не союзом с целью подчеркнуть ее грамматическую "ущербность" по сравнению с соответствующими союзами в европейских языках. Во-первых, она настолько грамматикализовалась и утратила лексическое значение, что приобрела способность вводить большинство придаточных предложений и прямую речь, что низводит ее до функций акустически выраженного знака препинания. Во-вторых, в подавляющем большинстве случаев ее употребление факультативно, связь главного и придаточного предложений при ее опущении не утрачивается, происходит лишь усиление интонационного выражения синтаксической связи - больший подъем тона для обозначения незавершенности в главном предложении и более резкий спуск "точковая интонация" в конце всего сложноподчиненного предложения: перс, *ceraq-ke rowsan sod hayahu bald gereft.* "Когда зажегся свет, поднялся шум." (прид. врем.); перс. *miguyand-ke taze bargaste ast.* "Говорят, что он недавно вернулся." (прид. доп.); перс, *miguyad-ke taze bargaste-am.* "Он говорит: —Я недавно вернулся...." (прям, речь); перс, *amad-ke zan-e xod-as-ra bebinad.* "Он приехал, чтобы повидаться с женой." (прид. цели); перс, *ahmad-ke Cehran narafte bud besyar ta'job kard.* "Ахмед, который не был в Тегеране, очень удивился." (прид. определительное)

8. Частицы *kelxu/ку:* перс, *un-ke gofte* -дари *и-хи gofta* -тадж. *вай гуфт-ку* "он же сказал"

9. Союзные частицы *-[h]am/-[h]am/-х,аМ, niz/niz/низ:* перс, *baradar-am-[hjam* ~дари литер, *berader-am-ham* ~дари разг. *byader-am-am* - тадж. *бародарам х,ам* "и мой брат/мой брат тоже" (В парном употреблении *ham... ham...* и... и... с обеих сторон оформляется сильными словесными границами).

10. Специфические для таджикского языка частицы *-ми, -ни, -дия:* тадж. *Когаз тунук-ми?* "Бумага тонкая?" *Мегузаред-дия?* "Вы пройдете?" *Ба хона равед-чй?* "Шли бы вы домой, а?"

Основное отличие инкапсуляции от других видов синтаксической связи, проявляющихся на уровне словосочетаний, таких как изафетная, предложная, местоименная, заключается в том, что при связываемых ею словах не возникает дополнительных служебных элементов - материальных носителей связи (изафетного показателя, предлога, местоимения). Не выражается эта связь и в флексиях связываемых слов, как это происходит при управлении и согласовании (последние два вида связи в рассматриваемых языках встречаются на уровне предложения, но не словосочетания). Отличие инкапсуляции от примыкания, которое так же не предполагает подобного носителя связи, заключается в устранении межсловной паузы (#), после чего служебное слово инкапсулируется вместе с знаменательным в одну капсулу. Переход стыка в шов после знаменательного слова перед энклитикой является фонологическим следом инкапсуляции.

Отличие инкапсуляции от агглютинации (в том смысле как ее понимают в отношении тюркских языков) заключается в следующем:

1. Инкапсуляция проявляется на уровне синтаксиса т.е. обеспечивает связь слов в словосочетаниях и субсловосочетаниях, тогда как агглютинация в основном проявляется на уровне морфологии, т.е. с ее помощью образуются словоформы.

2. В капсуле словесные границы остаются прежними и прозрачными для вставляемых слов, в то время как в месте присоединения аффикса по принципу агглютинации словесная граница исчезает.

Турецкое *Ben miidurum.* и персидское *Man modir-am.* "Я директор." при внешнем сходстве структур (личное местоимение, существительное, глагольный аффикс - связка) отличаются словесной непроницаемостью второго фонетиче-

Возможно и неэнклитическое употребление частицы *ке.* В дари она употребляется преимущественно проклитически.

ского слова. Распространение этих предложении происходит с существенными структурными отличиями: *Ben yeni mudurum.* ~ *Man modir-e taze-y-am.* Я новый директор, т.е. в турецком распространенном предложении порядок следования морфем в комплексе существительное + предикативный показатель остался прежним, тогда как в персидском - между ними внедрилось определение.

Структура субсловосочетаний. Аналогично изафетным словосочетаниям в субсловосочетаниях распространяющие элементы располагаются в постпозиции по отношению к распространяемому. Первую позицию занимает не более, чем одно самостоятельное слово (диагностируемое парцелляцией по правилу 1), один из слогов которого несет на себе словесное ударение, цементирующее субсловосочетание в одно фонетическое слово. Самостоятельными словами могут быть следующие части речи (примеры даются в персидском произношении):

Именные:

1. Существительное, *dast-as* "его рука", разг. *dust-emun-o* "нашего друга".
2. Прилагательное, разг. *bistar-esun* "большинство из них", *rast-es-o bexafhjin* "по правде говоря".
3. Местоимение, *man-fhjam* "я тоже", разг. *una-i-ro-ke...* "тех, которых...".
4. Числительное, *bist-o do-ta* "22 штуки", *sad-i si* "30%".

Глагол и приглагольные части речи (без глагола не употребляющиеся):

5. Глагол, разг. *raft-es* "он ушел", *goft-esun* "он сказал им", *biyare-s/ biyarat-es* "чтобы он его привел".
6. Преверб *bar/var.* разг. *var-es darin* "поднимите его".
7. Приглагольное имя. разг. *vel-es konin* "оставьте это", *lov-es dade* "он его выдал".

Незнаменательные части речи:

8. Предлог, *baraye* + *as* > *baray-aslbara-s* "для него", *tu* + *as* > *tu-yas/tu-s* "внутри него", *az-es* "у него"
9. Союз, *va-niz* "а также".

Для всех самостоятельных слов характерно сохранение ударения. Имена имеют финальное ударение. В предложных субсловосочетаниях допустимо двоякое акцентирование: чаще на последнем слоге предлога *(bara-s* "для него"), реже на энклитике *(az-es* "у него"). В разговорном персидском возможно ударение на вставке между предлогом и энклитикой *(ba-ha-sun* "с ними"). В глагольных образованиях ударение ставится по тем же правилам, что и в некапсулированных глагольных формах разг. *nadidi-s?* ты не видел его (с ударением на отрицании *na).* Сохранение словесного ударения внутри субсловосочетания отличает его от схожих по структуре синтактикоподобных сращений: Слово *faramusammakon* "незабудка" (дословно не забудь меня), хотя и допускает вычленение глагольной части с отрицанием *'ma,* оформлено одним финальным словесным ударением (что сигнализирует нам о том, что это сращение), границы между бывшими словами срослись, не допускают вставок или замен (не существует, например, слова **faramusesnakon* дословно "не забудь его"), т.е. оно функционирует в языке как существительное-лексема.

Последующие позиции в субсловосочетании занимают одна или несколько энклитик. После числительного может следовать до 5 энклитик: В примере перс, разг. *bist-ta-sun-o-fhjam-ke nadidam* "Я же тоже двадцатерых из них не видел." есть следующие распространяющие элементы, вместе с числительным формирующие непредикативную капсулу: 1) нумеративная частица *-ta* 2) местоименная энклитика *-san/-sun* 3) послелог *-га/-го/-о;* 4) местоименная частица *-fhjam;* 5) частица *ке.*

В примерах с предикативными капсулами *ruz-i-st-ke amadam* "именно в этот день я приехал" после имени следуют: 1) артикль *-i; 2)* краткая связка *-fajst;* 3) союзная частица *ке.* •

При антецеденте придаточного определительного предложения *Xabar-i-ro-ke gofti nasfejnide budam.* "Я не слыхал новости, которую ты мне сказал." энкли-

тики имеют следующий порядок: 1) артикль -г; 2) послелог *-го;* 3) союзная частица *ке.*

Иная категориальная принадлежность изафетного показателя подчеркивается тем, что он с энклитиками^ не сочетается: перечисленные энклитики с изафетным показателем в одной капсуле не встречаются.

Словосочетания. В современной иранистике для персидского, таджикского и дари общепризнанными полагаются 3 типа словосочетаний:

1. Изафетные словосочетания типа перс, *xiyabdn-e markazi* "центральная улица".

2. Словосочетания с предложной связью типа перс, *az hame bozorgtar* "больше всех".

3. Словосочетания основанные на примыкании типа перс, *xeyli behtar* "гораздо лучше".

Местоименные словосочетания типа перс. *Ahmad zan-as dargozast.* "Жена Ахмеда умерла." признаются не всеми (см. ниже).

В работе {Пейсиков 1964] дано определение словосочетания и характеристика его свойств (см. выше). При этом отмечаются два существенных ограничения:

1. Словосочетание может состоять только из знаменательных частей речи. По этой причине, например, *lab-e darya* "у моря" словосочетанием (изафетным) не считается, т.к. слово *lab* "губа" здесь функционирует как предлог, хотя в этом примере компоненты связаны изафетной связью.

2. Между компонентами словосочетания допускается только подчинительная связь. Поэтому такие устойчивые фразеологизмы как *pedar-o madar* "родители" (дословно отец и мать) или *rafte rafte* "постепенно" оказываются вне классификации.

Местоименные словосочетания в отличие от остальных не могут выполнять чисто номинативную функцию и вычленяются из предложения. К тому же между его компонентами проходит граница между темой и ремой, между составом подлежащего и сказуемого, что не характерно для словосочетаний. Эти "странности" обоснованно критикуются в иранистике.

Вводимый нами пятый тип словосочетаний - словосочетания, основанные на артикле, - напротив, соответствует всем классическим требованиям. Однако, по не совсем понятным причинам (может быть из-за отсутствия подобных образований в европейских языках) эта структура до сих пор не рассматривалась иранистами. Мы можем указать 6 основных структурно-семантических моделей артиклевых словосочетаний в персидском языке:

1. Числительное + артикль + числительное. Используется для обозначения процентов, например, *sad-i bist* "20%". Эта модель по смыслу эквивалентна предложному словосочетанию *bist dar sad,* но принадлежит более высокому стилю и, соответственно, менее частотна. С меньшей вероятностью в этой структуре может встретиться числительное *hezar* "тысяча": *hezar-i sisad* "триста [шансов] из тысячи, триста промилей".[14]

2. Существительное + артикль + числительное. Используется для указания приблизительного количества. Например, *nafar-i panj* "человек пять", *kargar-i bist* "человек двадцать рабочих". Эквивалентно трехчленному словосочетанию, основанному на примыкании, *taqriban panj nafar* "примерно пять человек", *taqriban bist kargar* "примерно двадцать рабочих", но несколько менее частотно.

3. [Числительное] + существительное + артикль + числительное + существительное. Обозначает регулярность какого-либо процесса, частоту какого-либо действия, *ruz-i do bar* "два раза в день", *hafte-i se ruz* "три раза в неделю", *se mah-i yek bar* "раз в три месяца", *sal-i do mah* "два месяца в год".

4. Существительное + артикль + *[az]* + существительное во мн. числе для указания неопределенного количества чего-либо. Наиболее распространены случаи, когда в первой позиции в качестве именной части речи находится имя: *edde-i*

[14] Не запрещены и аналогичные конструкции со словами *milyun* и *milyard,* которые нам однако пока в литературе не встречались.

[azj mosaferin "некоторые пассажиры'*, *pare-i [az] xanandegan* "некоторые чи татели", *kuh-i [az] asnad* "гора документов", *meqdar-i [azj ab* "немного воды", *besyar-i [az] danesmandan* "многие ученые". Подобные образования относились авторами то к словосочетаниям, основанным на примыкании при отсутствии предлога, то к предложным - при его наличии (см. [Пейсиков 1959: 126, 225-227], [Овчинникова 1971: 19]).

5. Трудноклассифицируемые случаи типа *andak-i ta'ammol* "немного погодя", *cand-i pis* "недавно", *moddat-i tafakkor* "некоторое раздумье", *gah-i owqat* "иногда".

6. Существительное + артикль + качественное прилагательное (аттрибутивное словосочетание). Например, *baq-i qasang* "какой-то красивый сад", *ruz-i xos* "прекрасный день". Эквивалентно изафетному словосочетанию с артиклем *baq-e qasang-i* "какой-то красивый сад", *ruz-e xub-i* "какой-то прекрасный день", но выше по стилю. Функционирует во всех трех литературных языках со времен классического периода.

Семантически первые пять типов артиклевых словосочетаний в наиболее общем виде имеют значение партитивности: они обозначают часть чего-то. В них нейтрализуется главная функция артикля - указывать на выделенность (невозможно подобрать к ним соответствующие невыделенные образования) (о выделенное™ см. [Рубинчик 1970: 817]). Поэтому в словосочетаниях такого типа артикль несет чисто связочную функцию. Причем в первом типе артикль присоединяется и относится к количественному числительному, что в традиционных грамматиках не отмечено. Шестой тип передает атрибутивные значения. Функция выделенное™ в нем за артиклем сохраняется и сочетается со связочной. Поэтому, уточняя грамматическую терминологию, следовало бы именовать артикль связочно-выделительным. Каждому из артиклевых словосочетаний шестого типа можно противопоставить невыделенное изафетное словосочетание. Партитивность в глубинном смысле возводима к атрибутивным отношениям: распространяющий элемент указывает, к чему относится часть чего-то, чему она принадлежит.

Во втором, третьем, четвертом и шестом типах артиклевых словосочетаний артикль, как это ему и положено в традиционных грамматиках, присоединяется и относится к существительному, в пятом типе - к именам разных категорий. В изафетных словосочетаниях с артиклем, построенных по модели "существительное + изафетный показатель + прилагательное + артикль", например *forusgah-e taze-i* "новый магазин", артикль присоединяется к прилагательному, но относится при этом к существительному (дистантное положение артикля).

Во всех шести моделях персидских артиклевых словосочетаний есть стержневое и распространяющее слова, артикль выступает в них связующим элементом (в контактном положении). Опущение артикля приводит к нарушению грамматико-смысловой целостности словосочетания, к бессмыслице. При обычном, несвязочном употреблении артикля со значением единичности или неопределенности его опущение возможно, грамматических нарушений это не вызывает, меняется только смысл высказывания: *mard* "мужчина" - *mard-i* "какой-то мужчина". В первых двух моделях артиклевых словосочетаний (для обозначения процентов и приблизительности) артикль полностью грамматикализован и не имеет лексического значения (напр. единичности). Аналогичная грамматикализация наблюдается в местоименно-артиклевом блоке *ce...-i?* "что за...? который...?", включающем в себя слово, к которому ставится вопрос, например: *ce sa'at-i?* "в котором часу?", *cë kas-i?* "кто?", *be ce ellat-i?* "по какой причине?". Грамматикализация в частности проявляется в том, что артикль, обычно обозначающий неопределенность и единичность, в этой функции употребляется и по отношению к существительным во множественном числе, которое помимо множества обозначает определенность: *ce asxas-i?* "Что за люди?", *ce ruzfhjd-i?* "По каким дням?" (Не следует смешивать вопросительный блок *ce...-i?* со схожими вопросительными словами *ceciz?* "что?", *секаг?* "что за дело?", *cetowr?* "как?", *cerang?* "какого цвета?" и т.п., в которых морфема *ce* входит в состав слова.)

ink

Атрибутивность и связочная функция проявляются в использовании артикля и на другом синтаксическом уровне - в сложном предложении. (Об артикле в сложноподчиненных предложениях с придаточными определительными см. [Рубинчик 1970: 843]). Аналогично распространяющей части в атрибутивных артиклевых словосочетаниях придаточное определительное указывает на признак в широком смысле слова. Однако связочная функция артикля на уровне предложений проявляется гораздо слабее, т.к. употребление его в этой позиции факультативно, а основная тяжесть синтаксической связи падает на союзную частицу *ке/ки*. Часто опущение артикля перед придаточным определительным не является грамматической ошибкой, а лишь переводит высказывание из одного стиля в другой: использование артикля для ввода придаточного определительного характерно для нейтральной прозы; в поэзии, в архаично-высоком стиле, в разговорном стилях он как правило опускается.

Вполне возможно, что, раз начав употребляться в атрибутивно-связочной функции, артикль по мере развития языка расширит свою приложимость (по крайней мере в персидском языке). Аналогичное развитие уже прошел изафетный показатель, представляв собой на уровне древнеперсидского языка относительное местоимение, вводящее придаточное определительное предложение, на среднеперсидском уровне развился в грамматический показатель, обеспечивающий в современных языках подавляющее большинство атрибутивных связей в словосочетаниях.

Проблема сочинения в словосочетаниях. Если снять упомянутое ограничение на наличие подчинения как категории синтаксической связи в словосочетаниях, то в сфере анализа появляются словосочетания с так называемой сочинительной связью (здесь мы в общем поддерживаем идеи, высказанные в работе [Овчинникова 1971]). Мы вводим здесь только две модели таких сочетаний в рассматриваемых литературных языках, из которых первая значительно более продуктивна и представляет больший интерес:

1. Словосочетания, основанные на сочинительном энклитическом союзе: перс. *-о (-vo)* -дари *-о (-wo,-w)* -тадж. *-у (-ю)* - ср.-перс. *ud.* В смысловом плане они обладают номинативной функцией, т.е. также как и другие виды словосочетаний обозначают сложное понятие, могут образовывать назывное предложение. С точки зрения ритмики они схожи с изафетными словосочетаниями: энклитический союз образует одну капсулу с первым элементом словосочетания. После первого знаменательного слова перед союзом (внутри капсулы) пауза отсутствует, а перед вторым знаменательным словом - пауза хотя и допустима, но не употребительна. Все сочинительное словосочетание как правило произносится в одну синтагму.

В свободных словосочетаниях этот союз используется для связывания двух или более однородных членов предложения. Для связи предложений он используется в персидской прозаической речи редко (для этого служит заимствованный в исламский период из арабского языка неэнклитический союз *va/wa/ea).* В современном таджикском и дари энклитический союз для связи предложений используется существенно чаще, что является наследием прошлого этих языков: в средне- и новоперсидском языках он был единственным способом передачи значения и для связи слов и предложений. Большая часть подобных словосочетаний представляет собой фразеологизмы, т.е. имеет фиксированный порядок слов и воспроизводится целиком: перс, *pedar-o mddar* "родители", *sabz-o xorram* "цветущий", *farhang-o honor* "культура и исскусство", *soste-vo rofte* "вылизанный", *hezar-o nohsad-o haftdd-o hast* "1978", тадж. *шаъну шараф ба...* "слава..."

Как правило в таких словосочетаниях связываемые энклитическим союзом элементы далеки от равноправия: последующие элементы распространяют предыдущий, зависят от него, имеют подчиненное значение. Ассиметрия этих словосочетаний подчеркивается и тем, что изменение порядка компонентов как правило не допускается: такая замена либо нарушает стиль высказывания, либо приводит к полной бессмыслице (как в случае с составными числительными).

Все это весьма непохоже на сочинительную связь, к которой обычно такие сочетания относят.

Напротив, сочетания слов, основанные на неэнклитических (функционирующих как самостоятельные лексемы) сочинительных союзах *ya* "или", *ham... ham* "и... и...", *va* "и" существенно отличаются от союза *-o.* Их компоненты не имеют такой тесной смысловой связи как словосочетания, основанные на энклитическом союзе, и поэтому их номинативная функция (способность обозначать одно сложное явление) ослаблена (т.е. они обозначают столько явлений, сколько в них знаменательных компонентов). Они редко выступают как фразеологизмы, являются как правило свободными сочетаниями, перс, *cai ya qahve (biyaram)?* "(принести) чай или кофе?" *ham man ham soma...* "и я, и вы...", *joqrafya va adabiyat (mixanim)* "(Мы изучаем) географию и литературу".

О менее тесной связи компонентов в таких сочетаниях нам сигнализирует и ритмика: между любыми их компонентами возможна более или менее значительная смысловая пауза. Перестановка их компонентов не приводит к каким-либо нарушениям. В отличие от энклитических сочинительных словосочетаний они не являются строительным материалом для построения предложений (или по крайней мере эта функция в них существенно ослаблена), а вычленяются из него. Их отдельное от оставшейся части предложения произношение вызывает впечатление неполноты. Однако, категориальная граница между словосочетаниями на основе энклитического союза -о и сочетаниями на основе неэнклитического союза *va* размыта, что допускает взаимные переходы сочетаний из одной категории в другую и пополнение сочинительных фразеологизмов за счет свободных сочетаний.

2. Словосочетания, основанные на примыкании, состоящие из двух повторяющихся элементов. Они используются:

а) для указания распределительности перс. разг. *sis-ta sis-ta* "по шесть штук", литер, *daste daste* "повзводно", *dane dam* "поштучно".

б) для усиления признака *bala bale* "на самом верху", *кат кат* "чуть-чуть".

Та же тенденция просматривается в глагольных фразеологизмах типа тадж. *даст-даст кардан* "ощупывать" (в то время как *даст кардан* означает "дотронуться"). Целый ряд подобных многокомпонентных глагольных фразеологизмов, построенных по модели имя + имя + глагол (где превое и второе имя тождественны), приведены в работе [Веретенников 1993: 96], например перс, *cap [capJ negaristan* "смотреть подозрительно", *xun [xun] xordan* "терзаться". Однако в этом случае мы имеем дело с иной иерархией связей. Первичным здесь является сложный глагол со структурой имя + глагол, который допускает вставку еще одного экземпляра входящего в его состав имени. Поэтому второй элемент редуплицированной структуры распространяет не первый элемент, а весь сложный глагол.

Большая часть редуплицированных сочетаний является фразеологизмами типа перс, *rafte rafte* "постепенно". Произносятся они как одно фонетическое слово с основным ударением на последнем слоге и второстепенным на первом (а не на последнем слоге первой основы, как этого можно было ожидать)[15]. По сравнению со словосочетаниями, основанными на энклитическом сочинительном союзе -о, редупликационные словосочетания встречаются значительно реже, и далеко не всякие слова способны их образовывать, т.е. такой тип образования словосочетаний в отличие от всех прочих не является в современных языках продуктивным.

Строгость "сочинительное™" связи в редупликационных словосочетаниях небезупречна: с одной стороны, равноправие входящих в них компонентов нельзя проверить перестановкой из-за их немаркированности; с другой стороны, часть из них схожа с редупликационными изафетными словосочетаниями типа перс. *tamiz-e tamiz* "очень чистый", в которых второй элемент распространяет первый, усиливая его качество, признак. Однако ассиметрия редупликационных словосо-

[15]В дари ударение падает на последний слог первой основы *teka teka* "на кусочки".

- U -ттШ П'

четаний существенно меньше, чем у словосочетаний, основанных на энклитическом союзе -о. Фонетический фактор - оформление словосочетаний в одну синтагму или даже одно фонетическое слово - играет второстепенную роль; он подчинен более фундаментальным морфологическим, синтаксическим и семантическим закономерностям и лишь сигнализирует нам о характере глубинных связях компонентов словосочетания. Редупликационные словосочетания по многим показателям сходны со словосочетаними, построенными на примыкании: отсутствуют материальные носители связи, произносятся в одну синтагму, имеют сходный ритмический рисунок. Отличие их заключается только в повторяемости элементов.

Синтаксические связи незнаменательных частей речи. Если исходить из того постулата, что все слова в высказывании связаны между собой синтаксической связью, появляется необходимость определения типов такой связи для всех без исключения разрядов слов, и в сферу анализа попадают сочетания с энклитиками, предлогами, прейербами и другими незнаменательными частями речи. Ранее синтаксические структуры на таком уровне не рассматривались. Мы можем указать три типа синтаксических структур, образуемых с участием незнаменательных частей речи (субсловосочетания): 1) капсула; 2) изафетное субсловосочетание; 3) субсловосочетание, основанное на примыкании.

Капсулу образуют все вышеперечисленные энклитики, которые присоединяются к знаменательным частям речи, некоторым незнаменательным и друг к другу инкапсуляцией; примеры см. выше. Изафетное субсловосочетание образуют именные или изафетные предлоги, перешедшие в эту категорию из именных частей речи и утратившие свою номинативную функцию, например, перс, *tu-ye otaq* "в комнате", дари *kat-e ma* "с нами", тадж. *даруни хона* "в доме", (примеры см. в [Грамматика 1985: т.1, с.293], [Пейсиков 1959: 51]).

Примыкание на уровне субсловосочетания связывает простые предлоги: перс. *az* "из", *baraye* "для", *dor* "в", *bar* "на", *Ьа* "с", *be* "к", *Ьі* "без", *ta* "до", *joz* 'кроме". Они образуют субсловосочетание с именными частями речи (существительными, местоимениями); например: перс. *Ьа ma* "с нами", *ta farda* "до завтра", *az zamin ta asman* "(отличается) как земля от неба". Реже в предложных субсловосочетаниях у4асТВVK>Т количественные числительные: перс, *az dah ta panzdah farvand (musak)* "от десяти до пятнадцати штук (ракет)". Как уже говорилось, предлог может присоединять местоименную энклитику: перс, *az-es* "у него", *bara-m* "для меня". В этом случае полученные субсловосочетания относятся к более элементарному виду связи - инкапсуляции. Простые предлоги *dar, bar, bi, joz* капсул с местоименными энклитиками не образуют, т.к. неупотребительны в разговорном стиле. Однако, капсулы могут образовывать многие изафетные предлоги, в этой позиции они не отличаются от именных частей речи: перс, *tu-y-as/tu-s* "в нем", *post-es* "позади него", *jelo-y-as* "впереди него" и т.п.

Субсловосочетания не являются сращениями (к которым относятся некоторые виды композитов), т.к., во-первых, словесные границы внутри них не являются омертвевшими; во-вторых, один элемент в них в зависимости от содержания высказывания может быть заменен на другой, что в сращениях невозможно; в-третьих, от одного элемента к другому можно задать вопрос, что характерно для единиц более высокого уровня - словосочетаний и предложений; например перс, разг. *Be-s telefon kardi?* "[Ты] ему звонила?" - *Be ki?* "Кому?" - *Be un.* "Ему." (Поскольку энклитики всегда безударны и не допускают постановки на них логического ударения, в ответе энклитика заменена на личное местоимение). Во всех описанных видах субсловосочетаний первый элемент - главный, последующие распространяют его.

Примыканием связаны превербы в перс, *bar dastan* "поднимать", *dar avordan* "вынимать", *fara xandan* "созывать", *va dastan* "вынуждать". Приставочные глаголы в положительной форме отличаются сильным синтагматическим ударением на превербе, глагольная часть почти полностью утрачивает словесное ударение. В отрицательной форме, напротив, ударение утрачивает преверб, а син-

тагматическое и словесное ударение переходит на отрицание *na/ne.* Преверб (вместе с возможной местоименной энклитикой) отделяется от следующего за ним глагола сильной словесной границей. Отрицательная приставка *na/ne* в глагольных формах словом не является (поэтому ее отнесение к частицам не оправдано) и сигнализирует о том, что перед ней проходит сильная словесная граница.

Несмотря на то, что предлоги и превербы весьма сходны по структуре и происхождению, степень семантической абстракции последних существенно выше. По лексической опустошенности они уступают только послелогу и изафетному показателю. Поэтому задать вопрос к превербу или от него не представляется возможным, что не позволяет однозначно определять структуру превербных субсловосочетаний.

З а к л ю ч е н и е . Определение слова через слабые и сильные словесные границы, позволяя считать слово базовой единицей языка, упрощает дальнейшие определения единиц более высокого уровня - словосочетания и предложения. Помимо описанных ранее четырех типов словосочетаний с подчинительной связью - изафетных, предложных, словосочетаний с местоименной связью и словосочетаний, основанных на примыкании, обнаруживается пятый тип - словосочетания, построенные на артикле. Кроме того, существует два типа сочинительных словосочетаний: 1) словосочетания, построенные на энклитическом союзе -о "и"; 2) редупликационные словосочетания.

На уровне более низком, чем словосочетания функционируют субсловосочетания - сочетания незнаменательных частей речи - энклитик и превербов со знаменательными частями речи и друг с другом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян Ю.Д. 1988 - Языковые аномалии и точки роста новых явлений. // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Всесоюзная школа-семинар "Боржоми-88". Тезисы докладов и сообщений. М. 1988.

Ахманова О.С. 1966 - Словарь лингвистических терминов. М. 1966.

Барулин А.Н. 1988 - К проблеме классификации русских композитов. // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Всесоюзная школа-семинар "Боржоми-88". Тезисы докладов и сообщений. М. 1988.

Веретенников А.А. 1993 - Очерки глагольной фразеологии персидского языка. М. 1993.

Веретенников А.А. 1994 - Об одной грамматической инновации в современном персидском языке (некодифицированная функция послелога *-га).* // ВЯ. 1994, No 1.

Грамматика 1985 - Грамматикаи забони адабии хозираи точик. Душанбе 1985.

Молчанова Е.К. 1966 - Основные вопросы синтаксиса среднеперсидского языка (книжного пехлеви). Автореф. дис... филол. наук, М. 1966.

Пейсиков Л.С. 1959 - Вопросы синтаксиса персидского языка. М. 1959.

Пейсиков Л.С. 1973 - Очерки по словообразованию персидского языка. М. 1973.

Рубинчик Ю.А. 1970 - Грамматический очерк персидского языка. // Персидско-русский словарь. т.2, М.1970

Рубинчик Ю.А. 1981 - Основы фразеологии персидского языка. М. 1981.

Овчинникова И.К. 1971 - К вопросу о грамматической сущности и принципах выявления словосочетаний в персидском языке. // Иранская филология. М. 1971

Чунакова ОМ. 1987 - Книга деяний Ардашира сына Папака. М.1987

Шарова Е.Н., Левковская Р.Г., Иванов В.Б. 1983 - Курс персидского языка. М. 1983.

Sive 1985 - Sive-ye emla-ye farsi dar markaz-e nasr-e danesgahi. Tehran 1985.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1995

© 199S г. А.А. КЕРИМОВА

ОБ ОСНОВНЫХ ПРОЦЕССАХ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ТАДЖИКСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Таджикский литературный язык имеет длительную историю. С IX по XV вв. язык у таджиков был единый с персами - основным населением Ирана, а также с носителями афганского дари, живущими в Афганистане. Литературный язык этого периода известен как фарси, фарси-и дари или просто дари. На нем писали свои произведения поэты с мировым именем - классики персидско-таджикской литературы. На базе классического фарси - персидско-таджикского, точнее - персидско-дари-таджикского литературного языка развились три современных литературных языка - персидский в Иране, дари в Афганистане, таджикский в Таджикистане.

Классический персидско-таджикский литературный язык не подвергался особым изменениям с точки зрения своего морфологического строя; изменения отмечаются в основном в лексике и стиле. В истоках своих простой и лаконичный классический фарси с течением времени становится довольно сложным и искусственным. В него включаются много арабских слов и сочетаний, доступных лишь немногим для понимания [Рипка 1970: 96-97]. Основной формой общения служили местные диалекты. Расхождения между ними все больше возрастали, чему способствовали феодальные условия жизни, территориальная разобщенность, низкий процент грамотности среди населения. Грань между языком письменным и разговорным все более расширялась. К середине XIX в. она стала особенно ощутимой.

Во второй половине XIX в. делаются некоторые попытки демократизации литературного таджикского языка. Немало сделал в этом направлении известный таджикский писатель и просветитель Ахмад Дониш. Он одним из первых стал вводить в свои произведения специфические слова и формы устной речи, не допускавшиеся ранее в литературный язык. Однако и он, как и многие авторы того времени, не был свободным от старых традиций и в целом придерживался норм, существовавших до него как в лексике, так и в грамматике. Язык его произведений достаточно труден для понимания [Маъсумй 1959, Маъсумй 1976].

Стирание грани, существовавшей между таджикским письменным и разговорным языками, осуществляется фактически в XX в. в период после образования Таджикской автономной республики (1924 г.). Проводится целый ряд культурных мероприятий, в частности, в целях ускоренного внедрения грамотности среди населения; таджикская письменность с арабской графики, довольно трудной для восприятия, переводится на новый алфавит на латинской основе [Кветя 1930].

В связи с переходом таджикской письменности с арабской графики на латинизированный алфавит встал вопрос о таджикском литературном языке, о его соотношении с таджикским разговорным языком. Арабская графика, которая не располагает специальными буквами для обозначения кратких гласных, скрывала отличительные особенности таджикской фонетики с точки зрения говорных расхождений.

В процессе сближения литературного таджикского языка с разговорным, протекавшем в советскую эпоху, за основу были приняты северные таджикские говоры, бытующие в относительно развитых экономически древнейших центрах таджикской

культуры, в таких городах, как Бухара, Самарканд, где в свое время, а именно в X в.. особенно бурно стала развиваться классическая персидско-таджикская литература. Большая заслуга в этом процессе принадлежит основоположнику современной таджикской художественной прозы Садриддину Айни, написавшему уже в 1924 г. первую свою повесть "Одина" с ориентацией на живую таджикскую речь. Он активно участвует в дискуссии по вопросам о таджикском литературном языке, выступает в печати с рядом статей.

Демократизация литературного таджикского языка, сближение его с языком народных масс, проявляется на всех языковых уровнях: в фонетике, морфологии, синтаксисе, лексике. Сближение осуществлялось в двух направлениях: 1) выводились элементы архаические, 2) вводилось то, что имело большое распространение в живой речи.

В новой графике на латинской основе был отражен северный тип вокализма, т.е. тот, который наиболее близок к языку классического периода и включает в себя восемь гласных фонем - *i, e, a, o, u, u, I,* й; две из них — *т, й* — реликтовые. Первоначально в графике получили отражение все восемь фонем, однако позднее для литературного таджикского языка был установлен шестифонемный вокализм *i, e, a, o, u, u,* т.е. в него не вошли гласные (Г, й), имеющие остаточный характер[1].

В морфологии существенные изменения произошли в системе глагола, унаследованной от языка классического периода. Она пополнилась многими формами, распространенными в народной речи. Так, например, 1) изъявительное наклонение было пополнено двумя определенными формами, образующимися с помощью вспомогательного глагола *истодан* "стоять, пребывать" - определенным настоящим временем типа *карда истодааст* "делает сейчас" и определенным прошедшим временем типа *карда истода буд* "делал в тот момент". Для этих форм с точки зрения их временной характеристики существенна соотнесенность обозначаемого ими действия с определенным периодом времени; настоящее определенное время выражает действие, совершающееся в данный момент, т.е. именно тогда, когда о нем идет речь, например: *ту куцо рафта истодай!* "ты куда (сейчас) идешь?"; прошедшее определенное время выражает прошедшее действие, соотнесенное с определенным периодом времени в прошлом, например: *вай рафта истода буд ки ман омадам* "он уходил (в тот момент), когда я пришел" (см. более подробно об этих формах [Расторгуева, Керимова 1964: 62 ел.]).

2) Усложнилась в литературном таджикском языке система форм перфекта. Наряду с основной формой перфекта типа *кардааст,* употреблявшейся в классическом языке, стали активно использоваться и некоторые другие перфектные формы, а именно, длительная вневременная форма типа *мекардааст,* преждепрошедший перфект типа *карда будааст* (в классической литературе они отмечаются иногда) и относящаяся к поздним глагольным новообразованиям определенная форма типа *карда истода будааст* "оказывается, делал в тот момент" (см. [Расторгуева, Керимова 1964: 71 ел.; ОИЯ 1982: 161-164]). Основной функцией перфектных форм в литературном таджикском языке, как и в говорах стало выражение действия, о котором говорящий знает с чужих слов или на основе логического вывода, например: *вай рафтааст* "он, оказывается, ушел"; *ин ной бутун талх шудааст* "этот чай стал совсем горьким". Это значение как главное закрепилось и за основной формой перфекта типа *кардааст,* употреблявшейся в языке классического периода для выражения результативности в системе изъявительного наклонения.

3) Расширилась система форм сослагательного наклонения, куда вошли: а) настояще-будущее время - *аорист* типа *кунад, бикунад;* б) прошедшее время типа *карда*

В 1940 г. для таджикского языка была принята графика на русской основе с прибавлением букв *у(й),* Е(Y). *k(q),* -ТУО. •*(/) Д^ля обозначения специфических таджикских звуков, отсутствующих в русском языке. Добавлена также буква й(Г) в конце слова для ударного ы, например, *дустй (dustl)* "дружба".

бошад; в) вневременная длительная форма типа *мекарда бошад* (в прошлом использовалась редко); г) определенная форма типа *карда истода бошад* (новообразование).

4) В литературный таджикский язык были включены из разговорного формы предположительного наклонения: прошедшее время типа *кардагист* "вероятно он делал/сделал", настояще-будущее время типа *мекардагист* "вероятно сделает" и настоящее определенное время типа *карда истодагист* "вероятно делает сейчас".

5) Наряду с основной формой инфинитива типа *кардан* "делать", унаследованной от языка классического периода, в литературном таджикском языке появился определенный или длительный инфинитив (он же имя действия) типа *карда истодан* "делать, делать непрерывно", широко употребительный в северных говорах.

6) В литературном таджикском языке на базе северных говоров появилась причастно-деепричастная форма настоящего времени с вспомогательным глаголом *истодан* "стоять, пребывать" типа *карда истода* "делая/делающий".

7) В литературный таджикский язык вошли из говоров причастные формы на *-ги* прошедшего времени типа *кардагй* "сделанный/сделавший", настояще-будущего времени типа *мекардагй* "делаемый/делающий, подлежащий деланию, намеревающийся делать", настоящего определенного времени типа *карда истодагй* "делаемый/делающий сейчас".

8) В литературный язык проникли из говоров сложно-деепричастные глаголы - лексико-грамматические сочетания, состоящие из двух компонентов, из которых один - в форме деепричастия прошедшего времени - выражает большей частью основное содержание действия, а другой, стоящий в изменяемой форме, является вспомогательным, модифицирующим, вносящим в основное содержание действия различные значения. Действие, выражаемое сложнодеепричастными глаголами, зависит от целого ряда факторов - семантики основного глагола, формы, в которой выступает вспомогательный глагол, различных дополнительных слов, имеющихся при глаголе (более подробно о данных глаголах см. [Расторгуева, Керимова 1964: 211 и ел.]).

9) Важным новшеством в системе глагола литературного таджикского языка является личное окончание 2-го лица мн. числа *-етон,* широко употребительное в северных и центральных говорах (см. территорию его распространения [Расторгуева 1964: 77]). В литературном таджикском языке дооктябрьского периода во втором лице множественного числа имелось одно окончание - *-ед,* выступавшее как при выражении множественности, так и вежливой формы по отношению к одному лицу. Теперь имеются два личных окончания: -ед и *-етон.* Первое из них употребляется, в основном, при вежливом обращении к одному лицу, второе - только при выражении множественности.

Меньше нововведений в системе именных частей речи. К ним относятся, в частности, а) суффикс с значением собирательности *-ино,* присоединяемый к именам собственным, например, *Ра%имино* (< *Ра%им* + *-ино)* "Рахим (и его семья, или друзья, лица, близкие ему)"; б) особая форма интенсивности качества типа *сап-сафед* "белый-пребелый" *(сафед* "белый"), *заб-зард* "желтый-прежелтый" *(зард* "желтый"); в) вторичные местоимения мн. числа: 1-го л. *моён, мо%о* (от *мо)* "мы", 2-го л. *шумоён, шумо^о* (от *шумо)* "вы"; г) неопределенные местоимения *ким-кй* "кто-то", ким-чй "что-то" и некоторые другие.

Из синтаксических нововведений, появившихся в таджикском литературном языке в советскую эпоху под влиянием разговорного языка, можно указать, например, постановку логического субъекта перед причастием и инфинитивом в определенных сочетаниях, что наиболее часто отмечается в художественной литературе: *ин одам холо он одами шумо мегуфтаги нест* (Айнй. Туломон) "этот человек теперь не тот, о

котором вы говорите"[2]; *Онхо баъдаз "афсус хурданашон" аз цихати Муродро гург хурдан, супориши бойро ба Соро расониданд* (Айнй. Ятим) «Они после выражения "сожаления" по поводу того, что волк съел Мурада, передали Соро поручение бая».

В связном тексте при передаче противительного значения стал широко употребляться как связующее средство аорист глагола *будан* "быть": *бошам, бошй, бошад* [ЗАХТ 1970: 200], что является особенностью разговорного языка. Приведем один пример во фразе: *Шодй дар интизори давоми сухани хола хомушона ба ру ба руи у рост меистод. Мусафед бошад, дар чои нишастагии худ сараш таг, хомуш буд* (Икромй. Шодй) "Шоди молча стоял напротив тетушки в ожидании продолжения ее речи. Что касается старика, он молчал, сидя на своем месте с опущенной головой".

Особое развитие в литературном языке получила постановка авторских слов внутри прямой речи, а также в начале и в конце (одновременно), что связано с влиянием разговорного языка на литературный" - *Хайр,- бо оромй цавоб дод Аминцон, - саросема накунед, амак, ягон илоцаша меёфтагист, охир* (Толис. Дар лаби дарьё)" "- Хорошо, — ответил Аминджон спокойно, - не торопите его дядя, наверное, он что-нибудь придумает"; *Баъд аз як фурсат "'Каромат\ Ху-уй Каромат\ Дугонахо\ Ба сари чуй биёетон, ба сари* чуй!" *гуфта фарьёд кардани вай аз дур ба гушам расид* (Толис. Оташи г-айрат) "Через некоторое время издалека дошло до моего слуха, как она кричала: "Каромат! Эй, Каромат! Подруги! Идите к арыку, к арыку (идите)!".

Особо следует сказать о лексике, распространившейся в таджикском языке в советскую эпоху. Многие слова, связанные с новым жизненным укладом, с новыми понятиями, возникали прежде всего в рамках литературного языка по старым, уже существовавшим словообразовательным моделям. Значительную их часть составляют имена деятеля, а также названия предметов, в том числе орудий производства, образующиеся с помощью глагольной основы настоящего времени, например: *тачрибаомуз* "стажер" *(тацриба* "опыт", *омуз—* основа наст. вр. гл. *омухтан* "изучать, учиться"), *навовар* "новатор" *(нав* "новый", *овар-* - осн. наст. вр. гл. *овардан* "приносить"), *алафдарав* "косящий траву, косилка" *(алаф* "трава", *дарав-* - осн. наст. вр. гл. *даравидан* "косить"), например, в сочетании *мошинхои алафдарав* "косилки".

Получили большое распространение имена действия, образующиеся по старой модели - имя плюс основа настоящего времени глагола и суффикс абстрактного значения *-и,* например, *зилзилашиной* "сейсмология" *(зилзила* "землетрясение"), *бостонишиной* "археология" *{бостон* "древний"), *мардумшиной* "этнография" *(мардум* "народ, люди", *шинос-* - основа наст. вр. глагола *шинохтан* "знать, познавать") и др.

Активизировались и некоторые другие модели сложных слов, существовавшие ранее, например, сложение из двух имен, из которых одно является серийным компонентом, такие слова, как *сармеъмор* "главный архитектор", *сармухаррир* "главный редактор" *(сар* "голова, начало", *меъмор* "архитектор", *мухаррир* "редактор").

При обозначении новых явлений и понятий развились фактически новые модели, в частности, та, что представляет собой сочетание существительного с причастием настоящего времени на *-анда,* например: *харакатдиханда* "двигатель" *(харакат* "движение", *диханда* "дающий"), *тадкиккунанда* "исследователь, изыскатель" *(тадкик* "исследование, изыскание", *кунанда* "делающий").

В таджикский литературный язык в советскую эпоху вошло очень много русских и русско-интернациональных слов. Их особенно много в общественно-политической и научно-технической литературе/Русские и русско-интернациональные слова участ-

[2] В статье используются следующие источники: Айнй С. Дохунда. Сталинобод, 1949; Айнй С. Марги судхур // Айнй. Асархои мунтахаб. Сталинобод, 1949; Айнй С. Одина // Айнй. Асархои мунтахаб. Сталинобод, 1949; AjnT S. Jatim. Stalinobod, 1940; Айнй.-Гуломон. Сталинобод. 1950; Икромй *Д.* Шодй. Сталинобод, 1949; Тоисс П. Дар лаби дарьё // Хикояхои дах сол. Нашриёти давлатии Точикистон, 1957; Тоисс П. Оташи гайрат // Хикояхои дах сол. Нашриёти давлатии Точикистон, 1957; Улувода С. Субхи чавонии мо. Сталинобод, 1956.

вуют в создании новых слов и сочетании на таджикской почве, что можно отметить в таких словах как *комбайнрон* "комбайнер" *(рон-* - осн. наст, времени от глагола *рондан* "гнать, вести"), *колхозчй* "колхозник", *автомобильсозй* "автомобилестроение" *(соз-* - осн. наст, времени от глагола *сохтан* "строить", *и* - суф.), *бетонй* "бетонный" и др. От русско-интернациональных основ на таджикской почве образовались некоторые глаголы, например, типа *коллективонидан (коллектив-он-ид-ан)* "коллективизировать".

Много слов и сочетаний в таджикском литературном языке, созданных в советскую эпоху путем калькирования (полного или частичного) с русского, например: *худтанкидкунй* "самокритика" *(худ* "сам", *танкидкунй* "критика"), *мулнукта* "многоточие" *(мул* "много", *нукта* "точка"), *нуктаи ахолинишин* "населенный пункт", *винтшакл* "винтообразный" *(шакл* "вид, образ"), *пудрати бригадавй* "бригадный подряд" *[пудрат* "подряд", *бригадавй* "бригадный") и многие другие.

Благодаря калькированию с русского активизировались многие словообразовательные модели таджикского языка, образовались также новые, в частности, представленные в таких словах, как *томактабй* "дошкольный", *тооктябрй* "дооктябрьский", *мактаб-интернат* "школа-интернат" и др.

Усилилась функционально-стилистическая вариативность таджикского литературного языка, что тесно связано со стиранием грани между языком письменным и разговорным. Особо выделяется язык поэзии. В нем особенно сильно ощущается влияние традиций классического фарси. Ему присуща в известной мере архаичность, причем как в лексике, так и в грамматике, особенно в глаголе. В стихах современных таджикских поэтов часты слова книжные, устарелые, в том числе арабские. Например, арабские формы ломаного множественного числа: *ахром, эхром* от *харам* "гарем, запретное, священное место", *футух* от *фатх* "победа, завоевание" и др.

К сфере поэзии относятся мертвые с точки зрения живой речи глагольная приставка *хаме-* и постпозитивный формант *-й: хамекунад* "делает", *хамекард, хамекардй-* "делал".

В поэзию фактически не допускаются или ограничены в употреблении многие новообразования, вошедшие в таджикский литературный язык из живой речи в советскую эпоху, в частности, глагольные формы с вспомогательным *истодан* "стоять, пребывать", причастия на *-гй,* сложнодеепричастные глаголы и некоторые другие сочетания.

Язык художественной прозы, особенно 30-60 гг., отличается особой близостью к разговорной речи. В нем широко используются различные новообразования, проникшие в литературный язык из говоров в послеоктябрьский период, например, определенные формы, образующиеся с помощью вспомогательного глагола *истодан* "стоять, пребывать" типов *карда истодааст, карда истода буд* (см. выше), формы предположительного наклонения - *кардагист, мекардагист, карда истодагист,* причастия на *-гй - кардагй, мекардагП, карда истодагй.*

Некоторые формы получили особое распространение именно в художественной прозе, например, формы перфекта для выражения неочевидности, "заглазности" действия, т.е. значений, развившихся у них в диалектах. Через посредство художественной прозы проникли в литературный язык формы сослагательного наклонения типов *мекарда бошад, карда истода бошад,* многочисленные предикативные сочетания, очень употребительные в разговорном языке, в частности, образования с причастиями на *-гй,* выражающие различные модальные и видовременные значения (см. [Расторгуева, Керимова 1964: 173 и ел.]). Язык художественной прозы послужил основной сферой распространения в литературном языке таких лексико-грамматических образований, как сложнодеепричастные глаголы, выражающие различные грамматические (преимущественно видовые) и лексические значения, о чем частично говорилось выше. Действие, обозначаемое сложнодеепричастным глаголом, может быть нейтральным, например, при указании на длительность с вспомогательным глаголом *истодан*

"стоять, пребывать": *гуфта меистад* "будет говорить (непрерывно)" и может быть эмоционально окрашенным, например, с вспомогательным глаголом *фиристодан* "отправлять, посылать" при таких основных глаголах, как *ханда кардан* "смеяться", *гирья кардан* "плакать": *ханда карда фиристод* "рассмеялся, расхохотался", *гирьа карда фиристод* "разревелся, разрыдался". Сложнодеепричастным глаголам присуща выразительность, определенная живость в характеристике действия (см. [Расторгуева, Керимова 1964: 219 и ел.]).

Язык современной таджикской художественной прозы сближается с разговорным и своими синтаксическими особенностями, в частности, порядком слов, различными типами предложений, получившими распространение в нем именно в советскую эпоху. Таковы, например, односоставные предложения типа *хомуший, оромй* "тишина, спокойствие"; нераспространенные предложения типа Ман розй шудам (Айнй. Марги судхур) "Я согласился"; *Бахор буд* (Икромй. Шодй) "Была весна"; сложносочиненные бессоюзные предложения, присущие живой речи, типа *Сатил аз дасти ман галтид, обаш рехт* (Улуг-зода. Субхи чавонии мо) "Ведро упало у меня из рук, вода из него вылилась"; *Ман танхо пушти он одамро дида мондам, ба афту башарааш чашмам наафтид* (Айнй. Марги судхур) "Я заметил только спину того человека, лица же не видел".

Принадлежностью языка современной таджикской художественной прозы являются различные способы ввода прямой речи, в том числе внутренней, подчеркиваемой деепричастием прошедшего времени глагола *гуфтан* "говорить" - особенность разговорного языка. См. пример во фразе: *бо шумо шиносо шавам гуфта ба ин чо омадам* (Айнй. Одина) "Я пришел сюда, желая познакомиться с вами" (букв, «с вами стать знакомым, сказав, "в это место (я) пришел"»).

Следует отметить, что язык художественной прозы неоднороден. Есть различие между языком, исходящим непосредственно от автора, и речью персонажей. Авторский текст отличается определенной книжностью, строгим соблюдением письменных норм. В нем довольно умеренно используются некоторые новообразования, например, причастия на *-гй* типов *кардагй* "сделанный/сделавший", *карда истодагй* "делаемый/делающий сейчас". В речи персонажей шире используются различные новообразования, взятые из диалектов. Некоторые из них можно встретить, в основном, в диалогах, например, парные глаголы, составные части которых выступают в одних и тех же формах, как *гуфт монд* "сказал (и) все" (букв, "сказал - оставил").

Язык драматургии, возникшей как жанр фактически в советскую эпоху, продолжает в целом линию развития языка художественной прозы. В нем представлены различные грамматические новообразования, проникшие из диалектов относительно недавно.

О языке таджикской прессы и научной литературы скажем лишь то, что в определенный период (30-60 гг.) в нем стало много русских и русско-интернациональных слов терминологического характера; появились и грамматические новообразования, распространенные в народной речи.

В словарный состав современного таджикского литературного языка вошло из живой речи много слов разговорных. Вошли они главным образом через художественную прозу. Слова эти относятся как к исконно иранской лексике, так и заимствованной. В исконно иранском слое представлены различные части речи: а) существительные, например: *банек, бачахак* "дитя, ребенок"; *бачамард* "молодец, парень", *бачамардум* 1) "молодцы, парни", 2) "молодежь, дети", *ошнобозй* в значении "приятельские отношения, кумовство", *безоригй* "недостойное поведение, хулиганство"; б) прилагательные: *гапзан* в значении "красноречивый", *бадхон* 1) "неудобочитаемый, неразборчивый"; 2) "плохо учащийся, слабый"; *носерам* "прожорливый, ненасытный", *каб-кабуд* в значениях "синий, зеленый, ярко-зеленый" и др.; в) глаголы - простые, сложноименные: *задан* в значении "обворовывать, грабить", *поидан* в значениях

"ждать, дожидаться; выкармливать, выращивать (скот)", *бозй кардан* в значении "танцевать, плясать", *шуй кардан* "выходить замуж" (шуй разг. "муж"), *обхурак шудан* "болеть водянкой" *(обхурак* разг. "водянка") и др.; г) наречия: *биной* в значении "хорошо, прекрасно", *дуругакй* "ложно, лениво", *ниматгй* "по половине, пополам", *дина* "вчера", *динаякак* "вчера, только еще вчера" и др. В ряду разговорных слов иранского происхождения можно отметить местоимение *вайхо* "они, те", числительное *сенздах* "тринадцать" (нейтральное - *сездах).*

В заимствованной части разговорной лексики таджикского языка много слов арабского и тюркского происхождения. Арабские основы в большинстве случаев выступают в производных и составных словах, например: *вохимачй* (араб, *вохима* "паника" + узб. тадж. суф. *-чй)* "паникер", *авваланей* (араб, *аввал* "первый" + тадж. узб. суф. *-анги)* 1) "первый", 2) "прежний, предыдущий", *вазнин* (араб, *вазн* "вес, авторитет" + тадж. суф. *-ин)* в значении "степенный, солидный" и др.

Разговорные слова тюркского происхождения заимствованы таджикским главным образом из узбекского языка. Большей частью они имеют тот же вид, что и в узбекском: ср. *айгир* "жеребец", узб. *айгир; ён* 1) "бок", 2) "боковая сторона", узб. *ён* "бок, боковой"; *байрам* "праздник", узб. *байрам* и др. Много разговорных слов, образованных на основе узбекских заимствований, например: *бадкилик* 1) "дурного поведения", 2) "озорник" (тадж. *бад* "плохой + узб. *килик* "поступок, выходка; манера, поведение"), *кошсиёх* "чернобровый" (узб. *кош* "бровь" + тадж. *сиёх* "черный"), *айгоки* "хулиганство, дебоширство" (узб. *айгок* "хулиган, дебошир" + тадж. суф. *-и)* и др.

Имеются отдельные разговорные слова, заимствованные таджикским из русского языка или через его посредство. Фонетически они как правило отражают таджикскую разговорную речь: *булка* "булка, буханка", *бучка* "бочка", *бонк* "банк", *бонка* "банка", вагзал, вагзол "вокзал", *калуш* "галоша", *пудрат* "подряд", *симонка* "цемент" и др. На основе заимствований из русского языка (или через его посредство) образовался в таджикском целый ряд слов разговорного характера, например: *пудратчи* "подрядчик", *магазинчй* "продавец, заведующий магазином", *фомилй* "черный (о чае)" (букв, "фамильный"), *поездсавор* "едущий в поезде, пассажир поезда" *(савор* "верховой, ездок; пассажир") и др.

Следует отметить, что ход развития таджикского литературного языка в послеоктябрьский период неодинаков. В последние 10-15 лет появилось много нового сравнительно с тем, что было присуще литературному языку на более ранних стадиях его развития после Октября. Новое прежде всего связано с усилением роли старописьменного языка. Оно наблюдается как в лексике, так и в грамматике.

Активизировались многие книжные и устарелые слова, такие, как *дуруд* "приветствие, поклон" (ср. класс, перс, *durud* "молитва, моление; восхваление богу; милость, милосердие; приветствие, поклон"), посух "ответ" (класс, перс, *pasux id.), падруд* "прощание" (класс, перс. *pidrUd, bidrud* "здоровье, благополучие; прощание, оставление, отречение"), *ромишгар* "певец, музыкант" (класс, перс, *ramisgar id.)* и др.

Чаще, чем раньше, стали употребляться слова арабского происхождения, представляющие основную часть книжной и устаревшей лексики, например, *ифтитох* "начало, начинание, открытие" (класс, перс, *iftitah id.), тачаддуд* "возобновление, обновление" (класс, перс, *tajaddid id.), таъвиз* "замена, смена" (класс, перс, *tatviz* "давание взамен, возмещение; вознаграждение за убытки") и др. Участилось в различных жанрах арабское "ломаное" множественное число - книжная форма: *масоил* от *масала* "вопрос", *равобит* от *робита* "связь, отношение", *ашхос* от *шахе* "человек, личность" и др. Участились и слова арабского происхождения с арабским окончанием множественного числа *-от: табрикот* от *табрик* "поздравление" *цаласот* от *чаласа* "заседание" и др.

Активизировались некоторые грамматические особенности старописьменного языка, редкие в говорах. Так, послелог *-ро* часто стал употребляться не только как показатель прямого (определенного) объекта, но и, как в классическом языке, косвенного. Местоименные энклитики стали часто встречаться в значении объекта — особенность старописьменного языка. В классическом языке местоименные энкликтики имели две

функции - принадлежностную и объектную. В современном таджикском языке в северных говорах, на которых была основная ориентация в процессе сближения языка письменного с разговорным, данные энклитики употребляются лишь в значении принадлежности. В южных и юго-восточных говорах они, как в классическом языке, имеют две функции - принадлежностную и объектную. Факт активизации местоименных энклитик в современном таджикском литературном языке объясняется отчасти усилением влияния южных и юго-восточных говоров (см. об этом [Расторгуева, Гаффаров 1984]).

Участились случаи употребления глагольной приставки *би-,* широко использовавшейся в языке классической персидско-таджикской литературы. Факт этот можно также объяснить возросшим влиянием на современный таджикский литературный язык говоров, бытующих в южных районах Таджикистана. Правда, в них в отличие от языка классического периода приставка *би-* употребляется в основном в двух глагольных формах: в повелительном наклонении и настояще-будущем времени сослагательного наклонения.

Активизировалось причастие (оно же деепричастие) прошедшего времени на *-а* типа *карда* "сделанный, сделавший", унаследованное от классического языка, в определительной функции. В говорах оно употребляется главным образом как деепричастие

Можно указать и на некоторые другие особенности, получающие особое распространение в современном таджикском литературном языке под влиянием старописьменного языка, например, на употребление деепричастия прошедшего времени на -« типа *карда* в функции сказуемого, что не присуще таджикской живой речи.

Усилением влияния старописьменного языка и частично южных говоров можно объяснить наблюдаемое в последние годы меньшее употребление отдельных форм. проникших в литературный язык главным образом из северных говоров, в частности причастий на *-гй* прошедшего времени типа *кардагй* "сделанный/сделавший" и настоящего определенного времени типа *карда истодагй* "делаемый/делающий".

Имеют место и некоторые другие особенности. Усилился процесс заимствования слов из близкородственных таджикскому языков персидского и афганского дари. Возникают синонимические пары на базе русских и русско-интернациональных слов и слов книжных, устаревших, в том числе из персидского и дари: "газета" - *рузнома,* "математика" - *риёзёт,* "студент" - *донишчу* (перс, *данэщу),* "отпуск" - *рухсатй* (дари *roxsati)* и др. Есть и такие замены, как *чумхури* вместо широко употреблявшегося ранее - "республика", *шуро* — вм. "совет", *иттиход* — вм. "союз" и др. Много новообразований.

В заключение приведем небольшой список новообразований, почерпнутых нами из новейшей таджикской прессы, слов (и сочетаний), образуемых по существовавшим ранее таджикским словообразовательным моделям, в основном, по двум принципам - по функции и описательно:

а) *баландгуяк* "микрофон" (букв, "громкоговорящий"), *овозгирак* "звукоуловитель", *чангкашак* "пылесос", *шамолдихак* "вентилятор", *шарбаткашак* "соковыжималка", *тезпазонак* "скороварка", *ришгирак* "бритва" *(ришгираки электрики* "электрическая бритва"), *гушткимакунак* "мясорубка" *(гушткимакунаки электрики* "электрическая мясорубка") и др.;

б) *иштирокгар* "участник", *тамошогар* "зритель", *тахиягар* "постановщик" и др.;

в) *машкгох* "тренировочный зал", *мулокотгох* "место встречи", *парвозгох* "взлетная площадка", *фурудгох* "место посадки (приземления)", *зоишгох* "родильный дом" и др.;

г) *бозсозй* "перестройка", *шахсикуноний* "приватизация", *гунгакбозй — пантомимой хачвй* "сатирическая пантомима" и др.;

д) *истирох,атнома* "путевка (для отдыха)", *сипоснома* "благодарность, признательность (в письменной форме)", *рохнома* "справочник-путеводитель", *пурсишнома* "справочник", *боварнома* "доверенность", *муховиранома* "разговорник", например, в сочетании *муховираномаи забони тоники* "разговорник таджикского языка" и др.

е) *тугмаи занг* 'кнопка звонка (в двери)", *пулакчаи электр* "выключатель света", *пуштмонаки курсы* "спинка кресла", *сандуки кумак* "фонд помощи", *ходили пешбари илми* "ведущий научный работ ник" и др.

Отметим некоторые глаголы, воспринятые нами как новообразования: *размидан* (наряду с общеупотребительным *разм кардан)* "сражаться, биться", *хисобидан* (наряду с общеупотребительным *х,исоб кардан)* "считать, полагать"; *шукуфтан кардан* "цвести, расцветать" (по аналогии с класс, перс, *didan kardan,* совр. перс, *дидан кардан* "навещать что-либо"), *сим задан* "звонить по телефону".

Список новообразований можно пополнить и многими другими словами, в частности: *шахрванд* "житель города, горожанин", *нуристон* "электростанция" *(нуристони Рогун* "рогунская электростанция"), *хозирхонхо* "очники" (по аналогии с *гоибхонхо* "обучающиеся заочно, заочники"), *рабоянда* в значении "лауреат", например, в сочетании *рабояндагони чоизахои адаби* "лауреаты литературных премий", *сафедкунанда* "защитник (по защите прав человека)".

В создании новообразований наряду с исконно иранской лексикой участвуют заимствования. Они присутствуют в словах производных, образуемых путем прибавления к основе префиксов и суффиксов, а также сложных и сложнопроизводных (последние - путем сложения основ плюс аффиксация); употребляются в различных сочетаниях. Из заимствованных основ пожалуй наибольшее распространение имеют слова арабского происхождения. Приведем некоторые примеры: *поварак* (иран. *по* "нога" + араб, *варак* "лист бумаги") "сноска, комментарий", *арзнома* (араб, *арз* "доклад, положение" + иран. *нома* "письмо"), "рапорт (письменный)", *либосовезак* (араб, *либос* "платье, одежда" + иран. основа *овез-: овехтан* "вешать" + суф. *-ак)* "вешалка", *сандуки кумак* (араб. *сандук* "сундук, ящик" + иран. *кумак* "помощь, поддержка") "фонд помощи" и др.

Русские и русско-интернациональные слова часты в новообразованиях, представляющих собой фактически кальки-переводы с русского языка, например: *мошинаи чомашуй* "стиральная машина" *(чомашуи* "стирка белья"), *мошинаи дарздузии пои* "ножная швейная машина" *(дарздузй* "шитьё", *пой* "ножной"), *лотереям пулию моли* "денежно-вещевая лотерея" *{пули* "денежный", *-ю* энклитический союз - "и", *моли* "вещевой"), *грамотаи хавасмандкунанда* "поощрительная грамота" *(хавасмандкунанда* "делающий заинтересованным") и др.

Неизменным источником в пополнении списка таджикских новообразований является язык узбекский, бытующий территориально в большой близости с таджикским. В качестве примеров отметим такие новообразования, как *турхалта* "сетка, авоська" *(тур* - тюрк, "сеть, сетка" + *халта* "мешок"), *гушткимакунак* "мясорубка" (иран. *гуигт* "мясо", *кима* - тюрк, "резанье мяса на мелкие кусочки" + Иран, основа кун-: *кардан* "делать" + суф. *-ак)* и др.

В новообразованиях имеют место различные слои таджикской лексики в стилистичеком отношении, в частности, книжные, устарелые: *курсинишин* в значении "занимающий высокий пост" *(курсй* — книжн. "трон, кресло", *нишин-: нишастан* "сидеть"), *хештаншиносй* "самопознание" *(хештан* - книжн. в значении "сам", *шиносй* "познание").

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ЗАХТ 1970 - Забони адабии ^озирай точик. Синтаксис. Душанбе, 1970.

Квешя 1930 - К вопросу об едином литературном таджикском языке, терминологии и латинизированном таджикском алфавите. Сталинабад, 1930.

Маьсумй Н. 1959 - Очеркхо оид ба инкишофи забони адабии точик. Сталинобод, 1959.

Маьсумй Н. 1976 - Забон ва услуби А^мади Дониш. Душанбе, 1976.

ОИЯ 1982 - Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. М., 1982.

Расторгуева ВС. 1964 - Опыт сравнительного изучения таджикских говоров. М., 1964.

Расторгуева В.С., Гаффаров Р. 1984 - Современный таджикский литературный язык и его отношение к диалектам // Вопросы диалектологии и истории языка. Душанбе, 1984.

Расторгуева В.С., Керимова А.А. 1964 - Система таджикского глагола. М., 1964.

Рипка Я. 1970 - История персидской и таджикской литературы. М., 1970.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1995

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 1995 г. М.М. МАКОВСКИЙ

КОМПЕНДИУМ СЛАВЯНСКОЙ И ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ

(К двадцатилетию выхода в свет первого выпуска "Этимологического словаря славянских языков")

В 1994 г. исполнилось двадцать лет со времени публикации в академическом издательстве "Наука" монументального "Этимологического словаря славянских языков" (ЭС) под редакцией и при активном участии крупнейшего ученого-этимолога акад. О.Н. Трубачева. Написанный коллективом талантливых исследователей (Ж.Ж. Варбот, В.А. Меркулова, Л.А. Гиндин, Г.Ф. Одинцов, Л.В. Куркина, И.П. Петлева. Т.В. Горячева), Словарь поражает своей уникальностью: оригинальная методологическая концепция, разработанная О.Н. Трубачевым, широта охвата фактического материала, в частности использование огромного корпуса славянских диалектных параллелей, которые никогда ранее не привлекались для анализа, новизна и яркость этимологических решений - все это говорит о том, что перед нами энциклопедический труд, который на долгие времена не только будет служить надежным этимологическим справочником, но и, безусловно, откроет новую страницу в исследовании славянских и индоевропейских языков. Особая роль в создании Словаря (до настоящего времени опубликован 21 выпуск - до архетипа **nadejbnbjb)* принадлежит акад. О.Н. Трубачеву, которого по праву можно считать его архитектором. Блестящий эрудит, автор ряда капитальных исследований по славянской и индоевропейской этимологии, переводчик и комментатор "Этимологического словаря русского языка" М. Фасмера, автор фундаментальных исследований энтогенеза славян, акад. О.Н. Трубачев вложил весь свой яркий талант и незаурядный опыт исследователя в создание этого грандиозного труда [Материалы 1992].

Основной методический прием в работе по отбору материала для Словаря - это восстановление праславянского состава и состояния и з н у т р и в рамках лексики каждого отдельного славянского языка. Словарь строится на идее древней диалектной сложности славянства в области лексики и словообразования, на идее автономности праславянского состояния словарных составов отдельных славянских языков и диалектов. Такую методику можно назвать внутренней реконструкцией на том основании, что определяющим при воссоздании праславянского состояния оказываются данные соответствующего отдельного языка и его словаря. Заглавными словами в словаре служат реконструируемые составителями праславянские архетипы: авторы представляют себе реконструкцию древнего состояния как изучение современного состояния лексики, как изучение общенародных форм с переходом затем к материалам локальным (диалектным) и старым (историческим), как процедуру, включающую удаление фактов массовой, поздней продуктивности. При этом важнейшие из праславянских топонимов, антропонимов и имен божеств включаются в Словарь на правах заглавных слов. "Этимологический словарь славянских языков" должен дать ответ на вопрос, как

Г ш — #

рассматриваемый в нем праславянский фонд объединяет, а также - как он разобщает славянские языки с их историческим членением на три группы. Следует отметить, что источником реконструкции праславянских архетипов в рассматриваемом Словаре служат не только толковые, двуязычные, диалектные, исторические словари и списки слов в различных изданиях, но и пополнение материалов из различных рукописных, неизданных материалов и картотек. Так, в Софии О.Н. Трубачевым был обследован словарный Архив болгарского возрождения, содержащий интересные лексические и словообразовательные парах'ы диалектного происхождения из болгарской письменности XIX в. и Архив болгарского диалектного словаря. Были извлечены лексические материалы из нескольких десятков дипломных работ по диалектологии студентов Софийского университета, выходцев из различных районов Болгарии В Югославии О.Н. Трубачевым был обследован еще не изданный тогда (до 1970-х годов) словарь Скока, диалектные лексические материалы сербскохорватского и словенского языков и картотеки исторического словаря словенского языка. Материал для Словаря собирался в картотеке древнечешского словаря в Праге (Ж.Ж. Варбот), Б исторических и диалектологических словарных картотеках украинского языка ь Киеве, Львове, Ужгороде (В.А. Меркулова). Был также использован неопубликованный труд Л. Деже по лексике украинской закарпатской письменности XVI-XVII вв. (микрофильм Венгерской Академии наук любезно предоставлен автором).

Рассматриваемый Словарь является словарем словообразовательно-этимологическим. Задача Словаря - инвентаризация праславянского пласта лексики славянских языков во всем словообразовательном многообразии, а отнюдь не только корневой лексики. Одним из основных методологических принципов Словаря является целостная этимологизация слова, т.е. этимологизация всех компонентов слова без "остатка".

Анализ зафиксированной письменностью истории слова (такое исследование нередко требует филологического рассмотрения отдельных слов) естественно дополняется обширным (в ряде случаев никогда ранее не использованным) материалом пространственной (ареальной) истории слов, в том числе и материалом современных диалектов славянских языков, широко и с большой пользой вводимых в исследование[1].

В отличие от формально-фонетической реконструкции, типичной для "Славянского этимологического словаря" Э. Бернекера, в рассматриваемом Словаре проводится также праславянская реконструкция состава самой лексики. Авторы Словаря справедливо считают, что с точки зрения современной науки было бы неактуально противопоставлять весь славянский, понимаемый как монолитное целое, - всему остальному индоевропейскому. В противоположность этому авторы вводят игнорировавшийся до сих пор разряд соответствий, а именно - разного рода сепаратные, частичные славянско-неславянские соответствия и параллелизмы, которые охватывают часть славянского языкового пространства или нередко - один исторический славянский язык или диалектную группу. При этом славянский словарный состав в его древнейшей части, дифференцированной по диалектам, понимается как продолжение лексики части индоевропейских диалектов. Выявление новых славянско-неславянски.х словообразовательно-лексических соответствий и параллелизмов приобретает при этом особую важность. Большим преимуществом рассматриваемого Словаря является широкое использование при этимологизации фактов материальной и духовной культуры, а также семасиологических параллелей, призванных подтвердить правильность устанавливаемых семантических соответствий.

Словарная статья в Этимологическом Словаре открывается заглавным словом в реконструированной праславянской форме под звездочкой. Ни ударение, ни значение

[1] В результате работы по реконструкции праславянского словарного состава была получена картотека частных праславянских словников для следующих языков: старославянский, болгарский, македонский, сербскохорватский, словенский, чешский, словацкий, верхнелужицкий, нижнелужицкий, польский, кашубско-словинский, русский, белорусский, украинский, полабский.

праславянского заглавного слова не проставляются. Далее дается полное обозрение всех относящихся сюда слов славянских языков с точным указанием их ударений и значений, а также - в случае необходимости - документации этих слов. Затем дается общая предварительная характеристика данного праславянского слова, реконструированного на основе сведений по славянским языкам и диалектам, производится оценка его географического ареала. После этого следует словообразовательно-этимологический анализ - собственно этимологическая часть словарной статьи. В конце статьи приводится возможно полная литература по этимологии, словообразованию, сравнительно-исторической характеристике соответствующего слова. Порядком расположения всего праславянского материала (заглавных праславянских праформ) служит видоизмененный вариант латинского алфавита: A, B, C, C, D E, Ё, *Ц,* G, X, I, J, K, L, M, N, O, q, P, R, S, S, SC, T, U, V, Ъ, Y, Ь, Z, Z.

"Этимологический словарь славянских языков" является словарем-исследованием par excellence: каждая статья словаря - это вполне законченный лингвистический этюд, содержащий все сведения, накопленные современной наукой относительно истории, словообразования, акцентуации того или иного слова в рамках праславянской праформы, а также (что весьма важно) критическое рассмотрение различных точек зрения на эволюцию этого слова, представленных в специальной литературе. Само установление праславянских форм - большая заслуга авторов Словаря. Большим преимуществом Словаря является также неукоснительное соблюдение хронологического принципа, а также особое внимание к древним заимствованиям. Значительным подспорьем для понимания генезиса слова являются небольшие схематические карты ареалов слов, охватывающие районы первоначального обитания и последующего расселения славян [Этимологический словарь 1963; Трубачев 1957; Трубачев 1967].

В Словаре содержится целый ряд исключительно интересных и оригинальных этимологических решений (отметим, что О.Н. Трубачев в других своих многочисленных работах выдвинул ряд новых семасиологических сближений, например, "молчать" - "таять", "пить - петь", "сильный ветер - слепой" и др.)[2]. В качестве примера приведем некоторые новые этимологии, содержащиеся в "Этимологическом словаре славянских языков".

1. Рассматривая праформу **lesb* (ЭС, 14, с. 252), авторы Словаря указывают, что первоначально слово **lesb* не входило в географическую терминологию, а было термином подсечного земледелия. Отход от подсечного земледелия привел к исчезновению древних значений. Слова, обозначающие подсеку, обычно произведены от исходных значений "рвать, драть, чистить, рубить". Ср. русск. диал. *драка* "густой мелкий кустарник", *сеча* "мелкий лес", польск. *pasieka* "часть поля, заросшая кустарником" и др. Предполагаемая реконструкция слова */£гь < **uloi-kos* к и.-е. **ue1-* "рвать, драть, бить". Под реконструкцией **uel-* должны быть объединены три гнезда со значением "рвать, драть" - "плести" - "то, что срывается (волос, шерсть, колос)". К тому же корню относится и русское слово *леска.*

Вместе с тем нам хотелось бы сделать несколько следующих замечаний на полях. В связи с тем, что любая неодушевленная вещь или предмет представлялись язычнику в виде одушевленных существ и приравнивались к божественной Первопричине, а с другой стороны, в связи с тем, что дерево (столб) было предметом поклонения и приравнивалось как к Вещи, так и к Божеству, вполне возможно сопоставить русское слово *лес* с латинским *res* "вещь, предмет"; "мир, вселенная, природа". Типологически ср.: др.-англ. *ceatt* "ведь", но осет. *qad* "дерево"; тох. А *wram* "вещь", но и.-е. *rem-* "лес, дерево"; брет., корнийск. /га "вещь, предмет", но англ. *tree* "дерево" (праслав. */&ъ < 'и.-е. * *le(i)-l*xl\-* "вещь" < "звук" [Маковский 1989: 51,84]: ср. и.-е **r?to* "лес" — лтш. *lieta "вещь"* — нем. *Lied* "песня".

[2] Огромное количество оригинальных этимологии содержится в работах О.Н. Трубачева, посвященных названиям домашних животных, ремесленной терминологии, и в целом ряде статей, опубликованных в сборнике "Этимология" и в зарубежных изданиях. Этимологии О.Н. Трубачева отличаются точностью, строгостью и обычно носят характер семасиологических универсалий.

С другой стороны, следует иметь в виду, что значение "лес" часто соотносится со значением "пустошь, пустой": ср. др.-англ. *wudu"nec",* но нем. *ode* "пустынный"; нем. *arm* "редкий, бедный", но и.-е. *rem-* "лес, дерево"; осет. *qad* "дерево", но др. - англ. *gad* "пустота"; нем. *ledig* "пустой", но и.-е. *reto* "лес, роща"; русск. *пустой,* но русск. *пуща* "густой лес". В связи с этим русское слово *лес* можно сблизить еще и с нем. *leer* "пустой", англ. *less* "меньше", литов. *liesa* "тонкий, редкий".

2. В третьем выпуске ЭС на стр. 128 приведена праформа **Ьъгкъ* "ус, волос в бороде" (в болгарском, сербскохорватском, словенском), но в польском *barki* означает "плечи, плечевой пояс", в ст.-украинском *боркъ* "плечо, плечевой сустав". О.Н. Трубачев в отдельной работе [Трубачев 1972] блестяще показал родство значений "плечо" и "ус" (приводятся интересные семасиологические параллели). Отметим на полях этой статьи, что значение "ус" в индоевропейском нередко соотносится еще со значением "огонь": ср. приведенную праславянскую праформу **Ьъгкъ* и англ. *spark* "искра".

3. Рассматривая праславянскую праформу **gora* (ЭС, 7, с. 29-31), О.Н. Трубачев указывает: «Все исследователи исходят из первоначальности значения "гора"..., что, однако, наталкивается по крайней мере на формальные препятствия, до сих пор не привлекавшие должного внимания. Обычно указывалось только на разность гласных исходов (-/, -а) и на их возможную вторичность у этой потенциально консонантной основы ...Однако внутри основы представлена... развитая апофония **g4or-* (слав.): **g'lr-* (др.-инд., алб.), которая позволяет восстановить и ступень **g4er-,* поскольку ступень *-о- (*g4or-)* в этом ряду всего менее походит на "неапофоническое *о",* но прямо указывает на производность имени **g^{i}ior-* (полезно при этом обратить внимание на сосуществование разных ступеней **g^{i}ior-* и **g4r-* в одном языке, ср., например, литов. *giria* и *nu-gara,* что свидетельствует о стойкости и длительности вскрываемых отношений). Производность формы наводит на мысль о производности значения "гора". Единственную возможность истолковать и примирить выявленные противоречия мы видим в увязке и.-е. **g4or-* "гора" с и.-е. **g4er-* "поглощать", "жерло", "горло": в определенных условиях (бедность окружающих равнин водой?) гора, по-видимому, воспринималась древними индоевропейцами как источник, родник, жерло, извергающее воду. Дополнительными аргументами в пользу этого предположения могут служить еще: (1) встречаемость др.-инд. *giri* не только в названиях гор, но также и в названиях рек, (2) вариантность *-giri* и *-sara* в др.-инд. *P Hu-sara I Pilu-giri,* название горы, причем *-sara* < и.-е. *"ser-* "течь, струиться", куда мы относим еще (3) авест. *Haга bsrszaiti,* название горы, собственно "высокий Сток" (обычно довольствуются чтением "высокая Хара")».

4. В семнадцатом выпуске ЭС О.Н. Трубачев справедливо возрождает незаслуженно забытую гипотезу А. Фика о родстве названия льна с и.-е. **lei-* "лить" при первичной мотивации "намоченный" что обусловлено существенным этапом обработки льна - его мочкой (ЭС, 17, с. 87-90, s.v. **Іьпъ).* Именно это толкование, долгое время даже не упоминавшееся в этимологических словарях, получает теперь признание и развитие: структура **lino-* объясняется как причастие страд, прош. вр.; тождественная семантическая модель обнаружена в др.-инд. *uma-* "лен", для которого установлено происхождение из и.-е. **ūmo-* "сырой, намоченный", ср. лат. *ūmēre* "быть влажным".

5. В ЭС, 5, стр. 168 рассматривается праславянский архетип **dvig(a)ti.* О.Н. Трубачев выдвигает оригинальную мысль о том, что здесь перед нами производное от именной формы **dvigъ* или скорее **d(ъ)vigъ,* типологически и семантически близкое нем. *Zweig* "ветвь" (первоначально "развилка") и, подобно последнему, образованное от числительного "2". Развилка, подпорка, служившая рычагом, помогала осуществлять движение, обозначавшееся глаголом **dvigati,* т.е. первоначально - "поднимать, двигать вверх". Типологически ср. словацк. диал. *pososit'sa* "подняться", *sosit'* "поднимать", но *socha* "развилка". Глагол **dvigati* представляет собой славянское новообразование. Поэтому существующие и.-е. этимологии и сближения с нем. *zwicken* "щипать", др.-в.-нем. *zwangan* тж., ирл. *dedaig* "oppressit", гот *du-wigan, gawigan* "двигать" не могут считаться вероятными.

Вместе с тем, как нам представляется, следует учитывать переход значений гнуть" - "двигать(ся)", в связи с чем можно учесть архетип *duei(g)-* "сгибать" (букв, "складывать вдвое": ср. *duei-, duuo-* "два"). Понятие движения соотносилось в древнем сознании с изгибанием языков пламени (ср. и.-е. *dh(u)eg-, dhok-* "гореть: огонь"), а понятие огня в свою очередь связывалось с понятием души (ср. лат. *bestia* < *dhues-* "зверь", букв, "вместилище души, тотем", литов., *dveseti* "дышать", русск, *дух,* лат. *deus* < 9Fea6s "бог": божество обычно понималось как вечность, как "абсолютное" время, в связи с чем можно учесть, осет. *dug* "время"). С другой стороны, движение в древнем сознании имело магическое значение и могло соотноситься с передвижением душ умерших по реке или морю на пути в загробный мир, а следовательно и со смертью (ср. др.-сев. *deyja* "умирать", гот. *diwans* "смертный", букв, "один из компонентов бинарности жизни и смерти" < *duei-, duuo* "два": жизнь и смерть в древности считались бинарным единством) . В связи с тем, что движение могло связываться с понятием смерти, а также с понятием зла, интересно рассмотреть происхождение русского слова *русалка:* нам представляется, что это слово представляло собой композитум, соотносимый с ново-ирл. *гё* "луна" (символ смерти) < *геи-* "рвать; гнуть", но также *геи-* "двигаться, спешить" (ср. ирл. *гё* "период времени", авест. *ravah* "пространство" < /и-, *геи-* "пространство" - "время", ср. также лат. *rus* "деревенские просторы") + хет. *sar* "луна" (ср. и.-е. *set-* "двигаться" < "гнуть"). Вместе с тем вполне возможно, что русск. *русалка* соотносится с композитумом, отдельные части которого соответствуют хет. *Iu* "животное" (вместилище души, тотем) + др.-сев. *sal, sala* "душа": хет. *sal* "прыгать". Относительно тох. А /и "животное" ср. и.-е. *leu-* "гнуть"; "рвать, разрывать" (зверь мыслился как "разрываемый пополам при жертвоприношении", ср. типологически: гот. *dius* "зверь" < *dues,* букв., "разрываемый на две части при жертвоприношении").

Интересны следующие факты скандинавских языков: норв. диал. *rusl* "приступ болезни" (по преданиям, русалки навлекали болезни), норв. диал. *rysjeleg* "schrecklich"; норв. диал. *rus* "жребий"; норв. диал. *rusull* "небрежный" (букв, "находящийся в забытьи", "лишенный чувств от песни русалки"), а также др.-англ. *rusel* "жир, семя" (ведьмы натирались жиром , перед тем, как начать ворожбу); тох. А *rse* "ненависть" + и.-е. *al-, ol-* "вредить" > "околдовывать", ср. и.-е. *al-* "двигаться" (Mann 1985: 871-872). Ср. также швед, *rusa* "спешить, двигаться". Ср. [Зеленин 1994].

6. В пятом выпуске ЭС на страницах 174—175 рассматривается архетип **ŭъЪпо* "дно". Обычно объясняют праславянское **дъЪпо* из и.-е. **dhub(h)-no-m,* родственного и.-е. **dheubh-I*dhubh-* "долбить", "глубокий". Праславянское **ŭъЪпо* характеризуется как первоначально гетероклитическая основа на *-rln-*. На сложность происхождения **бъЪп-I *dbhr-* указывают факты, не поддающиеся удовлетворительному объяснению при этимологии *va* dheubh-* "глубокий": это 1) арм. *erkin* "небо" и *erkir* "земля", через арм. *erku* "два", возводимые к и.-е. **duup* "два" и тем самым обнаруживающие, помимо определенного родства с **dbbn-/*dbbr-,* также особое непридыхательное начало **du-\ 2)* показания общей семантической типологии, свидетельствующие о том, что понятия и семемы "дно" и "глубокий, бездна" не связаны, а противопоставлены и что значение "дно", напротив, связано со значением "равнина, плоскость" (даже "мель, мелкий"). Все это позволяет взглянуть на слав. **бъЪп-1 *dbbr-* как на родственное и.-е. числительному **duuo* "два" (обозначение видимого мира как единство двух твердей - зем-

[3] Ср. следующие семасиологические параллели: и.-е. /œ/- "гнуть" и.-е. *kel-* "(быстро) двигаться" - лтш. *gars* "душа" - прусск. *gallon* "смерть" - др.-инд. *kala* "время" - и.-е. *kel-* "гореть; огонь"; и.-е. *uee-* "гнуть"; и.-е. *iter-* "двигаться" (др.-англ. *waerlan* "идти, двигаться") - и.-е. *uee-* "гореть, жечь" тох. А *will, wal-* "умирать" (ср. иерогл. хет *uala-* "смерть") - и.-е. *uer-men* "время" - авест. *wvan-* "душа".

Отметим, с другой стороны, что значение "смерть" нередко соотносится с названием числа (речь идет о распадении тела на определенное (магическое) число частей): ср. и.-е. *kuotuor-* "четыре", но исл. *kodda* "убить" + тох. А *wal* "смерть" (< *uee-, uee-);* и.-е. *peu-en* "девять", но и.-е. *pau-* "смерть, умирать" (ср. лтш. *nave* "смерть"); и.-е. *ok-tu* "восемь", но хет. *ug* "смерть" + хет. *li "жить"* (ср. арм. *ogi* "дух" + осет. *udd* "душа"); и.-е. *ter-, treis-* "три", но нем. *s-ter-ben* "умирать", ср. литов. *lirpti* "to be numb"; и.-е. *sek-, suk-* "шесть", но др.-инд. *sucyaty* "гнить, разлагаться", др.-инд. *saki* "вред, ущерб".

[4] В древности любая жидкость понималась как плетение: ср. англ. диал. *ross* "узел" (символ сверхъестественной силы), но также и.-е. *ids-* "жидкость, влага" (ср. др.-сев. *rosi* "downpour"); ср. также: лтш. *rusa* "молния", швед, *rysa* "to horrify".

Вместе с тем понятие русалки, как и понятие женщины, носило сугубо хтонический характер: ср. др.-англ. *hruse* "земля" + др.-англ. *ear* "земля".

ли и неба). Только так могут быть разъяснены случаи типа галльск. *dub no-* "мир, вселенная", др.-ирл. *domun* (то же). Разумеется, и.-е. состояние в славянском представляется реликтовым, значительно перекрытым связями с продолжениями **dheuhh-* (ср. особенно **dbbrb-).*

Следует вместе с тем, как нам представляется, обратить внимание на соотношение значений "низ(дно) - верх" со значениями "вода" - "огонь" (первоэлементы Вселенной). В этой связи следует с указанными выше лексемами сопоставить ирл. *dohur* "вода" [ср. также исл. *dubba* "женщина": в древности символом женщины и земли было число "два"; типологически ср. представченное в др.-англ. нортумбрийских глоссах *buta* "женщина", но и.-е. *bhu(n)d(h)-* "дно"]. Ср. семасиологические параллели: и.-е. *naros* "вода" [Mann 1985: 827; WP: II, 693], но и.-е. *пег-* "низ, низкий"; брет. *gouled* "дно, низ", но нем. диал. *GUI* "жидкость": шведск. *lug* "низкий", но др.-англ. *log* "вода", др.-сев. *logi* "огонь, пламя" (ср. также и.-с. *иег-* "верх", но хет. *war* "вода", и.-е. *иег-* "гореть; огонь").

7. В тринадцатом выпуске ЭС анализируется архетип **кгыъ* "крот Talpa". Этимология этого архетипа, как указывается в Словаре (ЭС, 13, с. 57-59), сопряжена с целым рядом проблем и требует преодоления определенных неясностей и заблуждений. В специальной литературе преобладает объяснение слав. **кгьгъ* как родственного литов. *krutus* "подвижный, живой" < "шевелиться, двигаться". Однако упомянутое сближение неудовлетворительно с разных точек зрения. Прежде всего, сомнения внушает само литовское слово - вся семья глагола *kruteti,* которая, в сущности, оказывается темной и изолированной в литовском словарном составе и справедливо заподозрена в заимствовании из русского *крутить(ся),* о чем, в частности писал Вайан [Vaillant 1966: 682]. Дальнейший серьезный упрек подобной этимологизации - в умозрительном характере семантической стороны толкований, при которых "крот" реконструируется то как "подвижный, живой", то как "покрытый". Критическая оценка, как указывает О.Н. Трубачев, требует обращения к названиям крота в других языках, где, как оказывается, они сложены отнюдь не на семантической базе подвижности или покрытости. Так, например, литовск. *kiirmis* "крот", скорее всего, первоначально значило "копатель". Немецкое слово *Maulwurf* "крот" буквально значило "тот, кто насыпает кучу земли" [Kluge 1975: 468], к названию кучи земли восходит и родственное английское *mole* "крот". Учитывая сказанное выше по семантической типологии, а также принимая во внимание звуковой состав слав. **кгьГь,* О.Н. Трубачев возрождает забытое толкование этого слова - его соотношение с и.-е. **(s)ker-* "долбить, резать" (ср. также литов. *kertus* "землеройка"). Таким образом, О.Н. Трубачев приходит к справедливому выводу о том, что в основе архетипа **кгыъ* лежало обозначение "копатель, копать", что подкрепляется и моментами этимологической фигуры в сложении **кгЫоryja* (с исходным выражением "роющий роет"), и внешними аналогиями, число которых можно умножить, а также реальными мотивами, побуждающими толковать названия крота, землеройки прежде всего от "рыть, копать; острый".

На полях этой статьи следует, однако, отметить следующее. Названия хтонических животных в индоевропейском нередко соотносятся с названием чисел (как олицетворением Вселенной и единства земной и небесной тверди). В этой связи русское слово *крот,* например, можно соотнести с и.-е. *kue(r)tuor-* "четыре". Ср. семасиологические параллели: англ. диал. *want* "крот", но тох. *А.-wdt* "второй"; лат. *sorex* "землеройка", но русск. *сорок;* англ. *rat,* нем. *Ratte* "крыса", но гот. *г ар jo* "число". Лат. *talpa* "крот", возможно, соотносится с др.-исл. *tal* "число" (с детерминативом *-р).* С другой стороны, следует обратить внимание на то обстоятельство, что русское слово *крот* соотносится с др.-англ. *hruder, hrider* "бык; скот" (олицетворение небожителя), ср. также др.-англ. *heort* "олень" ; ср. еще др.-англ. *hrindan* "разрывать, ударять". В этой связи следует указать, что согласно мифопоэтическим представлениям древних индоевропейцев, божество создало Вселенную, разорвав Хаос, причем Вселенная расположена в середине Мироздания (ср. и.-е. *kerd-* "середина") и на периферии находится Хаос. Приведенные семасиологические соотношения, разумеется, никоим образом не противоречат тем, которые установлены в ЭС: и те. и другие дополняют друг друга (ср. о семантической производности значения "резать" [Маковский 1989: 28-31]).

• Типологически ср.: англ. *mole* "крот", но и.-е. *mel-* "скот" (связь Земли и Неба, верхнего и среднего миров).

8. В десятом выпуске ЭС на страницах 191-192 содержится исключительно интересная и оригинальная этимология архетипа **konopja* "конопля". Осетинское слово *gcen,* скифское **кана-* "конопля" справедливо отождествляются с др.-инд. *кипа-* "зерно, семя, крошка". Конопля (женская) понималась как с е м е н н о е растение и получило свое название от названия семени в местных индоиранских языках Северного Причерноморья. Неясности остаются, поскольку в качестве европейского культурного слова распространение получила более длинная форма, которую можно только предположительно реконструировать как (индоар?) **kana-pus-,* первоначально "конопля м у же к а я", ср. др.-инд. *рйтап* "мужчина, самец". Мужская конопля семян не дает, однако смешения названий конопли мужской и женской случаются: их отмечает известный исследователь В. Хен. Но исконное значение "мужская конопля" все же остается реальным именно для сложения указанных компонентов, поскольку распространившееся от него название имеет уже общее значение "конопля": ср. инверсионный вариант *"pus-kana-,* откуда слав. **poskom*>. В той же статье ЭС, однако, допускается и другое этимологическое решение: предполагается, что мужские особи конопли были обозначены как "пыльниковые, опыляющие" - от и.-е. **pu-s-* "дуть, веять", которое хорошо представлено в древне-индийском лексиконе цветов и цветения: ср. др.-инд. *puskaram* "лотос", *piispam* "цветок", *pusyati* "цвести, процветать".

С другой стороны, история имени **konopja* "конопля", восходящего к иранскому или индоарийскому этносу Северного Причерноморья, тесно связана с историей архетипа **кс/рай* (русск. купать) как ритуального термина (ср. развитие: **капар- > *котр- > *кс/р-).* В данном случае речь может идти о ритуальном омовении в жидкости, настоянной на конопляном семени, или о возлиянии: ср. осет. *seen* "вино", др.-инд. *sana* "опьяняющий напиток". См. об этом ЭС, 10, с. 191; ЭС, 12, с. 61. Вместе с тем **kąpati* можно истолковать как технический термин, отражающий один из существенных процессов обработки конопли - ее отмачивание, на что справедливо указывается в ЭС[6].

На полях этой этимологии хотелось бы, однако, отметить возможное соотношение (в индоевропейском плане) архетипов *kopati* (ЭС, 12, с. 58-61) и *kupiti* (ЭС, 13, с. 109-113) : относительно вокализма ср. вариацию *kąpa / кира* "куча" *{киръ* "куча": ЭС, 13, с. 114). Дело в том, что погружение в воду (ритуальное омовение), по поверьям язычников, давало возможность человеку п р и о б р е с т и определенные целительные свойства, приобщиться к божественной силе. В связи с этим показательны следующие сопоставления: ирл. *ind-aim* "мыть", но др.-инд. *yam-* "hold, hold together"; хет. *war* "вода", но и.-е. *иег-* "взять, приобрести"; лат. *aqua* "вода", но др.-англ. *agan* "иметь, владеть"; ирл. *dobrun* "вода", но русск. *добро* (имущество); алб. *lahem* "купаться", но др.-англ. *Ixccan* "схватить, получить"; и.-е. *ар-* "вода", но и.-е. *ар-* "схватить, получить". Отметим, что в германских языках (как уже отмечалось, славянское слово предположительно заимствовано из готского) наблюдалась вариация /аи/ : /о/: ср. др.-сев. *skaup I skop* "презрение", букв, "отбрасывание, отталкивание". Эти германские слова в индоевропейском плане относятся к тому же корню, что и русское слово *купить* (ср. также: др.-сев. *skopa* "быстро двигаться", норв. *skuppa* "stossen, schiitteln", исл. *skoppa* "laufen", а также русск. *скоблить, скопить,* исл. *kofi* "дыра"): значения "резать, бить" могли давать не только значение "мыть" [ср. литов. *plakli* "бить", но ст.-слав. ПЛАКАТИ (греч. 7tAA5veiv) "мыть, полоскать"; литов. *tvask'eti* "ударять, бить", но гот. *\>wahan* "мыть"; литов. *perti* "schlagen", то также "baden, mit dem Badequast schlagen"], но и "заключить сделку; купить, продать" (ср. и.-е. *pel-* "бить", но также "заключить сделку, продать", ср. *pel-* "лить, купать"; и.-е. *ker-* "бить", но также "заключить сделку, торговать"). Значение "резать, бить" непосредственно связано со значением "гнуть", которое может развиться как в значение "покупать" (ср. нем. *biegen* "гнуть", но гот. *bugjan* "покупать"), так и в значение "жидкость, вода" (важно учитывать, что в древности вода понималась как плетение), в связи с чем лат. *caupo,* возможно, соотносится с и.-е. *kop-, kob-1 kup-, kub-* "biegen; Knoten" (ср. лат. *cambiare, cambire* "менять", др.-сев. *кора* "пристально смотреть", букв, "схватить зрением"). Одним из атрибутов сакрального омовения была ветвь: человека, совершающего омовение, стегали прутом - символом

[6] В качестве семасиологической параллели ср.: др.-англ. *fleax* нем. *Flachs* "лен", но и.-е. **pelk-* "влага, жидкость" (ср. выше № 4).

[7] Слав, *kupiti* считается заимствованием из германского; германское же слово, в свою очередь, заимствовано из латинского и соотносится с лат. *caupo* "трактирщик", лат. *cupa* "бочка, боченок", лат. *cuppa* "чаша вина, кубок".

благости, божественной силы и искупления. С другой стороны, преломление ветки, прута символизировало заключение сделки (ср. лат. *slipula* "ветка", но лат. *stipulor* "договариваться, заключать сделку). В этой связи следует обратить внимание на англ. диал. *hob, hop* "a stake to keep the gate from swinging too far back", *kippit* "a cudgel, a large stick" (к тому оке корню относятся: нем. *Hof* "двор", букв, "место, огороженное ветками или кольями", а также англ. диал. *hub* "a secret signal or hint" - таинство ритуала). В свою очередь значение "ветвь" могло соотноситься со значением "жертвоприношение" (ср. англ. *stalk* "стебель", но тох. А *talke* "жертвоприношение"; русск. *стебель,* но др.-англ. *tiber* "жертвоприношение"; русск. *ветвь,* но чеш. *obet* < *ob-uet* "жертвоприношение"; и.-е. *lakslis* "ветка: кол", но др.-англ. *lac* "жертвоприношение"; нем. *Keid* "ветка", но и.-е. *k'ed-* "жертвовать, давать"). Отметим, наконец, что значение "резать, бить" может соотноситься со значением "слабый, слабеть", в связи с чем интересно принять во внимание исл. *кора* "Ermattung; schwachen, entkraften" (типологически ср. англ. *weak* "слабый", но нем. *Wech-sel* "обмен"; и.-е. *uan-* "бить", и.-е. *uen(d)-* "гнуть, крутить", но *upn.fann.fand* "слабый"). Ср. переход значений "слабый" > "быть в состоянии экстаза" (ср. англ. *hop,* нем. *Hopf* "хмель"). Можно полагать, что рассматриваемый индоевропейский корень первоначально означал: 1) "приносить жертву, бросая ее в кипящую жидкость" (ср. др.-инд. *kopayafe),* "бурлить, кипеть": типологически ср. гот. *saujis* "жертвоприношение", но нем. *sieden,* англ. *seethe* "кипеть"); 2) "приносить жертву в виде жидкости, в частности, в виде мужского семени". В этой связи важно привлечь для сравнения др.-сев. *skap* "mannliches Glied" [ср. норв. диал. *кох* "Regenschauer", а также "Verstopfung" > "экстаз" (< *кор-)].* Это слово соотносится с др.-англ. *sedpan* "творить", "создавать", нем. *shcopfen* "haurire" (вода как творческое начало и жертвоприношение жидкости как творение). Интересно, что значение "творить, делать" соотносится со значением "жидкость": ср. литов. *daryti* "делать, творить", но перс, *darya-* "вода; река"; и.-е. *mak-* "творить, делать", но русск. *мокрый;* литов. *veikti* "делать, творить", но и.-е. *ueg-* "жидкость, влага"; и.-е. *ueг-* "совершать, делать", но тох. А *war* "вода"; ср., с другой стороны, русск. *сырой,* но хет. *suris* "жертвоприношение"; др.-англ. *lac* "жертвоприношение", но англ. *leak* "течь".

9. Весьма интересно решается вопрос о происхождении- архетипа **kobyla* в десятом выпуске ЭС (с. 93-98). Ответственным за проникновение слова **kobyla {*kabula)* к славянам автор с полным правом считает индоевропейское население восточной части Балканского полуострова - фракийцев. В этой связи указывается на большое сходство слав. **kobyla* и названия фракийского селения близ современного города Ямбол в Болгарии - КофтЛг] (Гарпократ, Демосфен, Птолемей, эпиграфика), *Cabyle* (Евтропий, Аммиан Марцеллин). Здесь уместно вспомнить о названии горы KiifieXxx в Фригии (Малая Азия), с которым еще в античную эпоху связывали имя фригийской богини-матери КирЄЛ.Г] - Кибелы. Древнефригийские эпиграфические тексты именуют Кибелу матерью *(mater-)*[9], а также *matar kubeleya* (IV в. до н.э.), что означало, вероятно, "Мать (горы) Кибела", ср. точный эквивалент греч. цг^хт|р upetcx "горная матерь", которым иногда обозначают богиню-мать. Из соположения однозначных фригийского и греческого выражений вытекает естественный вывод, что в названии Кбре^сх скрывается фригийский апеллатив "гора". Действительно, фригийское слово "гора" может продолжать и.-е. **keubh-, *koubh-, *kubh-* "возвышение, бугор, вершина". Вероятно, не кто иной, как фригийская богиня-мать Кибела, носила обозначение *po-ti-ni-ja i-qe-ja* "госпожа коней" в микенско-греческом пилосских текстов, иначе - *a-si-wi-ja* "азийская (богиня"), ср. греч. лбтлаос 'trotcov "госпожа, хозяйка коней", а также четкие данные о почетании богини на лошади в Малой Азии. Приведенное выше соположение фриг. *matar kubeleya* = Цгпто 6petcx "горная матерь" может быть, таким образом, дополнено соположением *matar kubeleya* = noxvia Чллсоу "госпожа к о - н е й", "мать коней", что позволяет обнаружить уже у фриг. *kubela, kubeleya* значение "лошадь", "лошадиная, конская"; однако это вовсе не означает отказа от толкования "гора, горная". Культ малоазийской богини-матери был связан с горой и одновременно с лошадью, что очень напоминает синкретизм значения ряда действительно древних случаев. Вместе с тем здесь нельзя не вспомнить, что для обозначения лошади в

[8] Понятия "брать" и "давать" часто смешивались: ср. хет. *da* "брать", но и.-е. *do* "давать"; др.-ирл. *gaihim* "брать", но нем. *geben* "давать".

[9] Юнг указывает, что лошадь (конь) - символ матери, символ магической стороны Человека ("мать внутри нас", т.е. интуитивное познание). См. [Херлот 1994: 257].

хеттской письменности употреблялась шумерская идеограмма *ANSU KUR. RA*[MES], собственно "горные ослы". Возможно, что и в фриг. *kubela, kubeleya* мы имеем обозначение "лошадь" как "горная", своеобразная малоазийская культурная калька. Возвращаясь к слав. **kobyla,* автор отмечает, что оно отражает непосредственно не фриг. *kubela,* а скорее всего - фрак. *kabUla,* родственное слово в другом родственном и.-е. языке, контакты с которым (фракийским) были для праславян реально возможны в придунайских районах. Фригийско-фракийские культурные влияния, связанные с почитанием матери-богини и развитым коневодством, шли в разных направлениях. Ср. сходный с малоазийской Кибелой культ галльской Эпоны, выразительно конской богини.

Постулированное автором соотношение значений "гора" - "лошадь" вполне подтверждается индоевропейскими семасиологическими параллелями: ср. прежде всего указанные выше и.-е. праформы *keubh-, koubh-, kubh-* "возвышение, бугор, вершина", но англ. *cob* "лошадь"; алб. *mat* "гора", но англ. *маге* "кобыла"; русск. *гора,* но ирл. *gerran* "мерин".

В связи с тем, что в древности лошадь была символом Космоса, можно было бы сопоставить русск. *кобыла* (и его славянские соответствия) с прусск. *gerbin* "число" (как символ Вселенной), а также с и.-е. *kerbero-* (др.-инд. *karbara-, kabara-)* "краска" - не только как обозначение масти лошади, но и как космогонический символ: в языческих поверьях лошадь олицетворяла магическое животное, связывавшее нижний мир, тьму, преисподнюю (ср. и.-е. *gheibh-* "бездна, зияние") с верхним миром, с небом (ср. др.-англ. *heofon* "небо"). В этой связи интересно сопоставить, с одной стороны, хет. *kab* "неблагоприятный; левый", но с другой стороны, хет *qablu* "середина" (символ Вселенной).

10. В тринадцатом выпуске ЭС приводится любопытная этимология праформы *kulikb* "болотная птица "Oedicnemus oedicnemus". Автор обращает, с одной стороны, внимание на то, что кулик замечателен своим длинным изогнутым клювом (ср. франц. *bicasse : bee* "клюв, нос", нем. *Schnepfe* "кулик": *Schnabel* "НОС, клюв"), а с другой стороны - на следующие русские диалектные слова: *кулик* "ряженый", *куляжки* "святочные ряженые", ср. также: польск. *kulig, kulik* "масляничный поезд ряженых". Именно значения этих слов автор считает первичными: речь идет об обряде ряженых с их масками и преувеличенными атрибутами внешности - горбы, рога, носы. Указывается также на родство основы **ku-l-,* которая обозначает и кривизну, и сжимание, и хромоту.

11. В тринадцатом выпуске ЭС содержится оригинальная этимология праформы **kustb* (др.-русск. *кустъ,* русск. *куст).* Автор справедливо отвергает общепринятое сейчас отождествление **kuste* с литов. *kuokstas* "горсть, пучок, связка, куст": отмечается существенная разница значений литовского и русского слов - если для литовского *kuokstas* основным является "пук, пучок, клок", а применение к кустарниковому

Возможно, что русск. слово *конь* соотносится с лат. *conus* "вершина" (горы). Следует отметить, что гора в древности соотносилась с огнем (ср. русск. *гора* и русск. *гореть:* многочисленные примеры соответствия "гора" - "огонь" см. [Маковский 1989: 72]). Среди различной символики коня (Космос, вода и другие первоэлементы Вселенной, необузданные силы Хаоса, ветер, морская пена, смерть) выделяется символика огня и света. В связи с этим можно, видимо, сопоставить русское слово *конь* с и.-е. *kenk-* "гореть", а также осет. *k'ona* "очаг", хет. *gunni* "огонь, очаг".

В десятом выпуске ЭС (с. 197) дается иная этимология праслав. *копь* "конь, лошадь": вопреки очевидному, казалось бы, направлению деривации *копь —> коткъ* предлагается рассматривать эти образования как ложные деминутивы, вернее - как преобразованный слепок с иноязычного *копко-1 капко-.* встречаемого в кельтском (галльском) названии лошади в остаточных формах и в антропонимии: *laelum equino sanguine Concano* (Hor. Carm. III, 4, 34); сюда же собственные имена *Cancius, Cancilus, Cancia.* Кельтское слово реконструируется как "скакун" и продолжает и.-е. *к а(n)к-* "скакать" вместе с др.-в.-нем. *hengist,* нем. *Hengst* "жеребец" и литов. *Sankiis* "проворный", "быстрый". Понятно при этом, что кельтск. *копко-1 капко-* получило при заимствовании в славянский интерпретацию как популярный славянский деминутив на *-к-* суффиксальное, на самом же деле деривация была прямо противоположной: *копькъ —» копь.*

[1] Ср. тох. А *кираг* "глубокий", авест. *gufra-* "глубокий".

растению вторично (ср. особое основное название куста в литовском языке - *krumas).* то в русском (восточнославянском) - как раз наоборот. Наблюдения над семантической типологией названий куста позволяют выявить в их числе и первоначальное значение "стоячий" (ср. нем» *Staude).* Напротив, связь понятий "куст" и "пучок" часто вторична. К этому добавляются и формальные моменты, говорящие о неродственности слав, *kusfo* и литовского *kuokStas.* Так, "балтославянская" праформа **кбикШ-* у Траутмана отражала только особенности литовского слова с его акутированным дифтонгом, чего нельзя сказать о русском *куст,* где нет признаков ни древней долготы, ни акута. Русское слово, судя по всему, не было суффиксальным производным в отличие от литовского (ср. и старшинство неконечного ударения *куста, кустом, кусты* - XVII в.). Такое место ударения при краткости / или нормальной ступени / подударного гласного вызывает мысль о префиксальном сложении **ku-sto-* именной формы корня глагола **stojati* "стоять". Одним из соответствий для праславянского диал. **kustb* можно считать др.-инд. *kusfha-* "растение Saussurea lappa", в котором автор также справедливо усматривает сложение оценочного префикса *ки-* и корня *stha-* "стоять" в именной форме. Др.-инд. и русск. слова реконструируются из первоначального обозначения кустарника как "определенным образом стоящего, торчащего из земли", несколько приниженно в сравнении с деревом.

12. Весьма интересно трактуется в ЭС праформа **kblbasa I *къ1Базъ* "колбаса". В отличие от прежних этимологии, связывавших рассматриваемое слово с заимствованием из тюркского (ср. турецк. *kiilbasty* "мясо, жаренное на рашпере, жареные котлеты") или из семитского (ср. др.-евр. *kolba'sar* "мясо, плоть"), а также с франц. *calebasse* "тыква", автор считает это слово исконнославянским производным с суффиксом *-as-* от корня, представленного укр. диал. *кблбик* "желудок животного", белорусск. диал. *кдубык* "желудок животного", белорусск. диал. *каубух* "желудок с начинкой", укр. диал. *ковб* "свиной желудок". Приводятся семасиологические параллели для перехода значений "колбаса" < "начинка, начиненная кишка": ср. лат. *farcimen* "колбаса" (лат. *farcio* "набивать, напихивать"); болг. *наденица* "колбаса". Таким образом, отпадает сравнение рассматриваемого слова с *колоб, колобок* "печенье из муки", постулируемое Соболевским. Для этимологии рассматриваемого слова весьма важно учесть архетип **къ1Байй* "мять" > "набивать". С другой стороны, следует обратить внимание на вариантную общность корня **къ1Ь-1 *къМ-*къ1m-1 *кък-,* значения которых объединяются вокруг "путать, мять", в связи с чем в ЭС устанавливается связь с руск. диал. *колтун* "путаник; мошенник", а также белорусск. диал. *каутун* "колосья, закрученные со злым умыслом", сюда же русск. *колдун.*

Возможно и другое толкование русских слов *колдовать, колдун.* Дело в том, что дерево (наряду с горой или водой) в древности считалось вместилищем душ или духов. В связи с этим можно сопоставить русск. *колода* и русск. *колдовать.* Ср. семасиологические параллели: лтш. *kudks* "дерево", но гот. *skohsl* "демон, злой дух", литов. *kaukas* "домовой"; русск. *ветла,* но др.-инд. *vetala* "демон, злой дух"; др.-инд. *rohi* "дерево", но гот. *rohsn* "дух". См. ЭС, 13, с. 178-180, 185. Ср. также ЭС 15, с. 46-47.

13. Весьма интересное и новое истолкование архетипа **1айъ* содержится в ЭС, 14, с. 10-12. Слово это не имеет надежной этимологии в известных этимологических словарях.

Автор с полным основанием считает, что исход *-dh-* в рассматриваемом слове представляет собой ступень редукции и.-е. **dhf-* "класть, ставить". Эта отглагольность второго компонента *-db (-dho-)* делает сомнительной отглагольность первого компонента **la-dъ,* в сущности принимаемую Бернекером. Автор указывает также на то обстоятельство, что имеется немало старых сложений с *-db* в славянском: ср. **sodb, *pridb, *регйъ, *udb.* Для всех них практически характерно наличие предлогов-приставок в первом компоненте сложения. Это открывает новый аспект словообразовательно-этимологического анализа для слова **ladb.* В составе **ladb* можно

предполагать наличие служебного местоименного элемента на -/-: ср. и.-е. *ol-, реконструируемое для лат. *uls* "по ту сторону", лат. *ultra* "сверх, дальше", др.-лат. *ollus* "ille". Замечательно, что реликт старого указательного местоимения *ol- уже давно вскрыт в слав. Праславянское *olni с точным полным соответствием в др.-лат. *olli* "тогда" *(*olnei)* лишено балтийских соответствий. Сказанное позволяет интерпретировать слав. *Iaйъ как сложение предлога-приставки указанного происхождения *{o)Io + *dho-. Чисто морфологически реконструируемое *olo находит аналогию в "полных" праформах предлога-приставки *agho /*ugho (откуда слав. *oz-, *уъг-, *za-, литов. *uz, uzuo).* Поскольку понятие порядка, гармонии в древности соотносилось с сакральными и ритуальными понятиями, рассматриваемый здесь корень *dhe- "класть", входящий в слав. *Iaйъ "порядок", уместно сопоставить с и.-е. *dhes-: ср. арм. *dik* "боги", лат. *fanum Cfas-no-m)* "место, посвященное богам, храм", др.-инд. *dhisnya* "святой; набожный".

14. В восемнадцатом выпуске ЭС (с. 71-72) дается оригинальная этимология архетипа *medb "мед". Автор обращает внимание на тот факт, что пчелиный мед привлек внимание первобытных людей как жидкость, подверженная ферментации, в связи с чем приводится следующий языковой материал: др.-инд. *mddati* "бурлить", греч. цаойсо "расплываться", "переливаться", лат. *madeo* "быть влажным, сочиться". В качестве семасиологической параллели приводится следующее сопоставление: др.-русск., сербск. — церк.-слав. *стрьдь,* словен. *stld,* ст. чеш. *stred* "густой мед", но нем. *Strudel* "водоворот", которые возводятся к и.-е. **sr-e-dh-os / *sr-o-dh-os* и далее к и.-е. **ser-* "струиться, вытекать".

15. Весьма оригинально и ново содержащееся в девятнадцатом выпуске ЭС толкование архетипа **mogyla* "курган, холм", который возводится к и.-е. **megh-* "большой" (разумеется с кентумным рефлексом задненебного). Индоевропейская праформа, приводимая в словаре Ю. Покорного, включает такие слова, как греч. ц^а^оя "большой", но также: др.-инд. *main* "земля", лат. *mactdre* "приносить в жертву, убивать жертву". Автор обращает внимание на интересную статью Е.С. Павловой [Павлова 1993], где рассматриваемое слово связывается с русск. диал. *гомылъка* "большой платок, подаренный невесте женьхом в день свадьбы" и сопоставляется символика свадебного и похоронного обрядов. Если взросление юноши предполагало прохождение через обряд инициации (где происходила ритуальная смерть участников обряда и возрождение их уже в новом качестве - воинов, взрослых мужчин, полноправных членов племени), то ритуальные похороны девушки-невесты на пороге вступления ее в новую жизнь связывались с ее покрытием платком. Не случайно свадебное платье для невесты и саван до сих пор одинаково шьются из белой ткани. Раскрытие невесты, снятие покрывала в доме жениха должно было означать ее "освобождение", выход ее из "могилы". Предметом, на который возлагалась функциональная нагрузка ритуальных похорон невесты, был специальный свадебный хлеб (пирог). Важно, что по форме этот хлеб должен был быть обязательно округлым, выпуклым, довольно большим (нередко размеры его были столь велики, что приходилось разбирать переднюю стенку печи, чтобы вынуть пирог), т.е. практически повторял форму холма, насыпи, могилы. В чешском языке такой пирог назывался *homola* (ср. с метатезой - русск. *могила).* Таким образом, существует прямая связь между названием свадебного пирога (чеш. *homola),* платка, которым покрывают невесту (русск. диал. *гомылъка)* и названием погребального холма - могилы. В этой связи показательны следующие сопоставления: ново-ирл. *uaigh* "могила", но нем. *Week* "пирог", др.-инд. *vah-* "вступать в брак"; др.-англ. *hyr(i)gan,* совр. англ. *bury* "хоронить", но англ. *bride* "невеста" (страдательное причастие от др.-англ. **byr(i)gan* "хоронить", букв, "похороненная"), ср. также англ. *bread* "(свадебный) хлеб";[12] др.-англ. *hiwan* "вступать в брак", но и.-е. **кеи-* "холм, насыпь", а также "пропасть, дыра, могила, бездна". Латинское слово *luna* <

Ср. также: англ. диал. *brot* "покрытие, попона для лошади".

"luks-na соотносится не толко с лат. *lux* "свет", но и с гот. *liugan* "вступать в брак" (луна - символ смерти, ср. русск. диал. *луна* "смерть"). Типологически ср.: арм. *nor* "луна", но и.-е. **пе-* "мужчина, производитель"[13] и русск. *нора* (> "дыра, могила"): ср. арм. *nor-apsak* "новобрачный", букв, "увенчанный луной".[14]

16. В девятнадцатом выпуске ЭС (с. 7-11) дается интересная этимология архетипа **meso* "мясо", который впервые связывается с греч. сб||бs "сырой", др.-инд. *amah* "сырой" (неполная редупликация **me-ems* или *"me- emэ s-)* и далее с и.-е. **om(э)so-* "плечевой сустав" (исходным для этого последнего является значение "кусок, часть сырого мяса").

17. В восьмом выпуске ЭС (с. 83-84) приводится оригинальная трактовка архетипа *"xoteti* "хотеть, иметь желание, охоту, ощущать потребность в чем-нибудь", который связывается с **xvot-,* родственным **xvatati* [последний получает объяснение как ступень продления **xvot-* (итереативно-дуративное образование)]. Весьма любопытно, что нормальная ступень **xvot-* в значении "хватать" - не известна и, по-видимому, не сохранилась, что свидетельствует в пользу предполагаемого полного переосмысления **xvot-* "хватать, брать" > * *xoteti* "хотеть". Сюда же примыкает фонетическое свидетельство русск. диал. *охвбта* "охота", которое говорит об изначальности сочетания *xv-* и не объяснимо иначе. Что же касается праформы **xvatati* (ЭС, 8, с. 123), то автор отмечает, что формальная реконструкция этого глагола приводит к **sue-,* в конечном счете местоименного происхождения (*jvo/b); таким образом, "схватить" < "присвоить".

Вполне понятно, что любое этимологическое решение, даже самое удачное, не является "вещью в себе" и может допускать дополнение, расширение, позволяющее взглянуть на него с точки зрения различных концептуальных и культурно-социальных плоскостей. Такое дополнение [Журавлев 1993] не только не нарушает основной идеи того или иного этимологического решения, но, напротив, может служить его подтверждением и дальнейшим углублением. В этой связи мы позволим себе сделать несколько замечаний на полях некоторых статей рассматриваемого "Этимологического словаря славянских языков".

1. Архетип *"ЬаЪа.* В ЭС (1, с. 107) указывается, что праслав. **baba* - слово детской речи (Lallwort) с главным значением "старуха, бабка", тогда как остальные значения - результат вторичного переноса, в основе которого лежит либо простая метафора (обозначение чего-либо по сходству со старой женщиной, бабой), либо языческое представление, например, русск. *бабочка* "мотылек" - это первоначально "душа бабки, предка женского пола". В этой связи следует отметить, что по поверьям древ-

[13] Ср. также, литов. *noreti* "хотеть" (> "похоть").

[14] Согласно мифопоэтической традиции, умерший считался светилом, солнцем, а могила, гроб, саван - матерью умершего (а также небом). В этой связи показательны следующие сопоставления: англ. диал. *aid, ade* "яма, могила", но гот. *aipei* "мать" [ср., с другой стороны, лтш. *ada* "кожа, шкура, оболочка" > ("саван")]; русск. *гроб,* но и.-е. *gyolbh-* "матка (у женщины); к тому же корню относится тох. А *Шор* "боль, страдание" > "родовые муки матери" (типологически ср. ирл. *fo-daimin* "страдать", но лат. *femina* "женщина", тох. А *tarn-* "рожать"; др.-в.-нем. *quale,* др.-англ. *cwalu* "боль, мука", но тох. А *kuli* "женщина"; др.-англ. *oece* "боль", но арм. *eg* "женщина": ср. др.-в.-нем. *sahhan* "причинять страдания"); др.-англ. *sar* "боль", но и.-е. *sor-* "женщина"); с другой стороны, к тому же корню относится и греч.) троцсрйч свинья" [значение "свинья" обычно соотносится со значением "coire, рожать": типологически ср. нем. *Sau* "свинья", но и.-е. *seu-* "рожать" (лтш. *sieva* "женщина"), нем. *Schwein* русск. *свинья,* но хет. *uen* "coire"" лтш. *сїка* "свинья", но и.-е. *kukos* "vulva"]. Вместе с тем можно привлечь для сравнения лтш. *skurbs* "пьяный" (< "находящийся в экстазе": сакрально-фаллический экстаз), а также русск. *скорбь* и уже приводившееся тох. А. *klop* "опасность: страдание", др.-исл. *glSpr* "дурак, идиот" (состояние экстаза, потери чувств). Типологически ср., с одной стороны, нем. *Leid* "страдание", но исл. *leiSla* "экстаз", а с другой - др.-инд. *bhaya-* 1) "страдание, страх", но также 2) "опасность". Другие примеры: сербско-хорв. *рака* "могильный склеп" < гот. *arka* < лат. *area* "ящик", но хет. *ark-* "coire" (ср. ирл. *ecc* "небо"); англ. *shrine,* нем. *Schrein* "гробница", но англ. диал. *clean* "плацента, детское место" (у коровы); др.-англ. (нортумбрийская Библия) *mudric* (глосса *serin)* "ящик, емкость" > ("гроб"), но англ. *mother* "мать" [с этим последним ср. также: ср.-в.-нем. *muoder, miieder* "Kleidungsstiick", > ("саван"), с другой стороны, англ. moat "ров, яма, могила" (ср. др.-англ. *mund,* англ. *mouth* "рот")].

них, душа человека после смерти могла перевоплощаться в насекомых. Русское слово *бабочка,* сербско.-хорв. *babe* "божья коровка", видимо, восходит к и.-е. *"bha-* "гореть" (значение "душа" часто соотносится со значением "огонь, божественный огонь: типологически ср. и.-е. **dheg-* "гореть", но русск. *дух;* русск. *гореть,* но лтш. *gars* "душа"). Подобным же образом и англ. диал *lealow* "бабочка" (редупликация) соотносится с др.-англ. *lieg* "огонь"; *лат.рарШо* "бабочка" (редупликация) соотносится с и.-е. **pel-* "гореть"; ирл. *teine-de* "бабочка" означает буквально "божественный огонь", а ирл. *dealan de* "бабочка" означает буквально "божественная молния". Интересно литовское слово *drugys* "бабочка", которое одновременно означает и "лихорадка, жар"; подобным же образом греч. *m\m6Xo<;* означает "бабочка", а греч. r)7u6A.r)s "лихорадка, жар"; перс, *hdlwartah* "бабочка", очевидно, можно соотнести с др.-англ. *bel* "огонь, костер" (персидское слово *bdl* "крыло", очевидно, является производным и метафорически передает колебательные движения языков пламени).

2. Архетип **тейъ* (ЭС, 18, с. 71-72). В связи с тем, что первобытные люди пользовались медом непосредственно из дупла деревьев в лесу, вполне возможна связь названия меда с названием дерева: ср. и.-е. *medh-* "мед", но литов. *medis* "дерево"; др.-сев. *hunang,* др.-англ. *hunig* "мед": здесь перед нами, видимо, композитум, отдельные части которого соответствуют лтш. *kuoks* "дерево", др.-сев. *skogr* "лес" + и.-е. **ag-* "дуб" (ср., однако, брет. *gwenan* "пчела", валлийск. *gwenynen* "пчела" + ново-перс. *eng* "пчела": типологически ср. гот. *bagms* "дерево", но ирл. *bech* "пчела"). Вместе с тем вполне возможно, что мы имеем здесь дело с табуистическими формами: ср. хет. *henkan* "смерть", и.-е. **kenk* "голод" или и.-е. **кауно* "стыд, позор" + и.-е. **aig4h-* "позорный".

С другой стороны, необходимо принять во внимание, что древняя символика меда - мудрость: ср. и.-е. **medh-* "мед", но др.-англ. *smead* "умный, сообразительный"; лат. apis "пчела", но тох. А *opyac* "разум"; ново-перс. *eng* "пчела", но ирл. *ecne* "мудрый". др.-сев. *hunang* "мед", но гот. *hugjan* "думать". Значение "мед" может также соотноситься со значением "середина, сердцевина" (мед считался олицетворением Вселенной, которая располагалась древними в середине Мироздания): ср. лат. *mediate* "середина, сердцевина", др.-англ. *midd* "средний", но русск. *мед,* и.-е. **medh-* "мед"; хет. *lal* "мед" < **leg-al(gh)-* (редупликация), но хет. *legan* "середина, внутренности". Далее следует учитывать, что мед как магический напиток являлся источником ритуального экстаза при возлиянии, в связи с чем следует сопоставить: и.-е. **medh-* "мед", но др.-англ. *mcetan* "спать" < "находиться в экстазе"; и.-е. **mel-* "мед", но и.-е. **mel-* "экстаз"; и.-е. *lal* "мед" *'leg-al(gh)-1 *ledh- al(dh-),* но исл. *leidla* "экстаз" (ср. др.-англ. *ling* "идол, языческий божок"); чеш. *stred* "мед" - валл. *sardd* "экстаз".

3. Архетип **когугъь* "козырь" (в карточной игре)". В двенадцатом выпуске ЭС (с. 27-28) архетип **kozyr* истолковывается как сложение местоименной приставки *ко-* и корня глагола *"zyriti* "смотреть", причем намечается следующее семантическое развитие: "приспособление для защиты зрения" —» "навес, то, что с в е р х у" (ср. русск. *козырек)* — "старшая карта, покрывающая остальные". Вместе с тем, как нам представляется, рассматриваемый архетип можно, видимо, сопоставить с др.-англ. *husel* "жертвоприношение" (букв, "жертвоприношение как средство умиротворения богов")'[5]. Что же касается русск. *козырек* "верхняя часть шапки", белорусск. диал. *казырок* "верхняя часть шапки; навес над дверью", то здесь необходимо учесть, что предметы и животные, приносившиеся в жертву, подвешивались на деревьях. С дру-

' Ср. семасиологическую параллель: лат. *triumphus* "торжественное шествие" (< "сакральное действие") < греч. тр1-0(1фТ|, букв, "тройственное жертвоприношение": ср. др.-в.-нем. *иоЬа* "жертвоприношение; сакральное действие", но англ. *trump,* нем. *Trumpf* "козырь" (в карточной игре). Относительно перехода значений "голос, прорицание" (ср. феч.'оцфУ)) типологически ср.: гот. *stibna* "голос", но др.-англ. *fiber* "жертвоприношение"; литов. *girti* "хвалить, славословить" (ср. и.-е. *gher-* "издавать звуки"), но русск. *жертва.*

гои стороны, однако, можно принять во внимание композитум: хет. *ки-* платить; приносить в жертву" + хет. *suris* "жертвоприношение" [Маковский 1992; Маковский 1995; Херлот 1994; Bonnefoy 1981; Chevalier, Gheerbrant 1979; Golan 1991; Pictet 1877; Poirier (ed) 1991; Puech (ed.) 1976]. .

4. Архетип *'beseda* в первом выпуске ЭС (с. 212), по мнению автора, первоначально означал "сидение" (без оттенка "снаружи", не вытекающего из реальных значений и ad hoc примышленного исследователями, начиная с Бернекера, принимающими реконструкцию **bez-seda),* откуда затем и "место сидения" (ср. др.-русск. *бестда* "седалище, место сидения", русск. обл. *беседа* "скамейка"), и "совместное сидение, общение", "разговор". В связи со сказанным автор вслед за Розвадовским сближает слав. **beseda* с др.-инд. *bhasdt {bhasdd-)* "задница" < *"сидение".

Следует иметь в виду, что, согласно верованиям язычников, определенное положение в пространстве имело магическую символику, в связи с чем важно отметить, что понятие слова (resp. звука) тесно связано с ориентацией в пространстве (магический символ добра и зла, жизни и смерти, сверхъестественной силы и др.). Ср. нем. *liegen* "лежать", нем. *legen* "класть", но греч. *Хгугху* "говорить"; алб. *dergjem* "лежать", но кельтск. **trigio* "музыка, звуки"; арм. *parkel* "лежать", но тох. А *plac* "слово, речь"; лтш. *gulet* "лежать", но и.-е. **ghur-* "издавать звуки". Ср. [Маковский 1993][16]. Учитывая сказанное, можно полагать, что русское слово *беседа* представляет собой композитум, первая часть которого соответствует и.-е. **bhe-, *bho-, *bhu-* "быть, находиться в определенном положении в пространстве или в определенном месте" + и.-е. **sed-* "находиться в определенном положении в пространстве или в определенном месте" (ср. англ. диал. *The book is sitting on the table"* Книга находится на столе": [J. Wright 1905, s.v.]. Возможно, однако, что первый компонент этого слова соотносится с и.-е. усилительной частицей **bhe-*. Вместе с тем, как нам представляется, рассматриваемый архетип, можно соотнести с и.-е. **bha-* "говорить", "издавать звуки" <**bhu-* "быть" + др.-инд. *svadha* "custom, rule, law; rite" [Mann 1984: 1342]. Возможно, однако, что перед нами композитум, состоящий из и.-е. **bha-* "блестеть, гореть" (как ритуальный термин соотносится с и.-е. **bha-* "говорить, издавать звуки") + и.-е. **sueid-* "блестеть, гореть" (возможно, соотносится с **uedh-* "говорить").

5. В десятом выпуске ЭС (с. 38-39) возрождается незаслуженно забытая этимология Брюкнера, согласно которой праформа **kleti* совершенно справедливо соотносится с праформой **kloniti* "(Брюкнер отмечал: "Славянин во время клятвы склоняется до земли, касаясь ее рукой"). Действительно, именно прикосновение, а также возложение (жертвоприношение) были наиболее типичными формами клятвы и проклятия. Кроме того, понятие клятвы связывалось со съеданием жертвы (или земли, к которой прикасались), а также с преломлением ветви (русск. *обет* "клятва" < **ob-uet-).*

В этой связи, как нам представляется, вполне возможно допустить соотношение русских глаголов *класть*[11] и *клясть.* Типологически ср.: праформа *"pri-sega* "клятва" буквально означает "касание рукой"; др.-англ. *ад* "клятва", но др.-ирл. *do-aidla* (3 Sg.) < *to-ad-ell* "приблизиться, трогать, дотронуться"; и.-е. *"lagh-, *legh-, *lugh-* "класть", но ирл. *luge* "клятва" (ср. др.-англ. *lac* "жертвоприношение"); у грекой возложение на алтарь (молитвы, жертвенного животного и др.) означало как дар по обету, так и отлучение, проклятие (греч. ЙУбс-Эгща); литов. *keikti* "проклинать" соотносится с и.-е. **kei-* "лежать, возлагать"; ср. также: и.-е. **orego* "reach, stretch, spread, extend to" [Mann

[16] Интересно, что слова со значением "место" могут соотноситься со значением "говорить": ср. лат. *locus* "место", но лат. *loquere* "говорить"; лат. *pagus* "местность", но др.-англ. *spacan* "говорить"; ново-греч. u£pos "место", но гот. *merjan* "громко объявлять, провозглашать"; греч. тбло? "место", но тох. А *tap* "громко объявлять, громко говорить"; лат. *regio* "местность", но и.-е. *гёк-* "говорить".

Авторы ЭС справедливо указывают, что значение "скопить, холостить, кастрировать" неотделимо от семантики "класть" (ЭС, 9, с. 188). Ср. литов. *guldyti, guldau* "укладывать, класть", но также "скопить, холостить"; ср. также русск. диал. *ложить* "скопить, холостить".

1985: 887], но греч. брКОч "клятва"; и.-е. *uee- "найти, взять"(букв, "дотронуться"), но др.-англ. *swerian* "клясть, проклинать" (ср. также: и.-е. *uer- "weit, breit"); и.-е. *teg-, *tog- "дотронуться; сжать" (ср. англ. *tongs* "щипцы"), др.-инд. *dhaukate* "приближается; дотрагивается", но др.-ирл. *tongu,* валлиек, *tyngu* "проклинать" (ср. англ. *stock* "склад", букв, "то, что кладется").

С другой стороны, ср.: тох. А *talke* "жертвоприношение", греч. храуоs "козел" (обычный предмет жертвоприношения"), но греч. т^соусо "есть, пожирать" (ср. вместе с тем др.-англ. *telg* "ветка"), а также и.-е. *sterg- "охранять", но и.-е. *sterg- "губить, навлекать болезнь"; и.-е. *adh-, edh- "есть", но др.-англ. *aд* "клятва"; гот. *ga-wargjan,* др.-англ. *wiergan* "проклинать", но литов. *valgyti* "есть, кушать" (ср. литовск. *vargs* "плохой", но осет. *warz* "любовь"); ново-ирл. *m'onn* "клятва", др.-инд. *medha-* "жертвоприношение" (ср. др.-ирл. *mind* "знамение") < *mendh-, но лат. *manducare* "есть, питаться", ср. также: нем. *Erde* "земля", но осет. *aid* "клятва"; др.-англ. *hruse* "земля", но др.-англ. *cursian* "проклинать"; архетип *pri-s%ga "клятва", но осет. *sygyt* "земля".

"Этимологический Словарь славянских языков" - крупнейшее достижение российской науки нашего времени, не имеющее аналогов в мировой практике подобных изданий. Опубликованные выпуски этого Словаря - плод огромного труда коллектива этимологов - уже давно стали настольной книгой славистов и индоевропеистов, которые особенно ценят в нем достоверность обширного языкового материала и оригинальность этимологических решений. Лингвистическая общественность с нетерпением ожидает успешного завершения Словаря.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Журавлев А.Ф. 1992 - Заметки на полях "Этимологического словаря славянских языков" // Этимология. 1988-1990. М., 1993.

Зеленин Д.К. - Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901-1913. М., 1994.

Маковский М.М. 1989 - Удивительный мир слов и значений. М., 1989.

Маковский М.М. 1992 - "Картина мира" и миры образов (Лингвокультурологические этюды) // ВЯ. 1992. №6.

Маковский М.М. 1995 - Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М., 1995 (в печати).

Материалы 1992 - Российская академия наук. Материалы к библиографии ученых. Серия литературы и языка. Вып. 21: Олег Николаевич Трубачев / Сост. Л.В. Шутько. Автор вступительной статьи Л.А. Гиндин М., 1992.

Павлова Е.С. 1993 - Русск. диал. *гомылька* - Этимология. 1988-1990. М., 1993.

Трубачев О.Н. 1957 - Принципы построения этимологических словарей славянских языков // ВЯ. 1957. 5.

Трубачев ОН. 1967 - Работа над этимологическим словарем славянских языков // ВЯ. 1967. № 5.

Трубачев О.Н. 1972 - Заметки по этимологии и сравнительной грамматике // Этимология. 1970. М., 1972.

Херлот Х.Э. 1994- Словарь символов. М., 1994.

Этимологический словарь 1963 - Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд). Проспект. Пробные статьи. М., 1963.

Bonnefoy Y. (ed.) 1981 - Dictionnaire des mythologies et des religions des societes traditionnelles et du monde antique / Sous la direction de Bonnefoy Y.V. I—II. P., 1981.

Chevalier J., Gheerbrant A. 1979 - Dictionnaire des symboles. P.. 1979.

Golan A. 1991 - Myth and symbol. Symbolism in prehistoric religions. Jerusalem, 1991 - (= Голан А. Миф и символ. М., 1993).

Kluge F. 1975 - Etymologisches Worterbuch der deutschen Sprache. B., 1975.

Mann S.E. 1985 - An Indo-European comparative dictionary. Hamburg, 1985.

Pictet A. 1877 - Les origines indo-europeennes, ou les Aryas primitifs. Essai de paleontologie linguistique. 1-3. P., 1877.

Poirier./. (ed.) - Histoire des moeurs / Sous la direction de Poirier J. 1-3. P., 1991.

Puech H.-Ch. 1976 - Histoire des religions / Sous la direction de Puech H.-Ch. 1-3. P., 1976.

Vaillant A. 1966 - Grammaire comparee des langues slaves. V. 3. P., 1966.

Wright J. (ed.) 1898-1905 - English dialect dictionary / Ed. by Wright J. I-VI, Oxford, 1898-1905.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1995

РЕЦЕНЗИИ

***P. Lehmann.* Historical linguistics. Third edition.** Routledge. London; New York. 1992. 338 p.

Последние полтора десятилетия отмечены выходом в свет целой серии руководств по теории и методике исторического языкознания, принадлежащих крупным лингвистам современности [Boretzky 1977; Bynon 1977; Fisiak 1990; Hock 1986; Jeffers 1989]. К этим работам, во многом дополняющим друг друга в силу свойственных их авторам наклонностей, отныне присоединилось и рецензируемое издание, отличающееся, как представляется, наибольшей полнотой и сбалансированностью аспектов, составляющих это фундаментальное направление текущих лингвистических исследований. Обращаясь к труду У. Лемана, прежде всего необходимо подчеркнуть, что перед нами по существу новая книга, во многом отличная от ее одноименной предшественницы 1973 года [Lehmann 1973] и тем более - от скромной заявки на нее, относящейся еще к 1962 году [Lehmann 1962] и отражающая не только эволюцию взглядов ученого, но и развитие мировой лингвистической мысли в целом.

Книга вводит читателя в обширную проблематику современного исторического языкознания во всем его многообразии. Ее структура глубоко продуманна. Помимо небольших технических по своему назначению вступительных разделов, а также Введения и Заключения, она состоит из четырнадцати глав, которые посвящены истории становления диахронического плана лингвистических исследований (глава 2), использованию в них письменных памятников (глава 3), характеристике генетического, типологического и ареального аспектов исторического языкознания (главы 4-6), сведениям о его общем методическом инструментарии (главы 7-9), рассмотрению специфической уровневой проблематики языкового изменения (главы 10-14). Наконец, в особой главе трактуется взаимодействие диахронической лингвистики с дисциплинами культурно-исторического цикла. Помимо многочисленных примеров в основном тексте изложения, иллюстрирующих преимущественно фактическую сторону языкового изменения (в своей большей части это материал индоевропейских, особенно - наиболее близких автору германских языков), почти все главы работы содержат компактный список специальной литературы, рекомендуемой начинающему лингвисту-историку, а также предлагаемые его вниманию задачи.

Если учитывать, что индоевропейское языкознание прочно обеспечило себе репутацию пробного камня теории и метода историко-лингвистического исследования, то должно быть очевидным, насколько инструктивно для адресата книги знакомство с его богатейшим опытом. Этому прежде всего и посвящено основное содержание работы. И именно такой направленностью объясняются некоторые ее особенности (ср., в частности, достаточно подробное изложение генеалогической классификации индоевропейских языков на с. 67-83 наряду с очень беглым обзором состава других наиболее крупных лингвистических семей на с. 84-89). Тем более естественно, что У. Леман не затрагивает здесь проблематики глоттогенеза, представляющего собой комплексную дисциплину, далеко выходящую за рамки диахронического языкознания как такового (ср. авторское обоснование этого на с. 314).

Говоря о достоинствах рецензируемой книги, прежде всего, вероятно, следует отметить сбалансированность в ней презентации основных составляющих современного исторического языкознания. С одной стороны, это обстоятельство оказывается в прямой зависимости от чрезвычайно широкой сферы исследовательских интересов ее автора как в отраслевом, так и в теоретическом планах. Вместе с тем, при несомненной привязанности У. Лемана к американской лингвистической традиции такой сбалансированности способствует свойственное ученому внимание к достижениям различ-

ных школ современной лингвистической науки.

Существенно, далее, что в центре внимания автора неизменно оказывается проблематика языкового изменения, которая обсуждается далеко не только в специальных главах, посвященных вопросам трансформаций в пределах отдельных уровней языка. В работе много говорится о соотношении статики и динамики в диахронии, о стимулах и характере распространения инноваций. Характерно, что и глава, в которой идет речь о взаимодействии исторической лингвистики с другими дисциплинами исторического круга, названа автором "Linguistic and cultural change".

Не менее отчетливо обосновывается в книге и требование высокой объяснительной способности диахронических гипотез. У. Леман считается с тремя возможностями объяснения языковых изменений, апеллирующими к структурным сдвигам, к фактору заимствования, а также к воздействию детской речи. Соответственно многие пассажи книги касаются именно проблемы выбора оптимального диахронического истолкования рассматриваемого фактического материала (ср., например, пространный комментарий к оценке гипотез о стимулах звукового изменения на с. 204-215). С этим требованием связано и столь частое обращение автора к показаниям письменных памятников разной степени давности, обеспечивающим индоевропеистике привилегированное положение среди других отраслей исторического языкознания.

Содержащаяся в работе совокупность принципиальных высказываний У. Немана создает целостное впечатление о творческом кредо автора как выдающегося лингвиста-историка современности.

В разделах, посвященных генетической проблематике отчетливо заявляет о себе строгость ученого в решении вопросов метода реконструкции. Она проявляется, в частности, в его подходе к разработке гипотез отдаленного языкового родства. Ср., например, такие его формулировки, согласно которым "evidence for reconstructing Proto-Altaic is scanty" (с. 87), или "proto-forms are essentially non-existent in Afro-Asiatic" (с. 90)[1]. В то же время широко принятыми архетипами располагает, по автору, только индоевропеистика - "and then not without disagreement" (с. 90). Тем более естественным должно быть его в высшей степени сдержанное отношение к известным гипотезам, постулирующим посредством "ослабленной формы сравнительного метода" языковые макро-семьи (с. 43).

При характеристике типологического аспекта историко-лингвистического исследования проблематике его формального и контенсивного планов посвящены отдельные разделы. Обращает на себя внимание близость взглядов У. Немана к концепции, отраженной в публикациях ряда отечественных типологов (стимулирующая роль их последних работ подчеркивается ученым уже в Предисловии). Здесь, в частности, позитивно оценивается цельносистемный подход к языковой структуре в рамках контенсивной типологии и принимаются такие единицы классификационной схематики последней как активный и классный типы языков. Находим мы здесь и положительный ответ на оживленно обсуждаемый в лингвистической литературе вопрос о роли типологических критериев при оценке степени адекватности архетипов, реконструируемых методами компаративистики. Одним из его очевидных следствий служит признание автором высокой объяснительной способности понятия активного строя при решении конкретных вопросов реконструкции древнейшего праиндоевропейского состояния (с. 108-111).

На фоне некоторых критических высказываний в адрес концепции индоевропейского корня, сформулированной Э. Бенвенистом, весьма уместным представляется напоминание автора на с. 167 о той позитивной роли, которую сыграла в развитии науки ориентация на характерную для этого корня фонологическую структуру типа CVC (к выводу о необходимости учета "канонической" модели картвельского корня приводит рецензента и практика его работы в области этимологического исследования картвельских языков). Представляется довольно очевидным, что пренебрежение подобными ориентирами обрекает исследователя на ограничение длительной чисто индуктивной процедурой.

В 6-й главе, где рассматривается главным образом лингвогеографическая проекция языковых изменений, автор концентрирует внимание читателя на соотношении статического и динамического в диахронии, а также излагает некоторые уроки исторической диалектологии. Среди последних хочется, в частности, выделить методически

[1] Ср. признание Ст. Либермана, по словам которого, исследователь афразийских языков, "который пытается подойти к филе в целом, может только бросить завистливый взгляд на индоевропеистов, которые имеют так много лет блестящей учености за предложенными реконструкциями" [8: 568].

важное обобщение, согласно которому некоторая последующая диалектная конфигурация языкового ареала сплошь и рядом является не продолжением предшествовавшего диалектного ландшафта, Ъ имеет свою собственную историю. В небольшом параграфе о языковых союзах У. Леман .затрагивает вопрос о каузальных основаниях распространения их структурных признаков в зоне конвергентного процесса.

В трех последующих главах характеризуется методическая сторона диахронического исследования. Здесь на широком материале демонстрируется взаимодействие сравнительного метода и метода внутренней реконструкции и, в частности, подчеркивается все возрастающая роль последнего. Метод глоттохронологии определяется как перспективный способ определения степени языкового родства, нуждающийся, несмотря на предпринимаемые усилия, в серьезном совершенствовании своей лексической базы. В то же время попытки его использования в качестве инструмента обоснования самого факта отдаленного родства результируют, по автору, лишь в "пробных гипотезах" (с. 179).

Посвященные проблематике внутриуровневых изменений дальнейшие четыре главы построены по единому плану. В них сопоставляются разновременные срезы соответствующих подсистем языка, обсуждаются содержание и динамика процессов, а также их каузальные основания Наиболее объемная из них глава о фонетических изменениях выдержана в ставшем уже традиционным для подобных работ ключе (такое впечатление не снижается упоминанием вклада генеративной лингвистики в описание фонологических процессов) и знакомит читателя с центральными понятиями и проблемами диахронической фонологии. В следующей главе отмечается большая структурированность морфологической системы по сравнению с фонологической и подчеркивается большая роль в ее истории процессов парадигматического выравнивания. При рассмотрении вопросов исторического синтаксиса У. Леман во многом делится итогами своих многолетних исследований в этой сфере. Здесь, в частности, акцентируется необходимость ориентации сравнительного метода во избежание "морфологизации" исследования на анализ динамики абстрактных структур. Думается, что его высказывание на с. 240 о более медленных темпах изменений в синтаксисе по сравнению с таковыми в фонетике и морфологии относится в основном к типологически отмеченным сдвигам. Находит в этом контексте свое место и известный вывод ученого о становлении словопорядка VO в индоевропейских языках из более раннего OV в процессе их распространения по занимаемой ими в настоящее время территории. Проблематика семантических изменений в языке раскрывается в книге преимущественно на лексическом материале. Здесь указывается на их частую обусловленность фактором заимствования и экстралингвистическими стимулами, что затрудняет поиск сколько-нибудь общих закономерностей этих изменений, хотя и высказывается некоторый оптимизм в возможности их констатации.

Посвященная взаимодействию уровневых структур в диахронии 14-я глава служит, равно как и Заключение, полезным напоминанием читателю о целостности языковой системы.

Обращаясь, наконец, к теме междисциплинарных контактов историко-лингвистических иследований, У. Леман особо подчеркивает роль данных археологии, необходимость содружества с которой он неизменно пропагандирует и в других работах. Наряду с работами Э. Бенвениста и Фр. Шпехта, содержащими хрестоматийно известные примеры интерпретации языковых данных, согласующиеся с экстралингвистическим контекстом, автор приводит на с. 304 очередной прецедент встречной заинтересованности археологии - недавно опубликованную монографию Э. Барбер, одна глава которой отводится лингвистическим свидетельствам (так, прослеживаемая археологически давность употребления наркотиков в Европе может быть удостоверена, по ее мнению, широким заимствованием в индоевропейских языках обозначения такого несомненного для этого континента интродуцента, как конопля [Barber 1991]. Хотя плоды подобного сотрудничества наук подтверждаются ныне практикой уже нескольких отраслей исторического языкознания (и здесь вместе с У. Леманом следует в первую очередь назвать гипотезу древнейшей прародины индоевропейцев, сформулированную М. Гимбутас), автор прав, отмечая, что его реальный потенциал еще предстоит раскрыть в будущем.

Должно быть очевидным, что жанровая специфика работы побуждала ученого ограничиваться как правило прочными завоеваниями диахронической лингвистики и избегать положений, требующих дальнейшего серьезного обсуждения. Естественно поэтому, что дискуссионные моменты книги сводятся в большинстве случаев к проблемам, сколько-нибудь однозначное реше-

ние которых не подготовлено современным состоянием науки. В частности, к их числу можно отнести авторское положение, сопровождаемое, впрочем, некоторой оговоркой, о наличии смешанных - пиджинов и креолизованных - языков [см. с. 133-137] при невозможности объективного обоснования порога смешанности. Педантичный рецензент мог бы найти и некоторую совокупность вопросов, получивших в труде относительно беглое освещение. Например, ему, очевидно хотелось бы видеть самостоятельную главу, посвященную понятию языкового союза, поскольку последнее ложится в основу особой классификации языков, базирующейся на ареальном истолковании их сходств. В более широком раскрытии нуждается, на наш взгляд, и понятие праязыкового состояния, которое оказывается весьма скупо отраженным и в большинстве других упомянутых выше руководств по исторической лингвистике.

Техническое исполнение книги заслуживает самой высокой оценки. Пользование работой облегчают содержащиеся в ней таблицы, схемы и карты. Вводимая по ходу изложения терминология выделена особым шрифтом. В конце книги имеется сводный библиографический список, учитывающий и литературу начала 90-х годов, а также предметный указатель. Текст почти лишен опечаток (отметим International вместо Internal и ossemens вместо ossements на с. 321). Досаден лишь недосмотр на с. 106, где во фразе, иллюстрирующей структуру эргативной конструкции предложения, в имени субъекта транзитивного глагола отсутствует характерный его падежный показатель.

В целом рецензируемая книга адекватно отражает теорию и методику различных аспектов современного историко-лингвистического исследования. Она отчетливо свидетельствует о том, насколько это направление науки о языке обогатилось цельносистемным подходом к языковой структуре в диахронии. Было бы несправедливым пройти и мимо того обстоятельства, что по объему информации, предоставляемой читателю, работа У. Лемана выходит за рамки учебного пособия для начинающего лингвиста. Знакомство с богатейшим методическим наследием исторического индоевропейского языкознания будет безусловно полезным и для многих лингвистов-историков, работающих за пределами индоевропеистики, сплошь и рядом решающих на своем материале однотипные задачи. Наконец, следует отметить изящную авторскую манеру изложения материала, во многом обусловленную завидным умением автора передавать сложную проблематику науки доступным для начинающего исследователя языком, которое сравнимо с аналогичным даром Э. Сэпира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Barber E.J.W. 1991 - Prehistoric textiles. Princeton. 1991.

Boretzky N. 1977 - Einfiihrung in die historische Linguistik. Hamburg. 1977.

Bynon Th. 1977 - Historical linguistics. Cambridge. 1977 (перераб. нем. издание: Miinchen. 1981).

Fisiak J. 1990 - Historical linguistics and philology. Berlin. 1990.

Hock H.H. 1986 - Principles of historical linguistics. Berlin. 1986.

Jeffers R., Lehiste I. 1979 - Principles and methods for historical linguistics. Cambridge (Mass). 1979.

Lehmann W. 1973 - Historical linguistics: an introduction. 2-nd ed. N.Y. 1973.

Lehmann W. 1962 - Historical linguistics: an introduction. N.Y. 1962.

Lieberman St.J. 1990 - Summary report: Linguistic change and reconstruction in the Afro-Asiatic languages // Linguistic change and reconstruction methodology. Trends in Linguistics. Studies and Monographs. 45 / Ed. by Ph. Baldi, Berlin-New York, 1990.

Г.А. Климов

A. Martinet. **Memoires d'un linquiste: Vivre les langues** (Entretiens avec Georges Kassai et avec la collaboration de Jeanne Martinet). - P.: Quai Voltaire, 1993. 383 p.

Андре Мартине - один из немногих ныне здравствующих лингвистов, который в полной мере осознает себя принадлежащим истории - в первую очередь, конечно, благодаря тому, что он, по общему (и справедливому) мнению, является в наше время знаменем и воплощением французского структурализма (так называемой "функциональной лингвистики").

Рецензируемая книга - произведение мемуарно-биографического жанра, но это мемуары, написанные лингвистом; поэтому

обсуждение весьма специальных лингвистических вопросов порой занимает в книге целые страницы. Однако в первую очередь это рассказ ученого о своей жизни. Книга имеет подзаголовок, который можно было бы перевести как "жизнь в окружении языков" или "жизнь среди языков" (глагол *vivre* во французском языке способен к ряду транзитивных употреблений, и по-французски можно не только "прожить жизнь", но и "прожить языки"). Книга построена в форме интервью, точнее, бесед, записанных Жоржем Кассаи (одним из учеников Мартине) с участием Жанны Мартине. Впрочем, применительно к этой книге, наверное, более уместно говорить о монологе, тематика и тональность которого полностью определяется самим автором, а деликатные реплики собеседника - лишь сопровождают движение мысли говорящего и оттеняют смену сюжетов. Краткие замечания Жанны Мартине призваны дополнить некоторые биографические подробности.

В двадцати главах книги обстоятельно рассказана вся жизнь Андре Мартине в том виде, как он сам ее помнит и представляет - начиная с детских лет в сельской Савойе (Мартине родился 12 апреля 1908 г. в деревне Сент-Альбан-де-Вийар, в семье школьных учителей; впоследствии семья перебралась в Париж) и вплоть до событий самого последнего времени (с 1977 г. Мартине находится в отставке, но достаточно активно продолжает академическую деятельность во всех ее аспектах).

На формирование лингвистических интересов у Мартине, как он сам считает, наложил отпечаток двуязычный характер той среды, в которой протекли первые годы его жизни. В Париже Мартине получил образование филолога-германиста, специализировался по английскому языку и германистике (из двух его докторских диссертаций одна была посвящена экспрессивному удвоению согласных в германских языках, а другая - проблемам фонологии слова в датском языке). В то же время, он достаточно рано начал интересоваться теорией языка и проблемами общего языкознания. В те годы в Европе как раз заявила о себе Пражская школа (прежде всего, фонологическая теория Трубецкого); в начале 30-х гг. завязывается переписка между Мартине и Трубецким. В 1936 г. в "Трудах Пражского лингвистического кружка" выходит одна из первых теоретических работ Мартине по фонологии ("Нейтрализация и архифонема"), положившая начало "фонологическому этапу" научной биографии Мартине и отметившая начало того пути, который позднее приведет к созданию функциональной лингвистики". К тому же периоду относится и установление личных контактов с Ельмслевым и Ульдаллем (здесь отчасти вмешались и чисто биографические обстоятельства: частые поездки Мартине в Данию были связаны с тем, что эта страна была родиной его первой жены).

Подчеркивая близость своих взглядов к концепциям Пражской школы (для которой "функционализм" - также ключевое слово), Мартине, тем не менее, настаивает скорее на естественном совпадении позиций по многим вопросам, чем на прямом влиянии. В гораздо большей степени Мартине склонен подчеркивать преемственность своих взглядов по отношению к теории де Соссюра; в книге сочувственно цитируется высказывание известного итальянского филолога Туллио де Мауро о том, что Мартине, среди исследователей своего поколения, оказался наиболее близким к соссюрианству по духу - в частности, по сравнению с Ельмслевом, последовательный "антисубстанционализм" которого всегда был чужд Мартине (с. 237). Из числа расхождений со взглядами де Соссюра следует отметить прежде всего отказ Мартине от дихотомии языка и речи (в пользу дихотомии *языка* и *языков);* это связано не в последнюю очередь с преобладанием фонологической проблематики в теоретических построениях Мартине. Ср., в частности, его определение языка (от которого он не отказывался и в позднейшие годы), выдержанное в духе классического структурализма: "Язык является средством общения, в котором выражается человеческий опыт - различным образом в разных человеческих коллективах; это осуществляется с помощью единиц, обладающих семантическим содержанием и звуковым выражением, называемых *монемами;* указанное звуковое выражение, в свою очередь, обеспечивается дискретными и противопоставленными друг другу единицами, называемыми *фонемами;* их число в каждом языке ограниченно, их природа и взаимоотношения также различаются от языка к языку".

Однако классическим структурализмом научное наследие Мартине не исперывается; более того, его своеобразие как лингвиста, скорее, заключается именно в том, что он одним из первых стал заниматься в рамках структуралистской парадигмы явлениями, связанными с исторической и социальной *вариативностью* языка. И здесь также немалую рлль сыграл личный биографический опыт Мартине.

Как известно, на формирование научного облика Мартине существенный (может быть, даже самый существенный) отпечаток наложили события военных лет и длительное послевоенное пребывание в США. Во время второй мировой войны Мартине недолгое время принимал участие в боевых действиях, попал в плен и оказался в одном из лагерей для французских военнопленных. Не прерывая лингвистических занятий и в этих условиях, Мартине, по его собственным словам, получил в лагере уникальную возможность для наблюдений над территориальной и социальной вариативностью языка, которые позднее обобщил в своей книге о французском произношении (издана в 1945 г., переиздана в 1971) и в других работах. Сразу после войны Мартине был (по инициативе Якобсона) приглашен для чтения лекций в США. Пребывание в США (с 1946 по 1955 г.), где Мартине работал в Колумбийском университете и был одним из редакторов основанного Якобсоном журнала "Word", завершило формирование Мартине как структуралиста особого направления (в частности, с отчетливым интересом к социальным аспектам языка и к закономерностям его исторического развития). Это произошло и под сильным влиянием Якобсона, и в То же время, в силу стремления как-то дистанцироваться от его взглядов, утверждая собственную научную самостоятельность. В книге подробно охарактеризована обстановка тех лет в Америке (этой, по выражению Мартине, в ту эпоху все еще культурной провинции Европы), немало страниц посвящено личности Романа Якобсона, с которым Мартине пережил и тесное сближение вначале, и некоторое охлаждение отношений в последующем (к сожалению, дающее себя знать в разных местах книги). Запоминаются краткие портреты "на фоне времени" других американских лингвистов, в том числе Дж. Гринберга, Ю. Вайнрайха и М. Свадеша.

Естественно, в книге чрезвычайно подробно описана и научная обстановка во Франции до и после 1968 г., утверждение функционализма как самостоятельного течения, отношения Мартине с французскими и иностранными коллегами, и т.п. Не обойдены вниманием и события личной жизни Мартине: браки, разводы, рождения детей, смерти близких, обретение и утрата друзей, жизнь самых близких учеников - все вместилось в этот объемистый том.

В отличие от многих других французских лингвистов, Мартине не замкнут на чисто французской проблематике и его кругозор никоим образом не ограничен чисто французской научной атмосферой; более того, он не раз подчеркивает, что научное признание его взглядов было более легким и гладким (в известном смысле даже - более триумфальным) именно за пределами Франции. Ученики и последователи Мартине работают ныне практически во всех странах мира - от Конго до Канады, от Сербии до Финляндии. Влияние его школы, бесспорно, велико и во Франции, но (добавим от себя) Франция, с ее традиционным скептицизмом и индивидуализмом научной мысли, неизменно оказывала сопротивление попыткам (пусть даже невольным) утвердить какую-то одну научную школу в качестве господствующей. Кроме того, Мартине полностью игнорирует хомскианское и пост-хомскианское направление, не то чтобы критикуя, а именно величественно не замечая его существования. Несколько реплик в книге Мартине, мимоходом упоминающих Хомского, проливают свет скорее на причины личного порядка, чем на научные основания для такого положения дел. Характерно лаконичное определение термина "хомскианство", помещенное (наряду с определениями некоторых других важных лингвистических понятий) в приложении к книге: «Хомскианство - теория, согласно которой все языки имеют одну и ту же "глубинную" структуру, близкую по своему устройству к наиболее известным западным языкам» (с. 375). Это определение, конечно, далеко не полностью описывает природу теории Хомского и, кроме того, совершенно не учитывает ее позднейших модификаций (в которых роль "глубинной" структуры и трансформационных правил существенно меньше определяет специфику теории). Впрочем, естественно, что функциональная лингвистика остается "автономным государством": для современного этапа развития лингвистики это скорее правило, чем исключение.

Конечно, трудно (да и не следует) пересказывать здесь все содержание книги Мартине. Достаточно сказать, что историк науки найдет здесь для себя массу бесценного материала, свидетельства о событиях в буквальном смысле "из первых уст". Эта задача сильно облегчается благодаря наличию в книге подробного именного указателя, так что ее можно рассматривать и как очень любопытный справочник, содержащий personalia едва ли не всей послевоенной лингвистической Европы, не говоря уже о самой Франции. Российские лингвисты могут с признательностью прочесть несколько строчек о молодом студенте Андрее Зализняке, принимавшем участие в

семинарах Мартине по языку басков и ставшем впоследствии первым переводчиком книги Мартине "Экономия фонетических изменений".

Мартине не ретуширует лиц и не склонен к дипломатическому мягкоречию - можно полагать, его роль и возраст дают ему на то право. Мартине помнит все и всех и, кажется, ничего не оставляет не переданным бумаге. Размолвки сорокалетней давности пересказаны так, как будто произошли вчера. Точность и конкретность деталей, неподдельная страстность в соединении с эпической торжественностью воспоминаний, "подводящих итоги" - это тоже неповторимая черта стиля Мартине. Если бы существовала такая область знаний, как психология научного творчества, лучшего чтения для специалистов в этой области, чем книга Мартине, нельзя было бы представить. Действительно, мы слишком любим подчеркивать элемент безличного в науке, а ведь она создается живыми людьми, полными страстей, слабостей - но и неповторимого обаяния. Хорошо, что книга Мартине напоминает об этом.

В.А. Плунгян

У.-Ж.Ш. Дондуков. **Словообразование монгольских языков.** Улан-Удэ: БГПИ. 1993. 194 с.

Вопросы словообразования и словоизменения в трудах монголистов всегда занимали одно из ведущих мест. Можно сказать, что интерес к данной области в последние десятилетия еще более усилился. После широко известных работ Т.А. Бертагаева и Ш. Лувсанвандана, целиком посвященных анализу морфологической структуры монгольских языков и происходящим в их лексике процессам слово- и терминотворчества, - появилось немало специальных исследований по проблемам словообразования бурятского, монгольского и калмыцкого языков. Об этом свидетельствуют публикации как самого автора рецензируемого труда, так и других ученых, в частности, Д.А. Сусеевой, М.Н. Орловской, С.Л. Чарекова, Л. Болда, П. Бямбасана, Ц. Унэрбаяна и др.

Однако необходимо отметить, что до последнего времени внимание монголистов в основном было сосредоточено на изучении способов аффиксального словообразования без должного освещения других способов и приемов, а также проблематики дериватологии в целом. Естественно, такой ограниченный подход к изучению словообразовательной системы конкретных монгольских языков не давал возможности представить общую картину их развития. На этом фоне исключением является рассматриваемая монография, выпущенная в свет Бурятским книжным издательством. Ее принципиальное отличие состоит в том, что здесь впервые поставлен вопрос о статусе словообразования как самостоятельной монголоведной дисциплине, призванной изучать все известные в истории монгольских языков приемы и способы создания разных типов слов.

Автор книги справедливо указывает, что "пути развития, обогащения и обновления лексики монгольских языков до сих пор остаются еще областью, требующей всестороннего и обстоятельного исследования" (с. 12). Исходя из этого автор исследует все действующие в современных монгольских языках способы, средства и модели слово- и терминообразования. Для полноты и необходимой глубины словообразовательного анализа делается экскурс в историю развития бурятского, халха-монгольского и калмыцкого языков. Привлекаются соответствующие факты в виде эквивалентных параллелей из многих тюркских языков Сибири и Средней Азии, а также древнетюркского.

Благодаря применению синхронного и диахронного подходов к изучению явлений словообразования, автору удалось показать динамику деривативных процессов в монгольских языках. Учет современных и исторических данных во многом содействовал выявлению общности и расхождений в средствах, способах и моделях словообразования, степени их продуктивности в разных монгольских языках.

Книга открывается Предисловием, в котором подчеркивается актуальность изучения словообразования монгольских языков, тесно связанного с особенностями структуры слова, его морфемного состава и межморфемных связей. Во Введении дается краткий обзор основополагающих работ по вопросам монгольской дериватологии. Далее следуют шесть глав, в которых на боль-

шом и разнообразном материале, главным образом, бурятском и монгольском, исследуются конкретные способы словообразования: фонетический, аффиксальный, лексико-семантический, терминологизация слов и словосочетаний, словосложение и парное сочетание слов. Центральное место в работе занимает глава об аффиксальном словообразовании, где в двух обширных разделах исследуются модели именного и глагольного словообразования, которые характеризуются с точки зрения происхождения, сочетаемости и продуктивности аффиксов, специфики семантики производящих основ. Значительное внимание в этой главе уделяется разбору важнейших понятий теории словообразования, методам анализа словообразовательных моделей и типов, морфемному членению слова.

В главе о фонетическом способе словообразования раскрываются приемы использования в лексике бурятского и монгольского языков таких фонетических явлений, как чередование гласных и согласных, синкопа и гаплология, фузия или сращение сочетаний слов. В результате структурных(формальных) изменений и семантической филиации создаются новые лексические единицы разной категориальной принадлежности. Отмечая активизацию этих приемов словотворчества, автор делает вывод о том, что на их базе под влиянием разговорной речи в современных монгольских языках появляются новые продуктивные модели деривации.

В главе о лексико-семантическом способе словообразования исследуются различные виды смыслового преобразования слов, вызванные развитием в слове переносных значений, а также сужением или расширением сферы употребления слова и включением его в разные подсистемы лексики, в том числе профессиональной. В работе отмечается активизация явлений омонимии и антонимии в образовании специальных понятий, относящихся к терминологии разных отраслей знания.

Как указывалось выше, отдельная глава отведена описанию способов терминологизации слов и словосочетаний. В связи с этим обсуждаются проблемы соотношения слова и термина, сигнификативные и коннотационные функции термина, синонимические отношения в терминологии и др. Наблюдения автора над структурой терминов, созданных на основе слов и словосочетаний, подкрепляются интересным и свежим материалом, взятым из различных источников.

Монография завершается главой о способах словосложения и парного словообразования, которые широко применяются как в традиционной, так и современной терминологии монгольских языков. Выделяется несколько структурно-семантических групп сложных и составных терминов, возникших в результате лексикализации сочетаний слов, построенных на сочинительных и подчинительных связях комонентов. Автор особо подчеркивает роль русского языка, под влиянием которого в современных монгольских языках появилось множество оригинальных калькированных слов и терминов, а также сложных слов и словосочетаний, один из компонентов которых является заимствованием из русского языка.

В целом содержательная и богатая фактическим материалом монография У.-Ж.Ш. Дондукова не лишена, на наш взгляд, отдельных недостатков. Во-первых, объявленный автором принцип сравнительного исследования системы словообразования монгольских языков и одинаковой репрезентативности их материала в должной мере не выдержан. Вследствие чего надлежащим образом не раскрыта специфика словообразовательных процессов и явлений в каждом из сравниваемых родственных языков. Во-вторых, освещение вопросов, касающихся фонетического, лексико-семантического словообразования и словосложения носит слишком беглый характер. А между тем, по признанию самого автора, они наименее изучены. На наш взгляд, определенный недостаток книги состоит в неоправданном расширении библиографии в ущерб разделам, где обсуждаются теоретические вопросы словообразования. Достаточно было ограничиться списком работ, на которые делается ссылка. К сожалению, в книге обнаруживаются досадные опечатки и недочеты стилистического порядка. Однако это замечание относится не столько к автору, сколько к редактору издательства. Можно указать и на некоторые неточности в переводах примеров, например, калм. *хург* "съезд" вм. "собрание" (с. 48), бур. *туламай амкар* "отверстие тиры" вм. "отверстие, горловина кожаного мешка" (с. 44), бур. *шагалзаха* "играть в лодыжки" вм. "играть в бабки" (с. 112) и др. Вызывает сомнение оценка некоторых фактов и явлений. В частности, представляется спорным положение о том, что в бурятском и монгольском языках вспомогательный глагол *татах* "тянуть, тащить" превратился в глаголообразующий аффикс *-та-:* бур. *суранзатаха* "намагничи-вать", монг. *сувагтах* "тянуть, рыть, проводить канал"

(с. 18). По мнению автора, эти и подобные лексемы возникли из сочетаний (в данном случае) существительного и глагола: бур. *суранза татаха,* монг. *суваг татах.* Возможно, это так и здесь в самом деле имеет место действие принципа экономии языковых средств.

Высказанные замечания не умаляют научной и практической ценности монографии, которая найдет широкое применение при чтении вузовского спецкурса по словообразованию монгольских языков. В книге обобщаются итоги многолетних изысканий ученого в данной области. Будет справедливо сказать, что новая работа У.-Ж.Ш. Дондукова существенно обогащает монгольское языкознание.

Г.Ц. Пюрбеев

***Л.П. Калакуцкая.* Фамилии. Имена. Отчества. Написание и склонение.** М.: Толк, 1994. 96 с.

Книга Л.П. Калакуцкой задумана как руководство по орфографии, акцентологии и склонению фамилий, имен и отечеств в современном русском литературном языке. Многие положения "Руководства" формулируются автором впервые. Книга содержит достаточно полные списки мужских и женских имен, употребляющихся в современном русском литературном языке, с указанием ударения и склонения. От мужских имен даются отчества. Списки не исчерпываются составом имен в церковных календарях, но содержат также русские народные переделки последних, древнерусские и общеславянские имена, библейские имена, не включавщиеся в церковные календари, а также имена западные и восточные, влившиеся в русский именослов в советский период. Это можно проиллюстрировать на примере мужских имен, тчинающихся на *Р: Радий, Радим, Радилав, Ратибор, Ратмир, Рафаил, Роберт, Родион, Роман, Ростислав, Рубен, Рувим, Рудольф, Руслан, Рюрик.*

Можно спорить с таким отбором имен, но автор имеет право на любой подход к составу и ограничениям анализируемого материала, тем более, если основная установка автора - на нормы русского литературного языка, а не на выбор имен для новорожденных и не на временные, этнические, культурно-исторические и иные рамки. Важно, что этот подход проводится последовательно и материал словаря достаточно однороден, а потому - показателен и надежен.

Обращает на себя внимание отсутствие перекрестных ссылок от разных вариантов одного и того же имени. Так, *У ар* и *Увар, Устим* и *Устин, Майя* и *Мая, Мария* и *Марья* даются отдельными словарными статьями. Это опять-таки объясняется основными установками автора - помочь пользователю правильно написать и просклонять определенное имя, а не выяснить его происхождение, производные формы и т.д.

Склонение имен личных разработано очень четко. Помимо общих правил (о чем речь пойдет ниже), при каждом имени из списка показаны формы его склонения. В сложных случаях приводятся разные варианты склонения, как, например, при имени *Лия.* На практике это имя подпадает под разные правила. Если подключить его к словам, оканчивающимся на *-ия,* то в род., дат. и предл. падежах оно будет иметь форму *Лии.* Но в таком случае основа слова только л-? Как известно, у этого имени есть второй вариант *Лея.* Он включен в списки Л.П. Калакуцкой отдельной статьей, согласно общему принципу подачи материала. На основании этого варианта можно считать, что основа первого имени *Ли]-,* а второго - *Ле]-.* Тогда оба варианта склоняются как обычные слова, оканчивающиеся на *-al-я:* ***Лия,*** род. *Лйи,* вин. *Лию,* дат., предл. *Лйе,* твор. с *Лией; Л'ея,* род. *Леи,* вин. *Лею,* дат., предл. *Лее,* твор. с *Леей.*

В простых случаях склонения приводится только форма родительного падежа: *Светлана, -ы; Евграф, -а; Александр, -а.*

Очень ценно, что все падежные формы имен снабжены ударением.

Так же подробно разработаны формы отчеств, и на каждой форме поставлено ударение. Каждое отчество приведено в двух формах, как оно должно писаться в документах мужчины и женщины: *Адриан, -а {Адрианович, Адриановна).*

Большая группа имен, оканчивающихся на *-ий,* образует отчества двух типов, например, *Анатолий - Анатольевич* и *Анатолиевич.* Это - следствие исторических перестроек, имевших место в русском языке. Дело в том, что памятники XIV-

XVI вв. содержат мужские календарные имена преимущественно в формах *Василей, Григорей, Гурей, Лаврентей* и т.д., откуда склонение: *Василья, Василью, с Васильем,* фамилии *Васильев, Григорьев, Гурьев, Лаврентьев* и отчества *Васильевич, Григорьевич, Гурьевич, Лаврентьевич.* В конце XVI - в XVII вв. происходит постепенное выравнивание форм имен в именительном падеже на *-ий: Василий, Григорий, Гурий, Лаврентий.* Это можно последовательно наблюдать, например, на памятниках из фондов Иосифо-Волоколамского монастыря. Постепенно церковные календари проводят стандартизацию форм таких имен, последовательно придавая им конечное *-ий.* В таких формах стали записываться имена крещаемым. Но это мало повлияло на речевую практику, где в косвенных падежах сохранялись формы типа *Меркурья, Кондратья, Игнатья,* способствовавшие упрочению в литературном языке фамилий типа *Меркурьев, Кондратьев, Игнатьев* и отчеств типа *Меркурьевич, Кондратьевич, Игнатьевич.*

Л.П. Калакуцкая в своем "Руководстве" последовательно приводит обе формы отечеств, например: ***Гени&дий*** *... {Геннадиевич, Геннадиевна* и *Геннадьевич, Геннадьевна);* ***Власий*** *... (Власиевич, Власиевна* и *Власьевич, Власьевна).* Кажется, лишь от имени *Григорий* даны отчества *Григорьевич* и *Григорьевна,* без вторых вариантов.

Перестройки церковных форм имен в русском народном языке привели также к образованию иного рода двояких отчеств при некоторых именах. Например, имя *Данил* в некоторых ранних минеях имело форму *Данил* (без удвоенного гласного), откуда естественная форма отчества *Данилович.* При канонизации формы *Даниил,* которая попала в документы многих граждан, наиболее частотной формой отчества осталась *Данилович.* Оба варианта нашли отражение в словнике Л.П. Калакуцкой.

Вследствие указанных и подобных приспособлений форм церковных имен к особенностям русского литературного языка и разговорной речи некоторые имена могут иметь даже три разных варианта отчеств, что также нашло отражение у Л.П. Калакуцкой, например, ***Аг&пий...*** *(Агапиевич, Агапиевна; Агапьевич, Агапьевна; Агапович, Агаповна).* ***Аврамий...*** *(Аврамиевич, Аврамиевна; Аврамьевич, Аврамьевна; Аврамович, Аврамовна).*

Книга Л.П. Калакуцкой снабжена двумя небольшими указателями. В первый включены имена и фамилии, упоминающиеся в первой части книги (с. 1-32), во второй - те же имена в обратном алфавитном порядке. Первый поможет пользователю найти интересующее его имя, включенное в определенное правило. Второй (если данное конкретное имя в работе Л.П. Калакуцкой не упоминается) поможет обнаружить имена аналогичной структуры и самостоятельно решить, как его надо писать и склонять.

О первой части работы следует сказать особо. Она включает три подраздела: Орфография фамилий (с. 5-7), Акцентология фамилий (с. 7-10) и Склонение фамилий и личных имен (с. 10-32). Несмотря на свою краткость, первые два подраздела играют очень важную роль в структуре всей книги. Они вводят читателя в орбиту литературного русского языка двух последних веков. СИ. Ожегов неоднократно отмечал неоднородность этого языка и, в частности, резкое расхождение языка послереволюционного периода с языком А.С. Пушкина, а последнего - с языком конца XVIII в. И все же Л.П. Калакуцкая глубоко права, охватывая в своем исследовании столь длительный период развития русского литературного языка. Ведь тенденции, наметившиеся в прошлом, продолжают жить в нашем языке и сейчас, и именно спецификой употребления какого-либо имени в прошлом определяется его современное произношение и написание.

Подраздел Склонение фамилий и личных имен по существу представляет собой хорошо сформулированные правила. Некоторые из этих правил предлагались ранее А.В. Сусловой и мной, но они формулировались в чисто структурном плане при строгой экономии места. Л.П. Калакуцкая не связывает себя этим условием и не стремится к тому, чтобы правила были однотипными. Она свободно излагает тот материал, который подходит под определенное правило, и снабжает его серьезными комментариями, вводящими читателя в круг культурно-исторических и общефилологических ассоциаций литературного языка. Таким образом каждое правило ложится на языковой фон определенной эпохи, этнической общности, литературной традиции.

Очень ценны такие примечания, как: "Несклонение мужских фамилий, оканчивающихся на согласный, недопустимо. Неправильно: Улица *Грицевец, ...* к адмиралу *А. Орел..."* (с. 25). "Склонение фамилий типа *Бабий, Ужвій* с переносом ударения на окончание - *Бабия, Ужвия* **...неправильно, нелитературно.** Оно является следствием

переноса украинского склонения этих фамилий в русский язык" (с. 24). "Несклонение фамилий типа *Берия, Данелия* и под. **неправильно.** Объяснение подобного несклонения... мифологизированными представлениями о том, что грузинские (эстонские, японские, финские и т.д.) фамилии в русском языке не склоняются, не соответствует языковой действительности. Грузинские (эстонские, финские и другие фамилии) склоняются или не склоняются в соответствии со своими окончаниями **по законам русской грамматики.** И поскольку в русском языке есть слова общего рода типа "пария", "судия", то так же склоняются и мужские и женские фамилии, имеющие окончание *-ия,* независимо от принадлежности к какому-либо языку" (с. 17).

В разделе об орфографии фамилий важны такие примечания, как: "Параллельно существуют фамилии *Баратынский* и *Боратынский.* Фамилию поэта Евгения Абрамовича следует писать **Баратынский:** так ее писал сам Баратынский ... и так ее писали А.С. Пушкин, А.А. Дельвиг, В.Г. Белинский и другие современники поэта" (с. 6).

«Два русских писателя имели близкие фамилии, различающиеся одной буквой: Владимир Александрович *Соллогуб* (1813-1882 г.) - автор "Тарантаса" и Федор Кузьмич *Сологуб* (1863-1927) - автор "Мелкого беса". Их не следует путать» (с. 6).

Л.П. Калакуцкая первая сформулировала положение о том, что орфография фамилий основывается на традиционном принципе, т.е. сохраняется то написание, которое было зафиксировано в документах данной семьи, и не подчиняется закономерностям общей орфографии, основанной на фонологическом принципе. В этом одно из существенных различий фамилий как имен собственных и апеллятивов, с которыми омонимичны некоторые из них, и, шире, различие специальной и общей лексики.

Также впервые сформулированы Л.П. Калакуцкой положения о том, что фамилии подчиняются изменениям графики: *БЪлинскУй - Белинский,* но не подчиняются изменениям орфографии: *Безсонов, Безпяткин, Коковцов...* Отсюда следствием является то, что фамилии не должны иметь орфографических вариантов. То, что может рассматриваться как вариант в общей лексике и даже в личных именах, в специальной лексике является самостоятельной фамилией: *Валерианов* и *Валерьянов, Высотский* и *Высоцкий...*

Первая часть работы Л.П. Калакуцкой (с. 1-32), основывается не только на использованной литературе (указанной на с. 2-4), но и на личной картотеке автора, насчитывающей свыше ста тысяч словоупотреблений, извлеченных из текстов русского литературного языка с конца XVIII по конец XX в., а также из наблюдений над устным употреблением собственных имен в контекстах разных жанров. И хотя первая часть излагается преимущественно в виде правил, по своей значимости для формирования норм литературного русского языка она является исследованием, серьезным и глубоким. Читая материал, собранный Л.П. Калакуцкой, как бы проникаешь в высшие сферы русской культуры, в мир литературы и поэзии, вновь встречаешься с некоторыми явлениями прошлого.

Работа Л.П. Калакуцкой будет полезна для работников печати, для учащихся и учителей, но самое важное применение она найдет в юридической практике, поскольку < "написание фамилий и склонение фамилий и личных имен непосредственно связаны с юридическими сферами жизни всего общества и каждого его члена, в частности. Орфографически правильное написание фамилии и имени в именительном падеже и правильное написание их в любом косвенном падеже является основой любого документа - от свидетельства о рождении и паспорта до ... диплома, ... документов, связанных с получением и передачей наследования, оформления фирм и т.д." (с. 1). Поэтому чрезвычайно важно, чтобы фамилия, имя, отчество каждого человека (пусть самые невероятные: *Трофимов, Сыроешкин, Воронин)* одинаково писались во всех документах, чтобы к каждой фамилии относились так, "как если бы ее носитель был лицом историческим" (с. 6).

Книга Л.П. Калакуцкой будет способствовать разрешению всех этих задач, повышению культуры речи пишущих и читающих, стабильности записей имен и фамилий в документах.

К сожалению, Лариса Павловна Калакуцкая безвременно ушла из жизни. Эта последняя ее книга (наряду с предыдущими книгами и статьями) будет долгие годы служить тем, кому она адресована, оставаясь памятником и светлой памятью о ней, ученице А.А. Реформатского, заключая в себе частицу и его речевой культуры, и способствуя повышению культуры общения.

А.В. Суперанская

JUH //7 W " "" '

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1995

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

С 28 июня по 3 июля 1994 г, в г. Киеве на базе украинского института международных отношений при университете им. Т. Шевченко проходила Третья международная конференция "Язык и культура". Организатором конференции выступил Фонд гуманитарного развития "Collegium". Интерес к проблеме соотношения и взаимодействия языка и культуры объединил лингвистов разных стран: Белоруссии, Болгарии, России, США, Украины, ЮАР - всего 232 участника.

Программа конференции включала два пленарных заседания, работу секций "Философия языка и культуры", "Культурологический компонент языка", "Национальные языки и культуры в их специфике и взаимодействии", "Изучение национальных языков и культур в их специфике и взаимодействии", "Язык и художественное творчество", "Проблема гуманизации обучения и культурологический подход в методике преподавания языка и литературы". Завершилась конференция "Круглым столом", тема которого формулировалась как "Язык и духовные приоритеты в современном мире".

Общая гуманистическая тональность конференции была задана первыми тремя докладами пленарного заседания.

В докладе В.Л. Скуратовского (Киев) "Архетипы украинской культуры" рассмотрена проблема архетипа как сквозной структуры, выделены понятия универсального и национального архетипа В.Л. Скуратовский предложил интересную трактовку слова как архетипа (слово-модель мира и слово-миф).

Дискуссионным оказалось выступление коллеги из Южноафриканской республики Р. Гамароффа "Культура, язык и научный интеллект". В докладе говорилось о проблемах образования в странах с мультикультурным укладом общественной жизни. Р. Гамарофф подчеркнул необходимость детального изучения так называемого глубинного языка (deep language), или языка мысли, и отграничения его от языка интеллекта (language of intelegence).

СБ. Бураго (Киев) в докладе "Трагедия духовного максимализма" привлек внимание к одной малоисследованной проблеме, а именно: действию принципа "Все или ничего" в художественном творчестве. "Соблазн" максимализма, по мысли докладчика, заключен в знании и ожидании идеала. Однако очевидна и статичность этой установки, ибо она отвергает преобразование, без которого невозможно себе вообразить творческий процесс. Теорию противопоставления принципа максимализма принципу творчества СБ. Бураго доказывал на обширном материале литературы начала XX в.

Устроители конференции стремились к тому, чтобы избежать узкой специализации, свойственной современным гуманитарным областям знания, поэтому в работе секций были представлены доклады по лингвистике, психолингвистике, литературоведению, культурологии и философии. В рамках заседаний доклады тематически группировались.

При всем разнообразии прозвучавших на конференции сообщений можно очертить круг вопросов, которые более всего интересовали ученых.

Прежде всего это язык политики. Этой теме посвятили свои доклады многие участники конференции.

Е.А. Земская (Москва) выступила с докладом "Активные процессы современного русского словообразования". По ее мнению, политические и экономические события конца 80-х начала 90-х гг. оказали весьма значительное воздействие на язык в сфере словообразования. Большую активность обнаруживают ключевые слова эпохи. Например, слово *рынок* существенно расширило свой словообразовательный потенциал. Социально ориентированным оказалось отсубстантивное образование существительных со значением процесса (типа *приватизация)*. Возросло количество наименований лиц *(горбачевец, горбачевист,*

ельцинист). Если сравнить удельный вес новообразований, то окажется, что лидерское положение занимают существительные, вторым по численности разрядом являются прилагательные (типа *проельцинский),* и лишь третье место отведено глагольным новообразованиям, которые все больше вовлекаются в сферу стилистической маркировки речи.

Наблюдения над экспрессивными средствами языка были продемонстрированы в докладе В.Н. Ц о л л е р (Белгород) "Ключевые метафоры в политическом дискурсе". Докладчик считает, что метафоры в языке политики отражают определенные модели мышления и потому так популярны в дискуссиях. В докладе перечислены основные типы так называемых базовых, или ключевых метафор, которые способны порождать более частные метафоры. (К базовым отнесены метафоры "здания", "организма", "механизма", "театра" и т.п.)

Исследованию слова *ментальность* был посвящен доклад А.Ю. Я с н и ц к о г о и И. А. Я с н и ц к о й (Харьков) «К вопросу о понятии "ментальность"». Анализ публицистических и научных текстов позволил авторам вычленить основные компоненты смысла, которые включены в это понятие: компонент национальный, пола, профессии, возраста.

Не остались без внимания на конференции проблемы речевой семантики.

М.В. В с е в о л о д о в а (Москва) в докладе "Языковые интерпретационные механизмы" предложила классификацию механизмов языка, отвечающих за функционирование речевых построений в дискурсе. Основное внимание было сосредоточено на том комплексе механизмов, который определяет закономерности синонимических перефразировок (в докладе эти механизмы названы интерпретационными). Изучение выбора изосемического предложения, по мнению М.В. Всеволодовой, включает два основных момента: описание общего принципа перефразировки и создание типологии.

Сложная смысловая структура малоизученных речевых построений была представлена в докладе М.Ю. Ф е д о с ю к а (Москва) «О речевом жанре "уговоры"». Высказывания, относящиеся к этому жанру, охарактеризованы в докладе по семи параметрам. С точки зрения формальной организации в них выделены "побудительная часть" и "доводы". В докладе были рассмотрены случаи, когда имплицитно выраженной оказывалась та или другая сторона высказывания. М.Ю. Федосюк рассмотрел четыре типа суждений, которые тяготеют к так называемым постулатам бытовой аргументации (т.е. доводам, заведомо известным адресату). Эти суждения, как правило, присутствуют в высказываниях имплицитно.

О проблемах импликации говорилось также в докладе А.А. Х о в а л к и н о й (Симферополь) "Затекстовая информация и способы ее текстовой экспликации". В центре внимания докладчика были специальные языковые средства, выполняющие роль указателей на затекстовую информацию.

Ю.В. К о в а л е в в докладе "Пространственно-временная организация публичного общения" показал значение проксемики для изучения семантической информации в различных коммуникативных ситуациях, таких, например, как ситуация публичного общения. Единицы пространства и времени обусловливают манифестацию социальных ролей. Последние воплощаются в речевых нормах построения текстов, относящихся к тому или иному речевому жанру.

Следует выделить группу докладов по сопоставительному анализу языков и отдельных говоров. Объединяющей является здесь тема национальных ценностей, представленных через язык. Это сообщение С.Н. И л ь ч е в о й' (Красноярск) "Зоо и антропосфера в языковой картине мира", в котором рассмотрены широкие символические возможности зоологизмов в разных языках мира, что связано со спецификой образных представлений у каждого народа; выступление Ж.Ю. К о ш е л е в о й (Минск) "Национальный культурный компонент в этносинтаксисе". Сопоставление языковых фактов и проблемы перевода стали предметом обсуждения в докладах Д.С. К у л ь м а т а т о в а (Ташкент) "История употребления местоимения *вы* в качестве формы вежливости в свете русских и среднеазиатских переводных дипломатических документов XVII в."; В.П. Б о н е в а (Болгария) "О временном состоянии и развитии специализированной туристской лексики в близкородственных языках".

Язык Священного Писания и церковных обрядов представляет огромный пласт культуры, требующий пристального внимания лингвистики. Возрос интерес филологов к переводам Библии.

И.П. К л и м о в (Минск) выступил с докладом «Комментарий и текст в "Евангелии Тяпинского" (к изучению славянских переводов Св. Писания)». На

основе толкования двуязычного издания (старобелорусский и церковнославянский), а также принимая во внимание лингвистический характер комментария, содержащего в маргиналиях, докладчик смог сделать вывод о значительном развитии филологической культуры на восточнославянских землях в XVI в.

Истории еще одного славянского перевода библейского текста посвящен доклад Г.Г. Тяпко (Москва) "Общеславянская лексика в концепции совершенствования перевода Нового Завета В.С. Караджича (на материале абстрактной лексики)". В докладе показано, как перевод этого церковнославянского текста на сербский народный язык повлиял на формирование литературного языка. По мнению Г.Г. Тяпко, Караджич был вынужден активно использовать общеславянские лексемы nomina abstracta для передачи отвлеченных библейских понятий, таким образом была активизирована и вовлечена в употребление древнейшая глубинная часть сербского словарного фонда.

Об особой дексико-семантической оппозиции "света" и "тьмы" говорилось в докладе Т.Д. Похилевич (Львов) «Оппозиция "light" - "darkness" в Библии». Все коннотации слова *light* докладчик на основе детального анализа текстов Ветхого и Нового Заветов связывает с понятием Бога, а слово *darness* - с именем Сатаны.

А.Ю. Козлова (Коломна) в докладе "К вопросу о судьбе одного из сочинений Аристотеля в книжности Древней Руси" привлекла внимание к текстам Шестоднева и Палии, показав взаимодействие славянских литературных языков эпохи средневековья.

Проблемы языка художественной литературы нашли отражение в докладах Л.И. Гетман (Нежин). "Топонимы в художественной речи (на материале произведений Н.В. Гоголя и Е.П. Гребенки)", А. Павленко (США) «Поэма Н. Заболоцкого "Лодейников": структурально-семиотический подход», Е.Г. Руднева "Словесный текст в составе художественного целого", М.О. Шигарева (Дрогобыч) «Антиномия верхнего и нижнего в языковой картине мира повести М. Булгакова "Собачье сердце"», Э.М. Свеницицкая (Киев) «Слово и время в "Поэме без героя" А. Ахматовой».

Методика преподавания русского языка как иностранного стала темой докладов 3. Полови (США) "Американские студенты пишут по-русски; подход к сочинению на продвинутых уровнях занятий русским языком в классе", Е.П. Солонской (Харьков) "О некоторых аспектах восприятия и производства звучащей речи в процессе овладения неродным языком", Т. Йордановой (Болгария) «Лингвострановедческие элементы в учебнике "Русский язык для 11 класса" болгарской школы».

Конференция завершилась дискуссией за "Круглым столом", где обсуждалась ситуация двуязычия на Украине, ставились вопросы изучения народного украинского языка.

Практическим результатом конференции можно считать вышедший в свет сборник "Язык и культура" Третья международная конференция. Тезисы и доклады. Ч. 1-3. Киев, 1994.

МЛ. Гордиевская (Москва)

14-15 сентября 1994 г. в Киеве состоялся научный семинар "Проблемы региональной ономастики", организованный Отделом ономастики Института украинского языка НАН Украины. В работе семинара участвовали представители большинства ведущих ономастических центров республики, а также специалисты из России и Румынии.

В открывшем научные занятия докладе А.С. Стрыжака (Киев) "Германцы и Украина" рассматривались вопросы межэтнических контактов населения будущей Украины эпохи упадка Трипольской культуры (рубеж Ш-Н тысячелетия до н.э. - начало II тысячелетия до н.э.) и расселения носителей шнуровой керамики.

И.М. Железняк (Киев) в докладе "Лингвистическая аналогия и формирование топонимного ареала" показала, что аналогия, особенно активная на уровне словообразования, в ономастической лексике проявляется сложнее, чем в апеллятивной, поскольку семантика многих ойконимических основ нивелирована. Этимологически темные названия менее подвержены аналогической активности. В докладе ставился также вопрос о протяженности действия и направления распространения аналогии внутри топонимного контекста.

Общую концепцию топонимикона, типы и структуру словарных статей, а также пробные тексты вынес на обсуждение Е.С. Отин (Донецк) в докладе "Историко-этимологический словарь гидронимов юго-восточной Украины".

Обратившись к этимологии гидронима *Уж,* О.П. Карпенко (Киев) в выступлении "Гидронимный диалектизм правобережного Полесья" показала, что форма *Уж* не следствие деэтимологизации, а последовательная трансформация диалектной формы *Уш I Уша* в литературную.

Вопросам вычленения ономастических древностей в бассейне верхней Припяти было посвящено выступление В.П. Шульгача (Киев) "Лексические архаизмы в топонимии Волынского Полесья и некоторые проблемы реконструкции праславянского этимона". Докладчик затронул вопросы выделения детерминантных групп (комплексов) в структуре праславянских образований от индоевропейских глагольных основ на гласные и сонанты.

Необходимость систематизации топонимов с корневыми морфемами *вер-, вир-,вор-, вар-* и архаичными префиксами *ко-, ига-, че-* на широком славянском и финноугорском фоне отметила Л.П. Михайлова (Петрозаводск) в выступлении "Древние славянские элементы в топонимии Карелии".

В докладе "Основы тюркского происхождения в гидронимии Кировоградщины" В.В. Лучик (Кировоград) привлек внимание к речным названиям, не попадавшим в поле зрения исследователей или не имеющих общепринятой этимологии *(Аджамка, Кагарлык* и др.).

СВ. Конча (Киев) в докладе "К объяснению одного из названий на карте Птолемея" пытался показать, что форма PopoVaKOi означала "жители боровой местности" и отражала основу **boru!*> <— **borux.* Элемент *koi* соответствовал праслав. **-bk(oi),* который после второго смягчения заднеязычных образовал суффикс *-ьц(1).*

"Элементы украинского языка на картах Гийома де Боплана", обнаруженные Ю.О. Бондаренко (Киев), побудили докладчицу к созданию рекомендаций для современной передачи украинских топонимов на французский язык.

Высокопродуктивный "Предлог и префикс *за* в микротопонимии Волыни и Западного Полесья" стал предметом типологического анализа в выступлении Г.Л. Аркушина (Луцк).

Историко-культурному и лингвистическому значению микротопонимии, ее семантико-мотивационным группам и межъязыковым контактам был посвящен совместный доклад Л. Тарновецкой и О. Федунович (Черновцы) "Особенности микротопонимии Буковины".

Приведя синхронный и диахронный материал по варьированию черкасских хоронимое, а также примеры псевдохоронимов, краевед М.Ф. Пономаренко (Золотоноша) в докладе "Проблемы и вопросы хоронимии Черкащины" призвал к уточнению (стандартизации?) как самих хоронимое, так и значения термина "хороним", не совпадающего в ряде работ.

Основной пафос выступления З.В. Рубцовой (Москва) "Чернобыль? Юодбаляй?" сводился к тому, что недостаточное внимание к полевой ономастической работе приводит к утрате многих возможностей при решении собственно лингвистических, этимологических, этногенетических и других задач, в том числе таких простых, как идентификация объектов на карте и в письменных источниках.

На заключительном заседании были прочитаны доклады по антропонимической тематике. Так, русские и украинские памятники одного временнбго среза положила в основу сообщения "Типы наименования лица в середине XVI в." И.В. Ефименко (Киев), установившая общее и различное в характере именных формул русских и украинцев того периода.

Яркий спектр словообразовательных моделей антропонимов от самых продуктивных до редких и архаичных (например, *Лях* <— *Илля* <*т- Илья)* был представлен в докладе С.К. Богдан (Луцк) "Варианты личных имен в прибужских говорах". Докладчица обратила внимание на различительную роль именных вариантов и на ареальную избирательность антропонимных моделей в разных говорах (селах).

Антропонимный материал "Реестров войска Запорожского" 1649 г. лег в основу сообщения "Ареальная дистрибуция антропооснов украинских фамилий периода их становления" О.Я. Добровольской (Ужгород), вычленявшей дофамильный апеллятив, опираясь на украинские диалектные словари (например, *Дуденко* <— *дуд* "тутовое дерево" и т.п.). По наблюдениям докладчицы, все три украинские наречия вошли в состав фамилий, но более частотны диалектизмы юго-западного говора.

В выступлении, вызвавшем наибольшую активность участников семинара, "Антропонимия карпатского региона и проблема реконструкции славянских автохтонных имен" содокладчицы Л. Тарновская (Черновцы) иЭ. Пицура-Эне (Бухарест) подчеркнули, что для окончательных выводов о времени, территориальном функционировании славянских имен, их даль-

нейшей трансформации в прозвании и фамилии, для их картографической и лексической обработки не хватает синхронного материала.

Подводя итоги работы, В.В. Лучик (Кировоград) выразил надежду, что семинар послужит углублению и расширению дальнейших ономастических исследований.

З.В. Рубцова (Москва)

18 мая 1994 г. в Институте языкознания РАН в рамках деятельности Сектора теоретической лингвистики ИЯ РАН и Научного Совета по теории и методологии языкознания РАН состоялось заседание, посвященное 100-летней годовщине со дня рождения Розалии Осиповны Шор.

Во вступительном слове заведующий Сектором теоретической лингвистики, председатель Совета по теории и методологии языкознания РАН, акад. РАН Ю.С. Степанов (Москва) кратко охарактеризовал научную деятельность Р.О. Шор - одного из ведущих советских языковедов 20-30-х гг. По словам выступавшего, Р.О. Шор была ученым-энциклопедистом, внесшим неоспоримый вклад как в теоретическое, так и в историческое языкознание. В книге "Язык и общество", в статьях "Выражение и значение", "Кризис современной лингвистики" и др. Р.О. Шор выступает не только на редкость широко и фундаментально образованным, но и оригинально мыслящим лингвистом-теоретиком; до сих пор не потеряли научной ценности ее работы по санскриту, по фонетике и грамматике тюркских и кавказских языков. Огромное значение для отечественной лингвистики имели изданные в 1930-е гг. ее усилиями и классические труды Соссюра, Вандриеса, Сепира, Мейе, Томсена. Не менее важно, что Р.О. Шор была крупным литературоведом,- достаточно вспомнить ее хрестоматию по литературе средних веков, исследования памятников санскритской литературы, глубокие статьи в "Литературной энциклопедии", работы по теории перевода. Ю.С. Степанов подчеркнул, что равноправное сочетание в Р.О.Шор лингвиста и литературоведа являлось выражением того почти утраченного ныне духа единства филологического знания, который был столь характерен для русской филологической школы.

К большому сожалению собравшихся, на заседании не смог присутствовать один из патриархов отечественного языкознания, ученик Р.О. Шор - Э.А. Макаев (Москва). По просьбе Э.А. Макаева, его "Воспоминания о незабвенном учителе" зачитала Е.С. Кубрякова (Москва). В своих "Воспоминаниях" Э.А. Макаев рассказал о годах учения у Р.О. Шор, о специфике ее подхода к изучению языка и текста - это отчетливо проявлялось даже в занятиях с аспирантами. Э.А. Макаев вспоминает, что ее своеобразие бросилось в глаза, когда он сдавал экзамен М.Н. Петерсону. Хотя и Р.О. Шор и М.Н. Петерсон были учениками В.К. Поржезинского, между ними были принципиальные научные расхождения, которые никакими внешними причинами (например, отношение к маризму) объяснить невозможно. Ее подходу, в отличие от московской формальной школы, стремившейся к имманентности изучения языка, был свойствен глубокий филологизм. Э.А. Макаеву удалось нарисовать цельный облик своего учителя, показать органичное сочетание в ней строгости и юмора, доброты и принципиальности, внимания к языковым деталям и способности к фундаментальным обобщениям.

Дочь Р.О. Шор - Е.Н. Шор (Москва) - прочла фрагменты из своей книги воспоминаний, восстанавливающих атмосферу и реалии 30-х гг., как они отложились в детском сознании. В первом фрагменте рассказывается о художественном творчестве Р.О. Шор-ребенка: она писала новеллы, публиковавшиеся в журнале "Детское чтение" (позднее "Детский мир"); во втором - говорится о невероятной работоспособности Р.О. Шор, о ее самоотверженном, непрерывном - без выходных и отпусков - научном труде.

В.А. Кочергина (Москва) в докладе "Р.О. Шор и санскритология" отметила, что интересы Р.О. Шор как литературоведа и лингвиста удачно сочетались в ее исследованиях по санскритологии. Докладчица остановилась на трех моментах; 1) исследования Р.О. Шор в области древнеиндийских языков, 2) ее переводческая деятельность, 3) статьи в "Литературной энциклопедии". В статье "Семантика ведийского аориста" Р.О. Шор на большом материале доказывала, что грамматическое значение древнеиндийского аориста видовое, а не временное, как было принято думать. Хотя этот вопрос до сих пор остается открытым, эта работа, опирающаяся на большой

фактический материал, является удачным образцом построения грамматики на базе семантики грамматических категорий. Наиболее известными переводами Р.О. Шор с санскрита являются "Панчатантра" и "Двадцать пять рассказов Веталы". Ее переводы из древнеиндийской литературы являются одновременно исследованиями, до сих пор не потерявшими значения. Так, в предисловии к одному из сборников Р.О. Шор опровергла концепцию Ж. Бедье о полигенезе бродячих сюжетов. Рассматривая мировую литературу как единое явление, она стремилась найти аналогии между древнеиндийской и средневековой западно-европейской литературами. Наиболее значимыми ее статьями в "Литературной энциклопедии" являются статьи "Древнеиндийская литература", "Древнеиндийские языки", а также статьи, посвященные Ведам, эпическим поэмам, крупным литературным произведениям и авторам. Р.О. Шор писала не только о санскритоязычной литературе, но и о литературе на среднеиндийских языках, рассматривала литературу буддизма и джайнизма. Доклад В.А. Кочергиной был шире своего названия: докладчица подробно охарактеризовала статьи Р.О. Шор в "Литературной энциклопедии", тематический спектр которых очень широк (помимо индийской филологии - общее языкознание, западноевропейская средневековая литература, теория литературы, поэтика, стилистика), а точность и глубина демонстрируют энциклопедические знания автора.

В.М. Алпатов (Москва) в докладе "Р.О. Шор и марризм" говорил о позиции Р.О. Шор в спорах 20-30-х гг., связанных с "новым учением о языке" Н.Я. Марра. Ее позиция была промежуточной: она по существу не была марристской, но пыталась интегрировать отдельные элементы "нового учения о языке" в лингвистическую науку. Р.О. Шор не считала главной стороной учения Марра элементный анализ и выдвигала на первый план более приемлемые для науки стороны марризма, такие, как, например, идеи о смешении языков. Такая позиция была уникальна для 20-х гг., однако к концу 30-х гг. на нее встали большинство учеников и последователей Марра. Взгляды Р.О. Шор не принимались ни марристами, ни их противниками.

Доклад СЮ. Мазура (Москва) "Проблемы теоретической лингвистики в трудах Р.О. Шор" состоял из двух частей. В первой части докладчик опровергал сложившееся представление о Р.О. Шор как о лингвисте-теоретике неоригинальном и "склонном к эклектизму"(хотя глубоко и разносторонне образованном). Во второй - стремился показать, что за ее внешней эклектичностью скрывалась цельная лингвистическая теория фундаментально обоснованная философски. По мнению докладчика, неверно рассматривать Р.О. Шор как последовательницу французской социологической школы. Тем более невозможно видеть в Р.О. Шор сторонницу - в духе времени - "социологического" (не говоря уже о "марксистском") метода изучения языка, несмотря на утверждение, что ее задача - "свести все многообразие языковых фактов к каузальному единству путем выделения социального момента в слове". Для нее, глубоко усвоившей феноменологическую критику редукционизма, "социологический редукционизм" был не более приемлем, чем психологистический или натуралистический.

По мнению докладчика, если по отношению к Р.О. Шор и можно говорить о каком-либо редукционизме, то это был "редукционизм" филологический, неизбежно следующий из признания того факта, что единственным предметом лингвистики как эмпирической науки является язык, понимаемый (по Г.Г. Шпету) как "вещь мира культурно-социального". Соответственно определяется и метод эмпирической лингвистики - метод историко-культурной интерпретации, т.е. метод филологический. Иные задачи у лингвистики теоретической как формальной онтологии слова. В своем понимании предмета и метода лингвистики Р.О. Шор, действительно, была неоригинальна, поскольку принадлежала, по ее же словам, к «молодой московской лингвистической школе, группирующейся под знаменем "Эстетических фрагментов" Шпета». Оригинальность Р.О. Шор состояла в том, что она проницательно увидела в философии Шпета возможность "подведения философского фундамента под социальную теорию языка и согласования ее основных положений" с логико-семиотической концепцией Гуссерля, что освобождало последнюю от психологизма. Далее докладчик определил систему теоретической лингвистики, разрабатывавшуюся Р.О. Шор, как лингвистический реализм в противоположность лингвистическим концептуализму и номинализму и привел некоторые параллели (Г. Пауль, К. Бюлер). По мнению докладчика, опиравшаяся на философскую систему Шпета лингвистическая школа, к которой принадлежала Р.О. Шор, создавала подлинно новое учение о языке, в некоторых самых общих методологических

положениях совпавшее с "новым учением о языке", чем и объясняется научная позиция Р.О. Шор в 20-30-е гг.

Чл.-корр. РАН Э.Р. Тенишев (Москва) не мог присутствовать на заседании и представил свой доклад "Р.О. Шор как исследователь тюркских языков" в письменном виде. Э.Р. Тенишев отметил, что работы Р.О. Шор по тюркским языкам до сих пор не утратили своего значения и нуждаются в переиздании. Исследуя инструментальным методом состояние смычных согласных в чувашском языке (1929), Р.О. Шор пришла к заключению, что определение звонких и глухих смычных чувашского языка как полузвонких и отожествление их с безголосыми mediae неверно. Это положение было проверено Р.О. Шор позже на материале азербайджанского языка в отношении увулярного "q", который определялся до этого тюркологами то как "неполнозвучный", то как "глухой" или "звонкий". Пользуясь тем же инструментальным методом, Р.О. Шор показала (1936), что согласный "q" в положении перед гласным в начале слова может быть охарактеризован как взрывной безголосый, озвонченный только в отступе. Теперь это положение стало аксиоматическим. Исследуя "аджаро-турецкое" наречие, она указала на наличие трех членов в оппозиции переднеязычных и губных согласных: *t - d* - бир - ^ - физ них придыхательными являются *Ь* и ф, свойственные грузинскому и лазскому языкам. В аджаро-турецком эти фонемы придыхательны не только в заимствованных из грузинского словах, но и в собственно турецких, т.е. имеют соответствия в других тюркских языках. В результате Р.О. Шор приходит к заключению, что "здесь как будто налицо случай (так остроумно оспариваемый Мейе в его споре с Шухардтом) фонетического смешения в собственном смысле, т.е. оформления лексического материала одного языка в соответствии со звуковыми особенностями другого".

В заключительном слове Ю.С. Степанов отметил актуальность затронутых докладчиками проблем, а также желательность издания неопубликованных и переиздания малодоступных ныне трудов Р.О. Шор.

СМ. (Москва)

CONTENTS

E.V. Uryson (Moscow). Fundamental abilities of man and naive "anatomy"; V.Yu. Apresjan (Moscow). "For" and "for the sake of": common features and differences; A.E. Kibrik, E.A. Bogda*nova (Moscow). Russian "sam" as an operator of correction of the hearer's expectations; L.A. Sergievskaya (Rjazan). Modality of the compound and complex sentences with imperative meaning in contemporary Russian; V.Z. Sannikov (Moscow). The pun as a semantic phenomenon; E.A. Ivan'ciko va (Moscow). F.M. Dostojevskij's novel "A raw youth": the lyrical narration; A.D. Sveicer (Moscow). The history of the American variant of English: moot problems; M.E, Alekseev (Moscow). On the reconstruction of the Common Daghestanian nominal morphology; V.B. Ivanov (Moscow). The limits of the word and incapsulation in Persian, Tadjik and Dari; A.A. Kerimova (Moscow). The main trends in the development of contemporary Tadjik literary language; Surveys: M.M. Makovskij (Moscow). Compendium of Slavonic and Indo-European etymology (on occasion of the twentieth anniversary of the publication of the first fascicle of the "Etymological dictionary of Slavonic languages"); **Reviews:** G.A. **Kl** imov (Moscow). *W.P. Lehmann.* Historical linguistics. Third edition; V.A. Plungjan (Moscow). *A. Martinet,* Memoires d'un linguiste: Vivre les langues; G.Ts. Pjurbeev (Moscow). *U.Z.S. Dondukov.* Word-formation in the Mongolian languages; A.V. Superanskaya (Moscow). *L.P. Kalakutskaya.* Family names. Names. Patronyms. The spelling and the declension; **Scientific life.**

Технический редактор *Н.С. Евсеева*

Сдано в набор 27.02.95. Подписано к печати 31.03.95 Формат бумаги 70 x 100 1/16
Офсетная печать. Усл. печ. л. 13,0 . Усл.кр.-отт. 25,6 тыс. Уч.-изд. л. 15,9 Бум. л. 5,0
Тираж 1973 экз. Зак. 2546

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Институт русского языка
телефон 201-74-42
Московская типография № РАН, 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6